

Антони Смит

ДВЕ ГОРСТИ ПЕСКУ

В последние годы особенно остро встал вопрос об охране диких животных. Чтобы спасти виды, которые быстро становятся редкостью, человечество предпринимает самые экстренные меры. Английский зоолог Антони Смит решил для изучения жизни животных применить воздушный шар. О том, как проходил эксперимент и какие приключения произошли с его участниками, рассказывает предлагаемая книга.

- [Антони Смит](#)
 - [Мечта](#)
 - [В путь](#)
 - [Занзибарская неделя](#)
 - [Возврата нет](#)
 - [В Африку](#)
 - [За шаром](#)
 - [В глубь материка](#)
 - [Буря](#)
 - [Вылет из Маньяры](#)
 - [Грозовая туча](#)
 - [Кратер Нгоронгоро](#)
 - [Лагерь под фиговым деревом](#)
 - [Салехская площадка](#)
 - [Посадка в лесу](#)
 - [Поиск](#)
 - [Африканские ленты](#)
 - [Воздушные гонки](#)
 - [Маньятта](#)
 - [Серенгети](#)
 - [Табун](#)
 - [Последний перелет](#)
 - [Приложение. Дуглас Боттинг](#)
 - [А. Съемка шара с земли](#)
 - [Б. Съемка земли с шара](#)
 - [В. Съемка животных](#)
 - [Фотографии](#)
 - [Послесловие](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)

- [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
-

Антони Смит

Две горсти песка

Написал эту книгу я, но экспедиция, о которой пойдет речь, никогда бы не состоялась, если бы не мои товарищи и все те, кто помогал нам. Поэтому с благодарностью посвящаю им эту книгу

Я сел на дно гондолы. Для меня как раз нашлось место, и я почувствовал некоторое облегчение. Сидеть было не очень удобно, множество всяких предметов исключало возможность настоящего отдыха, но бывают минуты, когда — удобно, неудобно — просто необходимо сесть. Сейчас была именно такая минута. Я, как мог, согнул колени, втиснул ступни в относительно свободное пространство и уперся спиной в веревку.

Гондола перестала раскачиваться, и в мире опять воцарилась тишина. Макушка моей головы была вровень с краем гондолы, но сквозь толстое плетение я видел землю. Впрочем, не столько землю — равнины и скалы, пыльные плешины и болота, холмы и леса сменяли друг друга, теряясь во мгле. Рассмотрев все это, я закрыл глаза. Так вроде спокойнее, ведь я сел не потому, что устал, а потому, что боялся. Еще никогда в жизни я не боялся так.

Конечно, закрывать глаза перед лицом опасности нелепо. Опасность не исчезнет от того, что вы ее не видите. Зато не так страшно. Этот перелет потребовал от нас предельного напряжения наших мыслительных способностей, и он еще не кончился. В гондоле оставалось полмешка балласта. Мы находились в двух тысячах метров над озером с едкой содовой водой и примерно в трех тысячах метров над уровнем моря. Ветер прекратился, а нас со всех сторон окружали огромные, пухлые великаны гроззовые облака. С шаром все было в порядке, стропы и крепления целы, большая оранжево-серебряная сфера отлично держала форму, но и шар, и мы зависели от атмосферы, от всяких там восходящих и нисходящих течений, волновых движений воздуха и прочих проявлений турбулентности. В каких-нибудь двух километрах отсюда нас едва не затянуло в свисающее вниз основание мрачной гроззовой тучи; мы навсегда запомним эти гулкие раскаты... Опасность благополучно миновала, но, когда неожиданный порыв ветра вынес нас из облака, мы снова очутились в лучах солнца. В силу физических законов, которым подчинено воздухоплавание, мы поднялись еще выше, а озеро словно провалилось вниз. Вот почему меня потянуло сесть; все равно я был бессилен что-либо сделать.

Из кучи пустых мешков, съемочной аппаратуры, приборов, веревок, одежды, кассете киноплёнкой и фляг, на которой я — более или менее равномерно, если не считать нескольких острых выступов, — распределил свой вес, торчали ноги моих товарищей. Оба еще стояли. Учитывая ограниченную емкость гондолы, у них просто не было другого выбора. Когда человек сидит на полу размером 120х90 сантиметров, он при всей своей готовности съежиться в комок будет занимать большую часть площади. Успешно уподобившись морскому узлу, я приоткрыл глаза, чтобы осмотреться.

Ноги принадлежали Алену Руту и Дугласу Боттингу. Начнем с Аленовых. Вверху они были облачены в шорты, внизу оканчивались парой сандалий. Кожа смуглая, потому что Ален постоянно проживал в Восточной Африке и редко заглядывал в города и поселки. Хорошие, крепкие ноги, правда, правому колену вскоре предстояло столкнуться с острым камнем. Однако в этом не было ничего особенного и ничего нового: коленки Алена

постоянно украшала какая-нибудь ссадина. Они и их хозяин просто не могли обойтись без повреждений. Дальше следовали ноги Дугласа. Хотя он одного роста с Аленом, они казались длиннее благодаря узким брюкам, которые после насыщенных событиями недель все еще сохраняли намек на складку. И ботинки не совсем потеряли блеск. Обе пары ног, каждая по-своему, пытались поладить с багажом в гондоле, а их владельцы, положив локти на ее край, обозревали простершийся внизу водоем.

В обычное время мои товарищи были поглощены съемками. Смена пленки, объективов, батарей, камер и позиции — на все это уходит время. Нажать кнопку уже не так сложно, тем не менее на воздушном шаре, когда ландшафт поминутно меняется да еще глядишь, из-за дерева вдруг появляется слон или розовое пятно на краю озера распадается на тысячи летящих фламинго, оператору некогда вздохнуть. Во всяком случае пока шар летит достаточно низко и объекты съемки находятся в пределах досягаемости камеры; другое дело, когда шар взмывает вверх на много сотен метров. Тогда, какой бы длинный и длиннофокусный объектив вы ни применили, даже самые большие слоны, окружившие самые маленькие деревья, останутся букашками. Конечно, панорамные кадры с широкими видами, когда вы запечатлеваете на пленке все новые и новые дали, тоже интересны, но нельзя же без конца снимать бесконечность. Именно так получается при съемке с высоко летящего шара. Перед вами на метр тянется передний план, а дальше — ничего, только воздух, воздух до самой земли, которая в свою очередь теряется где-то вдали.

Вот почему в эту минуту Дуглас и Ален ничем не были заняты. Я сидел подле их ног, а они прикидывали, упадем мы в озеро или не упадем. Пока мы держим высоту, есть надежда достичь берега. Какого именно, не так уж важно: ведь аэростат может сесть чуть ли не где угодно. Но мысль о том, что можно попасть и в озеро, нас тревожила. В принципе можно сесть и на воду и, превратившись в своего рода неуклюжий, уродливый парусник, идти к берегу, однако это озеро, длиной сорок восемь и шириной шестнадцать километров, не вдохновляло нас на такую попытку. Подобно многим лишенным стока внутренним водоемам оно много тысяч лет играло роль растворителя. Чаше всего в таких озерах накапливается соль, намного увеличивая выталкивающую силу воды, но озеро Маньяра накопило соду. И если мы приводнимся здесь, придется нам плыть не один километр по едкому раствору. Прежде всего пострадают наши глаза, потом и кожа. До какой степени — об этом мы могли только гадать, потому что никто, разумеется, не плавал подолгу в таком растворе. Я поглядел вниз в щели между прутьями. Вот оно, озеро в двух тысячах метров под нами, исчерченное тут и там белыми полосами соды. Я перевел взгляд на висевший у меня на шее альтиметр, но стрелка не сдвинулась с места после того, как я решил сесть. Ну так и я останусь на месте. Все равно ничего не поделаешь, пока атмосферные силы не решили, как с нами поступить.

Ален и Дуглас продолжали смотреть на воду, пытаюсь определить, смещается ли хоть немного крохотная точка, которая была нашей тенью. Она лихо подскакивала на волнах: ведь там, внизу, сейчас был почти шторм, с северо-востока на юго-запад катили волны. Мы на самом деле движемся или это только кажется из-за волн? Мои руки ощупали мешок, наполовину заполненный песком. Весь наш оставшийся балласт, больше нечем затормозить падение, будь то на едкую воду или на окружающую ее иссушенную солнцем твердь. В руководствах сказано, что для посадки всегда должно быть припасено не меньше тридцати килограммов балласта, а если шар спускается с большой высоты, то и этого мало. У нас семь килограммов, и высота изрядная. Оставалось только ждать. И закрыть глаза. И, напустив на себя спокойствие, гадать, чем все это кончится.

Почему-то в таких случаях на воздушном шаре чувствуешь себя очень одиноко, даже если рядом с тобой два товарища. Никто не может вам помочь. Песка не хватает. И никто не

подбросит вам еще. Вы очутились слишком высоко, да к тому же над озером с едкой водой. Мы сами себя поставили в такое положение, в котором ничего не могли предпринять. Никто не заставлял нас подниматься в воздух на аэростате, чтобы попытаться из его гондолы снять огромные стада африканских животных, проверить возможности столь удобного наблюдательного пункта и отметить столетие первой книги Жюль Верна, где речь идет об исследовании Черного континента с помощью воздушного шара. Мы задумали возродить к жизни аэростат и найти ему современное применение. Теперь наш замысел осуществлялся, и мы не могли рассчитывать ни на чью помощь. Мы были одни, нам было страшно, а ведь все шло как положено. Правда, нам пришлось основательно потрудиться, чтобы попасть в эту переделку.

«Поймите, мистер Смит, командир аэростата должен иметь надлежащее свидетельство, — сказали мне в одном месте. — А чтобы заниматься съемками, вам потребуется удостоверение пилота-воздухоплавателя гражданской авиации». «Нет, — ответили мне в другом месте, — наша фирма не может изготовить для вас воздушный шар. К тому же в Восточной Африке вы не найдете запасных баллонов с водородом». «Уверяю вас, животные бросятся врассыпную при виде аэростата». «Вы не осилите таких расходов. Одна только перевозка по морю во что обойдется! А авиатранспорт?» «А что вы будете делать, когда сядете?» «Грифы сразу нападут на ваш шар, если вы его вообще раздобудете». «Если такой полет возможен, почему никто до вас его не совершил?» «Местные власти будут против полета. Они должны быть против него. Зачем причинять беспокойство людям? Лучше выкиньте из головы всю эту затею!»

Многие из тех, с кем я встречался, готовя экспедицию, изо всех сил, с полным убеждением в своей правоте старались мне помешать. Мне до сих пор невдомек, как ухитряется существовать наша экономика в этом изменчивом мире, если столько винтиков в ее машине считают своим долгом тормозить любое предложение. Родилась идея — отклонить ее! Выдвинули план — не давать ему ходу! «Ну вот, — говорит служащий какого-нибудь злосчастливого учреждения, сделав все, чтобы вам помешать, — сразу дайте мне знать, если я могу еще чем-нибудь помочь».

Экспедиция на воздушном шаре похожа на любую другую экспедицию. Все оказывается куда более сложным, чем представлялось поначалу. Само наше представление о воздухоплавании было опрокинуто, едва мы оторвались от земли. Я-то думал, что мы будем парить над лесами и степями Африки мягко, легко, бесшумно. Грозовые тучи, оборванные стропы, конвульсии шара, подхваченного восходящим потоком, — такие вещи мне и в голову не приходили. Словом, я в корне заблуждался в целом ряде фундаментальных вопросов. Сколько громких слов было мной сказано о прелестях воздухоплавания, когда я еще ступал по земле в Англии и знал об этом чуть больше моего собеседника, но я никому не говорил и не представлял себе, что придет минута, когда я сожмусь в комок на дне гондолы, зажмурюсь и буду молить небо о помощи.

Около часа провисели мы в тот день над озером. Время от времени то один, то другой из нас выпивал глоток воды или съедал банан, причем шкурки мы не выбрасывали, потому что, став хоть немного легче, шар поднялся бы еще выше. В начале перелета он заслонял нас от солнца, но потом тень сместилась, и теперь нас нещадно жгли палящие лучи. Подобно захваченным штилем морякам в старину, которые в отчаянии вонзали ножи в мачту, мы ждали вмешательства внешних сил. И внезапно они вмешались.

Зеленый вымпел неожиданно расправился. Одновременно порыв ветра коснулся наших лиц, и мы тронулись с места. Куда тронулись, не понять поди разберись, когда ветер дует неведомо откуда. Я глянул на альтиметр. Мы спускались (наконец-то!), притом довольно

быстро. Вяло свисавший вымпел теперь развевался почти горизонтально, а наша тень решительно направилась к восточному берегу озера. Северо-восточный ветер сменился западным, но разве это так важно? Я живо встал и посмотрел вниз, проверяя, какого рода земля впереди.

Теперь полет протекал в соответствии с моим старым представлением о воздухоплавании. Я сбросил немного драгоценного песка, чтобы притормозить падение, и продолжал смотреть, как приближается берег, инкрустированный содой. С великолепной легкостью мы пересекли границу между водой и сушей. Какими смешными кажутся неприятности, когда они позади! Какими пустяковыми, даже нереальными! Только что внизу была вода, а теперь уже суша. Тень от шара росла по мере того, как приближалась земля. Темные пятна превратились в деревья, еще более темные — в водопои. В камышах можно было разглядеть антилопу. Чуть поодаль — двух газелей. Вот взлетела дрофа. Жираф высокомерно пощипывал листья, не подходя вплотную к дереву.

Мы продолжали опускаться, и я сбрасывал одну горсть песка за другой, не позволяя шару набрать ускорение. При высоте шестьдесят метров конец гайдропа коснулся пыльной земли и потащился следом за нами. Чем большая часть гайдропа ложилась на землю, тем медленнее терял высоту аэростат, наконец он пошел горизонтально вровень с макушками деревьев. Все складывалось как нельзя лучше; нам это казалось волшебством. Ветер был свежий, но ничего опасного, и мы легко проплывали над всевозможными препятствиями на приятной скорости — около двадцати пяти километров в час. Рядом, словно выражая свою симпатию, пролетали птицы. Без усталости стрекотали насекомые. Впереди открывались все новые просторы. Мы видели все больше животных. Огромное стадо позвякивающих колокольчиками масайских коров. Зебры. И газели — потанцуют, поскачут и останавливаются. От этого чарующего зрелища душа переполнялась восторгом через край, как у влюбленного, когда захлебываешься от избытка впечатлений, избытка красоты и чувства слияния с чем-то другим, растворения в чудесном и непостижимом. Воздух был теплый, воздух был превосходный. Запахи — упоительные. Виды — изумительные.

Теперь Ален и Дуглас были заняты сверх головы. «Лирика!» — кричали они друг другу, спеша запечатлеть на пленке хотя бы одну десятую окружающего нас чуда. Это слово я потом слышал от них не раз — это своего рода профессиональный термин, которым операторы обозначают всякое красивое зрелище. Операторы должны все поспевать делать — подмечать красивый вид, восхищаться им и в то же время решать технические задачи, чтобы съемка была удачной. Вот и слышишь от них это небрежное «лирика», за которым они скрывают свое волнение, потому что передать ту или иную сцену на пленке слишком трудно, чтобы еще и описывать ее вслух. «Лирика!» — повторили Дуглас и Ален, глядя каждый в свой видоискатель. Ничего не скажешь — зрелище и впрямь было поэтичное.

Естественно, полет на воздушном шаре, как и все, что начинается подъемом, заканчивается спуском. Желательно при этом, чтобы неизбежность сочеталась с целесообразностью, — скажем, если удастся принудить шар сесть возле дороги, такая предусмотрительность сбережет вам потом много усилий. В Африке это почему-то не всегда удавалось, и, уж конечно, мы никак не могли рассчитывать, что за озером прямо по курсу нас будет ждать дорога. Но она нас ждала, притом не простая, а гудронированная, и не какая-нибудь, а Большая северная магистраль, узкой лентой которой двадцатый век перетянул всю Африку от крайнего севера до крайнего юга.

Я сбросил еще песка. Медленно, плавно сокращался просвет между нами и землей. Деревья кончились, на смену им пришла трава. Во всяком случае что-то похожее на траву. «Фантастика», — сказал Дуглас, порывшись в своем словарном запасе. Ален в знак согласия

буркнул что-то, не разжимая губ. Во время съемки он всегда жевал дужку своих очков — какая уж тут членораздельная речь. Во всяком случае его возглас тоже выражал восторг, иначе и быть не могло, потому что в эту минуту окружавший нас мир казался нам чуть ли не идеальным. Но мы опускались все ниже, и то, что сперва показалось нам пышным травяным покровом, обернулось редкими травинками, важно торчавшими среди каменной россыпи. Между тем, когда говорят, что воздухоплаватель сам выбирает место для посадки, это нельзя понимать слишком буквально. Как-никак, ему надо решить нелегкую задачу, не будучи особенно придирчивым к точке соприкосновения с землей. Он должен гондолу, которая представляет собой всего-навсего корзину из прутьев, посадить на немалой скорости, какой бы грунт ни был внизу.

И в то же время, сколько я знаю, ничто не сравнится с такой корзиной в способности противостоять всем толчкам и ударам и при этом пощадить своих пассажиров. Посадка аэростата (кое-кто называет ее управляемым несчастным случаем) — незаурядное событие. Причем всего незауряднее оно кажется, когда вот-вот должно произойти. Все три (когда больше, когда меньше) члена команды стоят в гондоле, будто замороженные, а земля медленно (чаще быстро) приближается к ним. Корзина продолжает плыть по воздуху, все тихо и мирно, пока не становится ясно, что плыть осталось совсем немного. В ту же минуту метрах в трех над землей кто-то из команды дергает красную веревку разрывного полотнища, которая позволяет в кратчайший срок выпустить газ из оболочки. Он еще тянет веревку, когда происходит посадка, и гондола издает терзающий душу скрип. Она может издать его и два и три раза, если посадка будет не совсем гладкой, но вскоре замолкнет и успокоится.

Если все сложится благополучно, оболочка ляжет впереди гондолы и прильнет к земле, чуть подрагивая от ветра и собираясь в складки. Сами воздухоплаватели в это время тоже лежат — руки, ноги, мешки, камеры, приборы, флаги и прочее, все вперемежку, — и тоже трясутся от смеха, вызванного облегчением. Они немедленно предпринимают попытку выпутаться, но эта попытка сразу же терпит крах, потому что конечности прочно застряли в мешанине. Тут нужна разумная координация, нельзя поддаваться первому порыву, если вы хотите, чтобы все трое вновь стали отдельными субъектами. И как же чудесно снова ступить на землю, когда душа еще живет упоением полета! В эту минуту вы чувствуете себя властелином мира.

Однако это небольшое вводное описание одного перелета, во время которого мы сперва испугались, потом облегченно вздохнули и наконец возликовали, отнюдь не надо понимать так, что мы отправились в Африку, оснащенные воздушным шаром, нарочно, чтобы испытать страх, облегчение и ликование. У нас были другие мотивы, может быть не очень ясные, а в общем связанные с нашим убеждением, что аэростат может оказаться превосходным наблюдательным пунктом для изучения животных. Лет десять назад организации, занимающиеся охраной животных, получили самолеты. Они, несомненно, являются большим подспорьем, но уж очень шумят. Никто не знал, как животные отнесутся к воздушному шару, и был лишь один способ проверить это. Мне довелось однажды путешествовать по Африке на мотоцикле (именно тогда у меня и родилась мысль об аэростате), и все встречные животные, кроме одного, уносились от меня вдаль со скоростью ракеты. Не бросилось наутек единственное животное, которое почему-то долго трусило со мной рядом, позволяя примерно представить себе, что я буду испытывать, если полечу на воздушном шаре, а внизу подо мной бесшумно будет скользить мимо животный мир Африки.

Кто-то должен был проверить эту идею, и мне осточертело видеть одни только спины животных да мелькающие копыта, миглом пропадающие в завесе пыли, и мотоцикл родил в моей душе мечту о тихом, плавном путешествии по воздуху — словом, кому, как не мне,

провести этот эксперимент! К тому же, говорил я себе, я занимался зоологией и когда-то умел управлять самолетом. Конечно, управлять самолетом и аэростатом не одно и то же, но я тогда хорошо чувствовал себя в воздухе. И вообще мне казалось очень обидным, что такому великолепному изобретению человека позволили умереть. В Англии воздухоплавание давно прекратилось, самое время его возродить!

Выбор воздушного шара для наблюдения за животными оправдывался еще и тем, что применение столь эксцентричного средства транспорта из прошлого века помогло бы заинтересовать общественность этой проблемой. В Африке осталось мало мест, где животные вели бы прежний образ жизни и сохранились в больших количествах. Эти места ревностно охраняются, но, как ни странно, поборники этого дела остро нуждаются в помощи, иначе им не удастся уберечь одно из самых замечательных наследий, доставшихся человеку. Представьте себе полумиллионные стада, которые бродят, скажем, на просторах Серенгети. И подумайте о том, что эти стада исчезнут, если все будет идти так, как шло последние десятилетия. Исчезнут навсегда, бесповоротно. И представьте себе, что вас утром разбудил — как это еще бывает в заповедниках — стук тысяч копыт, тысячи зебр скачут мимо вашей палатки. Что перед вами десятки тысяч антилоп гну. Или полмиллиона летящих фламинго. Или столько же пеликанов... А теперь представьте себе, что земные и воздушные просторы опустели, не осталось ни птиц, ни зверей. Это не праздные слова. В большинстве областей Африки это уже свершилось. И уцелевший животный мир, несомненно, находится под угрозой. Еще несколько лет неразумного хозяйствования — будь то из-за недостатка инициативы, или непонимания, или попросту из-за нехватки денег, — и несчетные стада диких животных обратятся в прах.

На мой взгляд, было множество причин, чтобы отправиться в Африку с воздушным шаром. Но во всех подобных случаях есть одна причина, которая играет решающую роль. Когда альпинист говорит, что должен взять вершину, потому что она существует, — в этих словах заключен исчерпывающий ответ. Стоит гора. Человек видит ее. Тысячи людей видят ее, но с одним из них происходит что-то особенное, какой-то голос говорит ему: эта гора ждет, чтобы ее взяли. С этой минуты он во власти зова души, он должен взять вершину. «Почему не пролететь над Африкой на воздушном шаре? — говорит вам тот же голос. — Она просто ждет, чтобы кто-нибудь это сделал. Вот было бы здорово! Почему не сделать этого?»

Я еще колебался, лелеял мечту, но не решался приступить к делу, когда встретил Дугласа. Мы знали друг друга раньше, а теперь встретились вновь в доме одного нашего друга под Гудстоном. Я рассказывал про свой замысел, он слушал. Здесь-то и начинается по-настоящему моя повесть.

Разговор вращался вокруг прелестей воздухоплавания, беспечно обходя реальность. «Только представь себе — летим на воздушном шаре, — говорили мы. — Останавливаемся над лесом и бросаем якорь. Или ловим рыбу в озере. Или, привязавшись за буй, идем по течению над рекой...» Мы фантазировали, радостно смеялись и мечтали поскорее отправиться в путь. Представляли себе, как мы на ночь становимся на якорь и слушаем доносящиеся снизу звуки и голоса Африки; как мы останавливаемся над источником и наблюдаем идущих на водопой животных; как весь мир лежит у наших ног, и не надо даже поджимать их, чтобы пропустить его, если он придет в движение.

Когда мы снова встретились с Дугласом, оказалось, что он отнюдь не предал забвению идею о путешествии на аэростате. Напротив, он развил ее и указал, что пора браться за дело, ибо 1962 год как нельзя лучше подходит для осуществления замысла. В своем романе «Пять недель на воздушном шаре», написанном в 1862 году, Жюль Верн впервые смело попытался соединить науку с вымыслом и создал сплав, который затем так успешно использовал. А

героем книги был англичанин, по имени Сэмюэль Фергюсон, не только выдающийся во всех отношениях человек, но и автор очерков о своих приключениях, печатавшихся в газете «Дейли телеграф», ежедневный тираж которой достигал ста сорока тысяч экземпляров и едва удовлетворял спрос миллионов читателей. Не знаю уж, почему Жюль Верн из всех свободных профессий избрал для героя своей первой книги профессию журналиста, но меня это вполне устраивало, ибо я зарабатывал на жизнь статьями на научные темы в той же самой газете. Другими словами, налицо была очевидная связь между вымышленными приключениями 1862 года и реальной идеей наших дней. Кстати, Верн называл доктора Фергюсона самым деятельным и популярным корреспондентом «Дейли телеграф». Не смея тягаться с доктором, я тем не менее считал себя просто обязанным пройти по его воздушным стопам.

К тому же мне были так близки и понятны многие чувства Фергюсона, особенно когда он поет гимн воздухоплаванию. «Мне слишком жарко — я поднимаюсь выше; мне холодно — я спускаюсь; гора на моем пути — я перелетаю; пропасть, река — переносюсь через них; разразится гроза — я уйду выше нее; встретится поток — промчусь над ним, словно птица. Подвигаюсь я вперед, не зная усталости, и останавливаюсь в сущности не для отдыха. Я парю над неведомыми странами... Я мчусь с быстротой урагана то в поднебесье, то над самой землей, и карта Африки разворачивается перед моими глазами, будто страница гигантского атласа...»

Раздув искру моей идеи, Дуглас удалился на зиму в Шотландию. Эта зимовка преследовала две цели. Во-первых, он повстречал друга, который искал человека, готового зимой за кров и стол присмотреть за двумя выдрами, и согласился быть этим человеком в течение обусловленных шести месяцев. Во-вторых, он задумал написать книгу, и бесплатная возможность пожить в тихом и спокойном уголке была ему очень кстати. Выдры несколько иначе смотрели на дело и обладали достаточной энергией, чтобы оторвать от письменного стола два десятка трудолюбивых писателей, однако Дугласу об этом никто не сказал, и он в отличном настроении отправился в Саунд-оф-Слит, предоставив мне закладывать основу экспедиции.

А дел было много. Я должен был так или иначе познакомиться с теорией воздухоплавания и аэростатами, выяснить, где можно раздобыть аэростат, чем наполнять оболочку, как с ней управляться и какие ветры дуют в Африке. Еще надо было решить, куда именно я полечу, кто может ссудить нам денег, как подобрать других членов экспедиции. Мое неведение в этой совершенно новой для меня области было велико, но я старался не упускать ни одной путеводной нити и писал всякому, кто мог либо сам сообщить мне что-то, либо подсказать какую-то новую идею, либо познакомить с полезным человеком. Кроме того, я прочел кучу книг о том, как летали на воздушных шарах в старину, и даже написал брошюру о предполагаемом путешествии.

Доктор Сэмюэль Фергюсон, бесстрашный герой Жюль Верна и наш прямой предшественник на поприще воздухоплавания над Африкой, тоже убедился, что подготовка отнюдь не исчерпывается приобретением шара. После того как были закончены все дела в Англии, ему понадобился целый корабль, чтобы доставить себя, своих товарищей, оболочку и все прочее на Занзибар. Ему посчастливилось: он жил в мире вымысла и смог воспользоваться кораблем военно-морских сил. Мы жили столетием позже в реальном мире и не могли рассчитывать на такую удачу, поэтому нам пришлось трудно с нашим снаряжением.

Верховная комиссия по делам Восточной Африки дала разрешение на экспедицию, другие власти тоже дали свое благословение, начальник «Сивил авиэйшн» отнесся доброжелательно к нашим планам, служащие и инспектора различных заповедников (мы долго не могли разобраться, кто из них за что отвечает) приглашали нас в свои владения. Словом, брошюра оказалась полезной. Люди любят, чтобы все было точно и по форме изложено на бумаге. Есть на что опереться.

День, когда наши сто восемьдесят баллонов по сто сорок килограммов каждый, наполненные сжатым водородом, отчалили на борту теплохода «Тревоз» от пристани «Рояле Альберт», явился важной вехой на пути нашей экспедиции. Третью баллонов была адресована на Занзибар, остальные через Момбасу в Арушу, город в Танганьике, который должен был стать нашей базой. Отправка этих баллонов означала, что мы полагаемся на водород и разговор о нагретом воздухе окончен.

Этому решению предшествовала долгая дискуссия, какой способ предпочесть. Принцип Монгольфье обладает одним несомненным преимуществом — воздух есть повсюду, его только нужно нагреть. Но с ним связаны и серьезные неудобства. Чтобы монгольфьер имел такую же подъемную силу, как водородный шар объемом в 750 кубометров, потребуется оболочка объемом в 3500 кубометров, а температура воздуха в ней должна превышать на сто градусов температуру среды. Это довольно много, и большинство оболочек, которые мы испытывали, разрушалось при длительном нагреве до такой температуры. Опыты проводила для нас компания Р. Ф. Д. в Годэлминге, известная своими надувными лодками и спасательными жилетами. Сперва разрушался защитный слой, а при распаде его молекул выделялся, в частности, хлор, и ткань оболочки быстро оказывалась разъеденной.

И все-таки пришлось отказаться от монгольфьера не из-за оболочки. Температура, превышающая температуру окружающего воздуха на сто градусов, была слишком высока. Правда, цифра «сто» была выбрана произвольно, но, если понизить температуру внутри шара, надо делать его еще больше. Полеты над Африкой на монгольфьере объемом минимум 2800 кубометров повлекли бы за собой множество других проблем. Даже наш скромный водородный аэростат достигал в высоту семнадцати метров от дна гондолы до выпускного клапана. Двадцать человек только-только справлялись с такой ношей, когда оболочка была пуста. Словом, мы поставили крест на нагретом воздухе. Подобно первым воздухоплателям 1780-х годов мы предпочли шарльер. Получили водородные баллоны и отправили их в Африку.

Особое внимание Дуглас уделил съемочной аппаратуре. Не так-то просто было решить, что следует взять с собой. В глазах непосвященного кинофотодело напоминает своего рода цепную реакцию: каждый шаг вперед вынуждает сделать еще два. Купите хорошую камеру — к ней тотчас потребуются первоклассные объективы. Купите набор объективов — вам непременно захочется пополнить его усовершенствованными телевиками и

широкоугольниками. Хорошая аппаратура, естественно, требует крепких футляров, чтобы защитить ее от всяких передраг. Короче говоря, стоит чуть-чуть ослабить поводья, и оператор разорит вас, а сам утонет в своем снаряжении подобно Белому рыцарю из Зазеркалья^[1].

Дуглас сумел устоять против таких соблазнов, как сигнал-генератор, моторчик с постоянной скоростью вращения и телеобъектив с переменным фокусным расстоянием 85–250 миллиметров. Он ограничился весьма скромным набором, точный вес которого мы узнали на своей спине, переноса аппаратуру с места на место во время экспедиции.

Когда планируешь экспедицию на воздушном шаре, соприкасаешься с людьми различных профессий. Я постоянно слышал рассказы про воздухоплателей и сам встречался с людьми, побывавшими в небе. Сэр Джулиан Хаксли поведал мне про увлекательный перелет, когда он и еще один зоолог внезапно свалились из облаков чуть не на голову погруженным в мирские мысли прихожанам, стукнулись о землю у них перед носом и тут же снова вознеслись к небесам. Второй зоолог, сэр Элистер Харди, мой бывший учитель, подтвердил эту историю и вспомнил другие случаи. Знакомый английским телезрителям путешественник Арман Дени в свое время тоже летал на аэростатах. Воздухоплателем был и доктор Арпад Эскрейс, ныне сотрудник компании «Бритиш оксиджин», а в прошлом — известный польский аэронавт-любитель. До первой мировой войны он участвовал в состязаниях на дальность полета. Однажды, вылетев из Брюсселя, Эскрейс несколько суток шел на большой высоте, потом наконец спустился, чтобы сориентироваться, и понял, что очутился в Румынии. Его это вполне устраивало, он снова набрал высоту, а еще через сутки опять снизился. На этот раз ему открылось неутешительное зрелище — кругом была вода. Эскрейс подумал, что это Черное море, и, так как воде не было конца, окончательно утвердился в этой догадке. Чтобы дотянуть до берега возле Одессы, ему пришлось выбросить за борт все, кроме своего спутника. Короли и князья слали им свои поздравления; через три недели они вернулись в Варшаву.

Но самое поразительное в этой удивительной истории то, что не их шар выиграл соревнование. Один сорвиголова «поймал» шторм и пролетел над Восточной Европой со скоростью 160 километров в час. Когда кончился балласт, он приземлился в Сибири, куда восточнее Одессы...

Последние недели перед выездом нам было некогда вздохнуть. Всякая проблема насчитывает две фазы. Первая фаза сопряжена с главными заботами. Надо погрузить на судно водородные баллоны. Заказать оболочку для аэростата. Раздобыть грузовик. Найти кино пленку. Потом следуют трудности производные. Где хранить наши баллоны? Кто их туда доставит? А вдруг их украдут, или откроют вентили, или потеряют защитные колпаки? Прибудет ли наш грузовик с платформой-прицепом, выкрашенный в те же цвета, что аэростат, в Дар-эс-Салам к 31 декабря, и улажен ли вопрос со страховкой? Нужны ли специальные документы для провоза кино пленки, возьмут ли власти Занзибара полную пошлину за неэкспонированный материал, не испортится ли пленка от жары, сколько пленки понадобится нам на Занзибаре и сколько в Дар-эс-Саламе? Переписка становится все более лихорадочной, напоминания учащаются.

Во что бы то ни стало мы должны были выехать из Англии до рождества. По плану вылет с Занзибара был назначен на 1 января. Необходимость торопиться и точно выдерживать сроки диктовалась тем, что нам еще надо было сделать кучу дел до начала периода дождей, то есть до 15 марта. Конечно, мы произвольно выбрали дату, сезоны не подчиняются календарю, но приблизительно в это время здесь разверзаются хляби небесные и дороги превращаются в полосы жидкой грязи. Уже в беспокойные дни декабря сводки погоды,

поступавшие из Найроби, огорчали нас: так называемый короткий октябрьский сезон дождей чрезвычайно затянулся, и количество осадков превысило все цифры последних десятилетий. Так что, если между двумя сезонами дождей и вклинится сухой, он, несомненно, будет очень непродолжительным. Надо предельно использовать его. Значит, к рождеству мы должны быть на Занзибаре. Непременно должны.

Рейсовый самолет компании «Бритиш юнайтед эйруейз» распутал лабиринт дорожек лондонского аэропорта, выбрался на взлетную полосу и взял курс на место первой посадки — Мальту. Я решил вздремнуть и устроился поудобнее, положив ноги на какие-то приборы, а голову на мягкий брезентовый мешок с ярлыком «Личный багаж, № 5». На обратной стороне ярлыка можно было прочесть, что багаж № 5 весит 204 килограмма. Тяжеловато, но ведь там лежал целый воздушный шар.

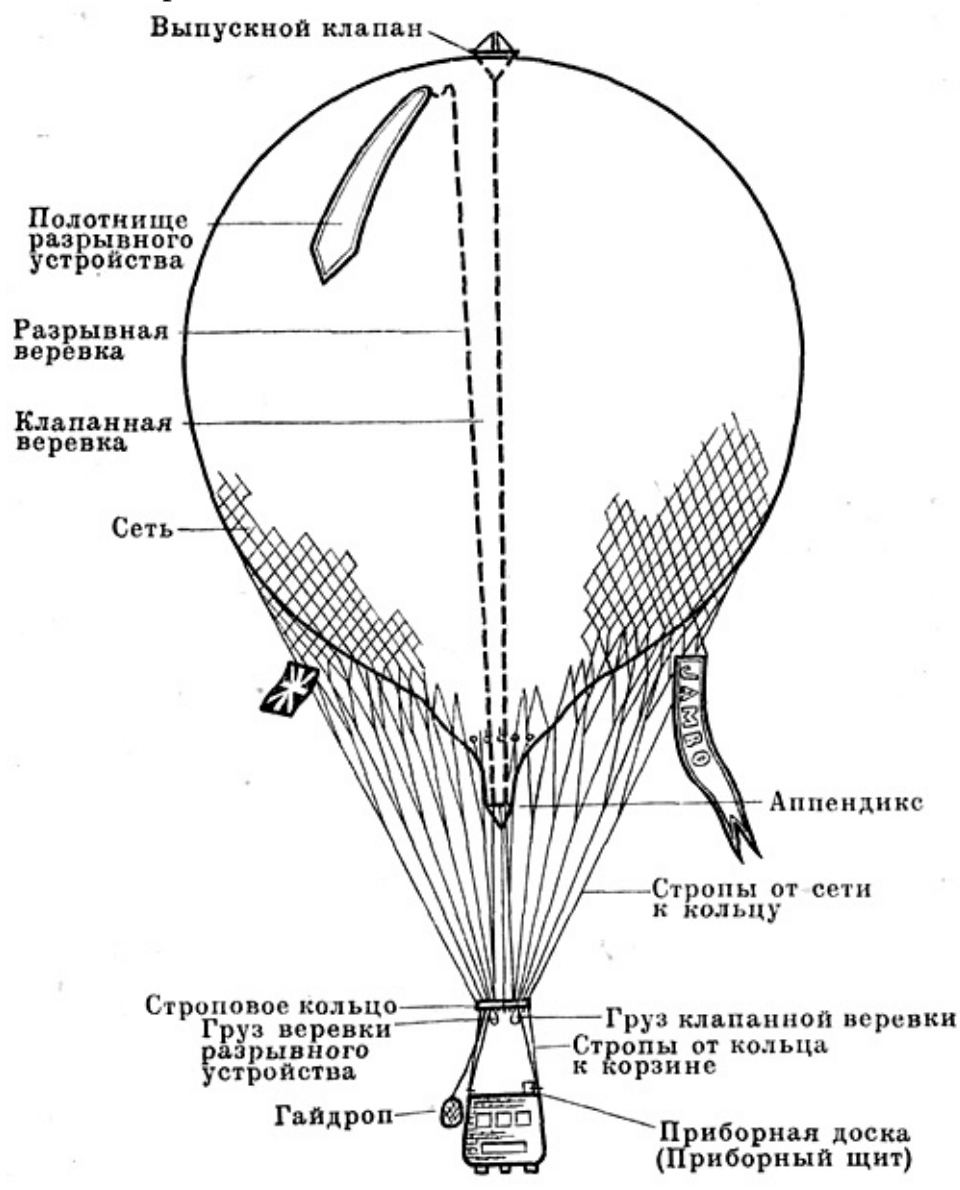

Рис. 1. Схема устройства воздушного шара

Занзибарская неделя

Занзибар — чудесный остров. Я почувствовал это уже тогда, когда самолет местной линии, вылетев из Найроби, прошел на небольшой высоте над его коралловыми рифами, пальмовыми рощами и узкими извилистыми улочками. Еще сильнее я это ощутил, когда вместе с Дугласом и Джефффри Беллом, «нашим человеком» на Занзибаре, ехал на такси из аэропорта до гостиницы Салима Барвани. Эта гостиница стала нашей базой, отсюда мы на отличных велосипедах выезжали каждый день, чтобы заниматься делами, а заодно упрочить свою симпатию к Занзибару. Через неделю после моего прибытия и через два дня после того, как из Танганьики прилетел Ален Рут, чтобы присоединиться к экспедиции, мы сидели в клубе Таябали Керимджи и, более чем когда-либо восхищенные достопримечательностями острова, чокались, провожая 1961 год. За нашим столиком сидели две девушки в сари современного покроя, сочетающем лучшие качества моды Запада и Востока. Обе были удивительно хороши собой: большие лучистые глаза, кожа цвета горячего влажного песка, движения естественны и грациозны, как у колеблемой ветром травы. Мы пили вино большими глотками; 1962 год обещал быть великолепным.

В эту новогоднюю ночь нам впервые за много месяцев выдалась возможность по-настоящему отдохнуть. Последние дни старого года, как назло, изобиловали неприятностями. Одну часть аэростата по ошибке заслали в Солсбери. Еще одна часть надолго застряла в Момбасе. Полетели телеграммы в оба конца. Таможенные власти обложились инструкциями и предались обычному крючкотворству, прекратить которое было бы очень просто — стоило только подписать несколько чеков. Например, с нас потребовали огромную пошлину за ввоз неэкспонированной пленки.

Мы объяснили, что большая часть пленки по-прежнему будет неэкспонированной, когда экспедиция двинется дальше. Нас попросили прикинуть, сколько мы заснимем. Мы ответили, что это будет зависеть от скорости ветра при вылете: ведь и в воздухе на нас, наверно, тоже будет распространяться юрисдикция Занзибара. Совершенно верно, сказали нам, Занзибар установил трехмильную зону как в море, так и в воздухе. Пришлось примерно подсчитать, сколько кино- и фотопленки, черно-белой и цветной, мы израсходуем за то время, что проведем на Занзибаре, над Занзибаром и около Занзибара в пределах трех миль по горизонтали и без определенного предела по вертикали. Получился весьма внушительный документ, и, как только мы его представили, власти сразу успокоились и пропустили все без пошлины, а начальник таможенного управления предложил нам партию детских воздушных шаров, чтобы мы с их помощью могли определять направление ветра.

Сидя в клубе Керимджи, мы держали в руках высокие стаканы и разговаривали с прелестными газелеподобными существами, а пальмы, склонившись над нами, словно пытались скрыть, что облака плывут совсем не туда, куда надо. Согласно нашим справочникам, весь январь должны были дуть северо-восточные ветры. В это время года из Аравии выходят в плавание дау, а они исстари использовали пассат. Но как ни старались шуршащие пальмы скрыть истину, слишком очевидно было, что облака идут с северо-запада. Если мы вылетим в такой ветер, у нас будет богатый выбор посадочных площадок — весь Индийский океан. При удаче можно попасть на Мадагаскар, но в воздухоплавании и без того так много зависит от удачи, что лучше не испытывать судьбу, рассчитывая на встречу с изолированным островом. Чтобы мы могли вылететь, ветер должен перемениться и подуть в сторону Африки. Африканский континент довольно велик, и промахнуться по нему просто немыслимо. Стеля в стену, даже самый плохой стрелок не промахнет.

Нам снова и снова объясняли, что в этом году вообще выдалась необычная погода. Дескать, в декабре не бывает таких дождей. Мы услышали это снова, когда сильнейший ливень мигом превратил в озеро зеленую лужайку неподалеку от гостиницы, избранную нами для стартовой площадки. О необычной погоде твердили нам и тогда, когда пробные шары с водородом стремительно удалялись на юго-юго-восток, чтобы утонуть в нескольких градусах к югу от Занзибара в волнах могучего Индийского океана.

Вообще неблагоприятная погода как-то потеснила другие важные проблемы, но, если не считать ее, большинство этих проблем благополучно разрешилось. Шестьдесят водородных баллонов поступили в целости и сохранности, давление газа в них не упало. Авиационное начальство не возражало против нашего полета, и каждый пилот, прибывавший на Занзибар, делился с нами своими синоптическими прогнозами. Полиция в лице старшего инспектора Сулеймана обещала выделить восемьдесят человек, чтобы сдерживать напор толпы на стартовой площадке. Командование воинской части, недавно размещенной на острове, обещало отрядить нам в помощь взвод солдат. Исполняющий обязанности резидента не только одобрил наш план, но и пригласил нашу тройку на коктейль в свой особняк с колоннами. Глава правительства через свою канцелярию, размещенную в самом замечательном здании Занзибара — Доме чудес (Беит-аль-Аджаиб), единственном в городе имеющем лифт, дал разрешение на полет.

Весь город нас благословил, и все нам помогали. Путешествия на воздушном шаре, особенно в Восточной Африке, ныне редки. С Занзибара никогда еще не вылетали аэростаты, но люди с хорошей памятью уверяли, что во время первой мировой войны на остров заходил крейсер, оснащенный привязным аэростатом. Занзибарское радио регулярно сообщало о наших планах, и уже к концу первого дня нас узнавали в лицо. Остров знал, что ему навязали воздушный шар, и с улыбкой встретил этот удар судьбы.

Да и где нам стартовать, если не на Занзибаре? Сто лет назад (а ведь мы праздновали столетний юбилей) именно здесь начинали свой путь все, кто направлялся в восточные области Африки. Остров служил базой для таких людей, как Бартон, Спик, Грант, Стенли и Ливингстон. Они прибывали сюда, обогнув мыс Доброй Надежды, и закупали припасы для своих экспедиций. Здесь же они нанимали носильщиков, и в местном музее можно увидеть соответствующие документы. Жалованье одного человека составляло пять шиллингов; мало кто из нанятых вернулся обратно. Дом, где останавливался Ливингстон перед своим последним путешествием, сохранился: он стоит у моря, к северу от так называемого Акульего рынка. Из комнаты Стенли в другом конце города открывается великолепный вид на залив. Мы там даже пообедали, когда вели переговоры о прокате лодки с нынешним владельцем дома Эриком Стивенсом. Моторная лодка понадобилась нам на тот случай, если шар сядет на море и придется спасать экипаж.

Встреча Нового, 1962 года в клубе Керимджи происходила как обычно. «Газели» встали вместе с нами, пригубили фруктовый сок, поморгали и улыбнулись. 1962 год начался превосходно. Превосходное настроение не покидало нас и когда мы четыре часа спустя, оставив в клубе прочих членов нашей компании, с песнями и смехом побрели по хитрому переплетению тесных улочек Занзибара. Было вдоволь луж и душно, как в оранжерее. И были тупики, но только на первый взгляд, потому что нашим глазам вдруг открывались заключенные в чудные рамки виды на пляж и буруны, которые беззвучно рассыпались в лунном свете на краю моря. И конечно, на каждом шагу из земли торчали корни. По-прежнему в небе скользили рваные облака, скользили не туда, куда надо, угрожая сорвать нашу экспедицию еще до того, как она началась.

На следующий день меня разбудили хлопающая форточка и развевающаяся занавеска. В

комнате бушевал шторм, и не только в комнате, но и над всем островом. На Маврикий налетел циклон, его действие простерлось до самого Занзибара. Нам не замедлили сообщить, что шторм в это время года явление совершенно необычное. При таком ветре нечего было и думать о вылете, зато он привел в наши ряды Шарля Пова, который стал четвертым членом экспедиции. Шарль был родом из Кейптауна и говорил с ярко выраженным южноафриканским акцентом. Он совершал путешествие по Африке на попутных машинах. Ему захотелось поплавать около коралловых рифов («Боже, что за краски — фантастика!»), но шторм помешал, и Шарль принялся помогать нам («Только сумасшедший может считать эти паршивые веревки достаточно толстыми»), вместо того чтобы слоняться без дела по городу («А вообще-то город шикарный, это точно»). Он всюду носил с собой лемура, который лазил по хозяину, а устав, забирался к нему в карман и засыпал. Проголодавшись, этот лемур мог съесть бесконечное количество кузнечиков. Трапеза прекращалась лишь после того, как все ресурсы Шарля оказывались исчерпанными.

Хотя ветер не позволил нам взлететь в первый день января, как это предусматривал график, разработанный в Лондоне, мы не сидели сложа руки. Когда вам предстоит поспешный старт (а это неизбежно в воздухоплавании, ибо с той секунды, когда аэронавт оторвался от земли, путь назад отрезан), приходится все дела заканчивать до вылета, ничего не откладывая на потом. Надо было организовать перевозку остающегося снаряжения на материк. Надо было поблагодарить всех, кого следовало. Надо было свертывать работы, а ведь у нас оставалась еще куча незавершенных дел. Сюда относилась заготовка песка на пляже, приведение в порядок аэростата (я обнаружил, что не хватает веревок, соединяющих гондолу с кольцом), разговор с диспетчером аэропорта, уточнение договоренности с полицией и воинской частью и подбор новой стартовой площадки. Вопрос о площадке решился успешно, хотя тактически мы действовали не совсем безупречно.

Местное радио сообщило, что шар вылетит со спортивной площадки школы имени короля Георга VI. Радиорепортеры проводали о нашем замысле прежде, чем мы успели переговорить с директором школы. Понятно, он возмутился, и его недовольство еще больше возросло, когда старший инспектор, который приехал вместе со мной, чтобы помочь мне, предположил, что соберется не меньше пяти тысяч человек. Наш разговор принял скучный оборот. Тогда я добавил, что на площадку привезут десять тонн баллонов со взрывчатой начинкой, что мы не можем точно указать не только час, но даже и день старта после наполнения оболочки, что необходимо присутствие пожарной команды и, наконец, что аэростат может оказаться сильнее нас, вырваться и натворить бед. Подобно человеку, готовому сразиться один на один, но предпочитающему отступить, когда на него навоятся пятеро, директор сдался, услышав, сколько неприятностей ему грозит, и мы со старшим инспектором крепко пожали его мужественную руку.

У занзибарцев есть один минус — гостеприимство. На нас со всех сторон сыпались приглашения. Мы даже были вынуждены произносить речи.

— Господи, — сказал Шарль, — что это еще за благородные замашки? Но меня им не вывести из себя.

А сколько шуточек на тему воздухоплавания мы наслушались! Может быть, с нашей стороны было некрасиво глумиться над ними, но многие говорили буквально одно и то же. И это бы еще ничего, если бы каждый остряк не считал себя оригинальным и не хохотал до упаду от собственного остроумия. Через некоторое время мы начали классифицировать эти остроты. Самая популярная из них не заслуживает того, чтобы ее здесь приводить. Острота номер два дословно звучала так: «Если вы наполняете шар горячим воздухом, его у нас здесь сколько угодно». Сказав это, жалкий остряк начинал биться в конвульсиях. Мы смотрели на

эти корчи с холодным отвращением, с каким пуританин из Массачусетса созерцает пьяного забулдыгу на улице. Следующее место занимала не менее дурацкая шуточка: «Кто из вас первым вылетит за борт?» Опять корчи в пыли, и опять пуританское высокомерие и презрение с нашей стороны. Еще острили по поводу проколов и отправления естественной надобности в полете, но эти и многие другие остроты не были удостоены даже места в классификации.

Потом мы вдруг сообразили, что наше умение невозмутимо выслушивать глупости и делать каменное лицо еще комичнее, чем сами остроты в глазах этих презренных лиц. И когда острякам наконец удавалось совладать со своими грудными клетками, наступала наша очередь корчиться, держаться за бока, ловить ртом воздух, гримасничать и все такое прочее, но, конечно, на более высоком уровне.

Наряду с теми, кто наводил на нас тоску своими остротами, точнее, дословным повторением чужих острот, за что их в общем-то нельзя было упрекать, были еще другие, изводившие нас откровенно глупыми вопросами. Наверно, мы зря подсмеивались над их пороками, но уж очень часто нам задавали такие вопросы, что хоть караул кричи. Одно дело — оправданное неведение, другое — откровенный идиотизм. Многие вопросы заслуживали уважительного ответа, сколько бы раз мы их ни слышали, например: из чего сделана оболочка, какой газ мы применяем, каковы размеры аэростата, как фамилия мастера, как крепятся веревки к гондоле и к сетке, как сажают воздушный шар.

Но я бы строго наказывал за вопросы, в которых участвует не разум, а только страсть почесать язык. Например: «А как же вы возвращаетесь к месту старта?» И в том же духе: «Как вы правите шаром?» Люди, спрашивающие, чем мы наполняем оболочку — кислородом, азотом или каким-нибудь сжатым газом, не заслуживали, на наш взгляд, учтивого отношения. Ведь окружающий нас воздух почти на сто процентов состоит из смеси кислорода и азота, и всякий сжатый газ весит больше несжатого, поэтому мы в свою очередь спрашивали этих людей, задумывались ли они над тем, как такой шар оторвется от земли. Спору нет, мы порой реагировали довольно резко, но нам казалось, что мы вправе задать такой контрвопрос; мало того, иногда мы еще спрашивали, известно ли им, почему деревянная чурка не тонет. Невежливый вопрос, что и говорить, но мы утешались тем, что далеко не все могли на него ответить.

Второго января ветер стих. Маврикийский циклон выдохся. Но главное, ветер теперь дул с севера, а не с северо-запада, и можно было рассчитывать, что он на этом не остановится, станет северо-восточным. Мы решили больше не откладывать и на следующий день начать наполнение оболочки. Я займусь шаром. Дуглас сделает с земли фотоснимки, потом заберется ко мне в гондолу. Ален отвечает за обещанную нам моторную лодку — он пойдет на ней через пролив, снимая аэростат кинокамерой, пока не убедится, что мы благополучно достигли материка. В Дар-эс-Саламе он высадится на берег. Шарль, который последние два дня сплетал веревки и выполнял для нас кучу других поручений, заслужил место в гондоле. В формуляре, который мы, согласно заведенному порядку, заполнили перед вылетом с острова, он значился рулевым. Джеффри Белл, наш «главный человек» на Занзибаре, будет снимать старт на кино пленку. Другой наш помощник, Роджер Бейли, организует наземную службу, пока мы будем заняты шаром, а потом уберет все. (В этом вопросе директор был непреклонен.) Тот же Роджер рассчитается по неоплаченным счетам и пришлет нам отчет.

Вечером последнего дня мы снова склонились над картой. В каком месте мы приземлимся там за проливом? Если ветер и дальше будет смещаться с такой же скоростью, мы прилетим в Кению. Если он не изменится, шар может пройти по касательной вдоль материка в нескольких километрах восточнее Дар-эс-Салама. Наконец, мы можем сесть где-

нибудь между Дар-эс-Саламом и Багамойо при условии, что ветер не отнесет нас в Индийский океан и что он подует так, как ему положено дуть в январе. Такой случай нас больше всего устраивал. И в расчете на этот случай мы разработали наши планы. Жена Алена, Джоун, находилась в Дар-эс-Саламе вместе с его лендровером. Там же работал товарищ Дугласа по военной службе Дон Хатчинс, и он вызвался встретить нас с нашим оранжево-серебристым грузовиком. Словно это было делом решенным, мы известили обоих по телефону, что собираемся сесть возможно ближе к дороге, связывающей Багамойо со столицей. На всех наших картах эта дорога была обозначена жирной красной чертой. Значит, надо только повнимательнее посмотреть и, увидев шоссе, тотчас садиться.

Если не Джоун, так Дон непременно нас заметит. Мы на это твердо рассчитывали.

Поздно вечером нам позвонили с аэродрома и сообщили последние данные о ветре — высота, направление, скорость.

150 метров 020 градусов 12 узлов

300 метров 020 градусов 15 узлов

450–600 метров 020 градусов 20 узлов

750 метров 010 градусов 25 узлов

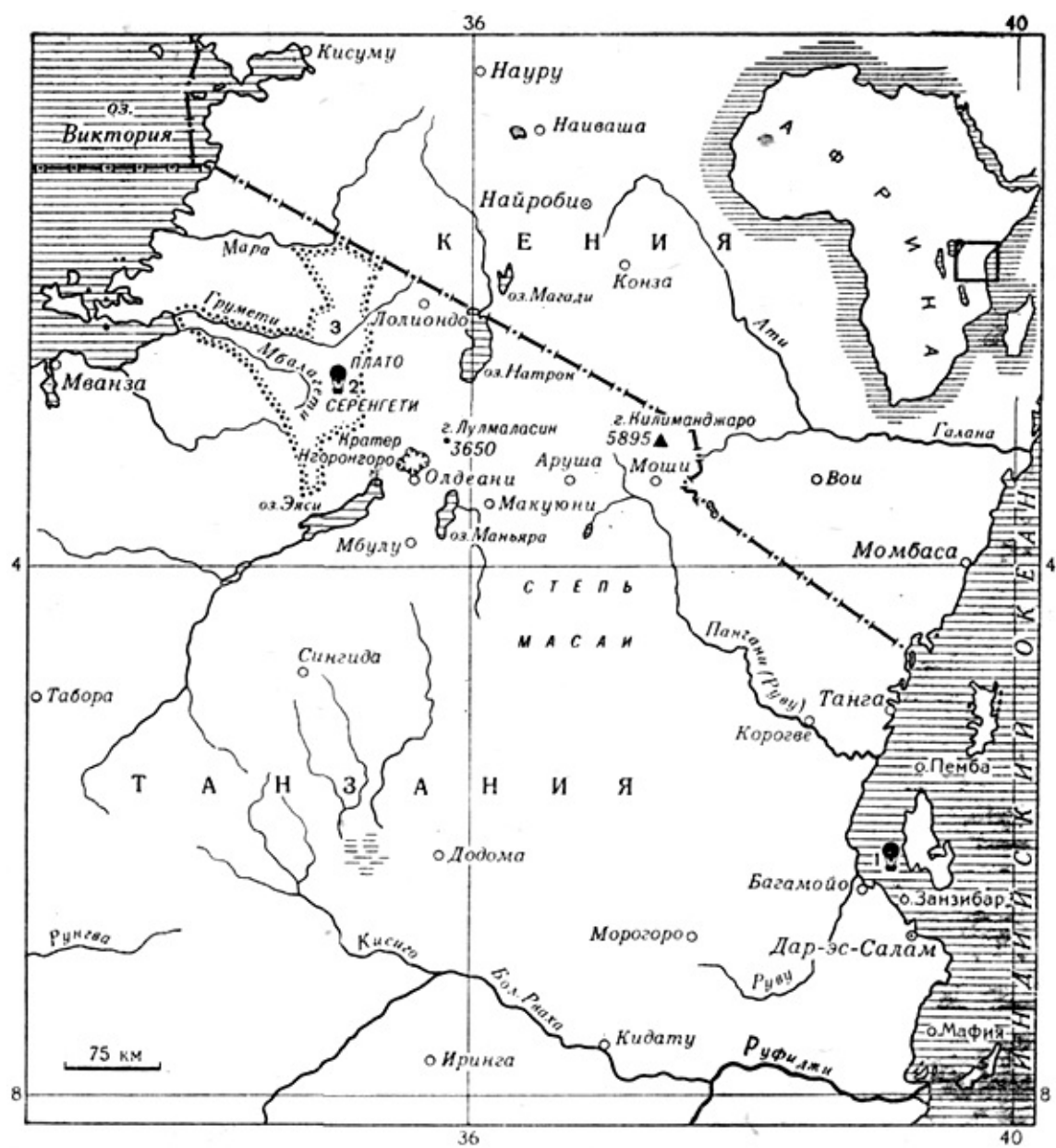
900 метров 010 градусов 25 узлов

1100–1200 метров 360 градусов 25 узлов

Все сулило успех. Мы закончили сборы и около двух часов ночи легли спать. Багаж делился на три партии: одна адресовалась в Найроби, другая в Арушу, третью надлежало отправить после завершения перелета. Эти вещи заняли весь холл в доме Салима Барвани, самого доброго и снисходительного человека на свете. Завершив сооружение трех груд и еще раз попросив прощения у хозяина, мы за неимением других дел отправились спать.

Забраться под противомоскитный полог и свернуться калачиком на кровати было несложно. Куда труднее оказалось закрыть глаза и уснуть. Я еще ни разу не командовал аэростатом. Этот аэростат еще ни разу не поднимался в воздух. Еще никто не вылетал на аэростате с Занзибара. Никто из тех, кто завтра будет нам помогать, не имел дела с аэростатами. Даже если мы пойдем в нужном направлении, между островом и материком 55 километров открытого моря. По расчетам полиции, пять тысяч человек будут наблюдать наш вылет. В Африке нас будут ждать двое. Каким будет ландшафт в месте приземления? Говорят, там есть плантации сизаля^[2], а у этого растения листья острые как бритва. Если не сизаль, то заросли. Африканские заросли — это не то, что аккуратные поля Голландии. Сможет ли наш шар взлететь? Достаточно ли в баллонах водорода? А что, если ветер заметно усилится, раньше чем мы успеем наполнить оболочку? Или раньше, чем мы достигнем материка? Неужели экспедиция кончится постыдным провалом и ее участники тайком будут ловить самолет, чтобы укрыться где-нибудь, где их не знают?

Завтра многое решится. Впрочем, завтрашний день уже настал. Надо поспать, непременно поспать. Хоть немного. Остались считанные часы. Куда идет эта туча? Кажется, в нужном направлении. Что-то уж очень светло. Неужели рассвет? Я должен уснуть. Должен...

Едва я уразумел, что начался новый день и впереди уйма дел, сон пропал. Моросил мелкий дождик, и я позвонил в диспетчерскую аэропорта, чтобы справиться о ветре. Сводку нельзя было назвать идеальной, но стартовать вполне можно. Салим позаботился о том, чтобы завтрак был подан пораньше. Мы сели за стол и с карандашами в руках принялись вспоминать и записывать, что каждый из нас четверых должен делать. «Флаги», — сказал кто-то. Их уже должны были доставить... Как насчет пива для солдат? Не забыть послать предстартовую телеграмму в «Дейли телеграф»... И известить напоследок Дар-эс-Салам.

Грузовик доставил нас и аэростат на стартовую площадку. Все еще моросило; мы решили сами проверить ветер, и я уставился в буссоль на маленький воздушный шар-пилот. Он рывками набирал высоту, твердо выдерживая курс 180. Если удача и погода будут на нашей стороне, через несколько часов ветер может сместиться и будет уже не 180, а 200 или около того. Обычно по мере нагревания материка ветер в полдень или несколько позже смещается. Рискнем, другого выхода нет.

Солдаты помогли нам перенести оболочку. Они же помогли разложить вокруг нее сеть, после чего я укрепил клапан, водородный шланг и прочие детали. На все это ушло часа полтора, затем мы пустили водород из баллонов, а дождик все моросил. Учитель Кен Паску вызвался быть заправщиком, то есть подключать к трубопроводу очередные баллоны по мере опорожнения предыдущих. Водород огнеопасен, но на открытом воздухе взрыв случается редко. В Кардингтоне нам рассказали, что при воспламенении водорода из баллона бьет огненный фонтан высотой около десяти метров. С присущей экспертам небрежностью в голосе рассказчик объяснил, что язык пламени всегда направлен в ту сторону, куда смотрит отверстие вентиля. Чтобы перекрыть газ, достаточно подойти к баллону с другой стороны и ключом завернуть вентиль. Задача облегчается тем, добавил он, что пламя начинается в нескольких десятках сантиметров от баллона. У самого вентиля скорость струи чересчур велика, водород не успевает смешиваться с кислородом, и реакция горения не идет. Я пересказал основные положения Кену Паску, правда без той убедительности, которая отличала речь эксперта.

Водород с ревом вырывался из баллонов, где он был сжат до трехсот атмосфер, и устремлялся по тридцатиметровому трубопроводу в оболочку. Здесь я, солдаты и другие лица, мобилизованные нами тут же на месте, следили за тем, чтобы шар рос равномерно. Когда идет наполнение и подготовка к старту, лишних рук не бывает. Любопытство приводит на стартовую площадку людей всегда кстати, потому что для каждого тотчас находится неотложное дело: держать какую-нибудь веревку или что-нибудь тянуть.

Как и всякая простая на первый взгляд задача, например оклейка комнаты обоями или скрепление кирпичей раствором, наполнение шара требует предельной тщательности, иначе вся работа может пойти насмарку. Стоит допустить ошибку, и от нее уже не избавишься, она останется, а то и вызовет своего рода цепную реакцию. Если шар с самого начала не симметричен, его не исправишь. Сеть должна лежать так, чтобы нагрузка равномерно распределялась по всей окружности. Оболочка должна натягиваться пропорционально. Словом, как и в кирпичной кладке, ничего сверхсложного тут нет, однако нужно быть чрезвычайно внимательным.

К половине двенадцатого оболочка была наполнена на три четверти. По-прежнему дул северный ветер; что ж, и то хорошо, ведь он мог сместиться к западу. Полиция успешно сдерживала натиск толпы, окружившей замечательную травяную спортплощадку школы

имени короля Георга VI. По расчетам Сулеймана, собралось не менее четырех тысяч человек. Кто-то даже сказал, что еще ни одно событие на Занзибаре — если не считать крупные религиозные и политические собрания — не привлекало столько народу. А люди все прибывали. Дождь почти прекратился, сразу стало легче управляться с веревками.

Дождливая погода вообще наводит тоску, но я-то приветствовал прояснение совсем по другой причине. В учебниках есть раздел об усадке и растяжении сети. С присущим ему лаконизмом Гриффит Брюэр пишет: «При наполнении оболочки в дождь сеть, естественно, садится. Потом, высыхая, она приобретает первоначальный размер, растягивается и скользит короткими рывками вниз по оболочке. Когда впервые испытываешь эти рывки, кажется, что гондола падает, и переживаешь естественное чувство тревоги, поэтому лучше быть готовым к этому неприятному явлению». Я полностью соглашался с Брюэром, только сомневался, способен ли я «быть готовым» в той мере, в какой это нужно. Предстоящий вылет сулил нам достаточно переживаний, не хватало еще, чтобы гондола дергала нам нервы легкими рывками вниз.

В половине первого я крикнул Кену, чтобы он перекрыл газ; шар получил всю положенную порцию. Его объем составлял теперь около 750 кубометров. Он казался очень большим и — во всяком случае мне — красивым. Оранжевый цвет преобладал, но от аппендикса лепестками расходилось двенадцать серебристых полос, которые вливались в широкую ленту, опоясывающую шар чуть ниже середины. Узор был продиктован количеством оранжевой и серебристой ткани, которое мастер смог раздобыть; так или иначе, получилось здорово.

Подошел директор школы, спросил, когда мы вылетаем. Я ответил, что осталось совсем немного ждать, но тут появился Ален и сообщил, что владелец моторной лодки (не Эрик Стивенс, а другой) подвел нас, испугался, как бы сильные волны не погубили его лодку. Ален тут же отправился дальше, искать другую лодку, но надежд на успех было мало, мы еще раньше прочесали весь город. Похоже, что придется лететь без сопровождения. Правда, мы располагали тремя спасательными жилетами, подаренными нам в Лондоне, но к числу обитателей моря принадлежат акулы, поэтому мы предпочли бы видеть внизу лодку. Что поделаешь...

Солдаты притащили гондолу, двенадцать человек взялись каждый за свою концевую веревку, и я приступил к заключительной процедуре — подвеске корзины, в которой нам предстояло лететь. Сперва к двенадцати веревкам в нижней части сети привязывают деревянное строповое кольцо, затем к этому кольцу крепят четыре веревки, пропущенные сквозь скобы на гондоле. Когда все это сделано, аэростат удерживают на земле примерно шестьдесят мешков с песком. Ваши помощники принимаются убирать мешки один за другим, замещая их вес своим собственным. Это очень просто: ведь шар поднимает только троих, поэтому двенадцать человек легко его удерживают. Правда, известны случаи, когда помощники паниковали. Стоит одному выпустить свою веревку, как остальные одиннадцать начинают беспокоиться за свое благополучие. Смотришь, уже только десять держат веревки, а там недалеко и до девяти. Не успеет командир сообразить, что происходит, как все побросали свои стропы, остался один человек. Если он вовремя выпустит веревку, дело ограничится потерей шара. Если же он растеряется и не отпустит, можно заказывать гроб.

Итак, я стоял среди толпы на Занзибаре и распоряжался, кому что делать. Толпа собралась огромная. Директор продолжал допытываться, когда я стартую. Маленькие шары-пилоты по-прежнему летели прямо на юг. Небо почти совсем прояснилось, пока все шло хорошо. Однако у меня было тревожно на душе. «Подвесьте три мешка с песком за нижнюю клетку сети. Вот так. Ничего, что шар качается. Пусть качается. Теперь оставим по два мешка.

Каждый берет по мешку и кладет на землю. А теперь медленно спускайте по веревке остальные два мешка. Спускайте к середине, поближе к кольцу».

Затем по всем правилам искусства подняли кольцо. К нему была прочно присоединена четырьмя веревками гондола. Солдаты точно выполняли все команды. Шар закачался сильнее, но это было вполне естественно: ведь он, когда сняли балластные мешки с кольца, стал выше. Пора снимать и остальные. Я влез в гондолу. «Теперь поднимайте мешки по одному, а я буду отцеплять их. Сперва вот этот. Кладите его на землю, так. Теперь этот. Сами держите гондолу. Теперь этот мешок. И этот».

Вдруг я с ужасом увидел, что один из солдат рассматривает конец оборванной стропы. Стропа только что лопнула. В это время шар опять качнулся, и я сам услышал, как лопнула еще одна веревка. С той же стороны, что первая. Теперь гондола висела на двух стропях. В любую секунду они могут оборваться. И шар улетит. Возможно, унося с собой одного или двух человек, которые не догадаются вовремя отпустить кольцо. Возможно...

Знаю, мне бы следовало точно помнить, что происходило, но я не помню. У меня вдруг помутилось в голове, я сильно кричал, безуспешно дергал за что-то, опять кричал, наконец очутился на земле, а душа была объята отчаянием. Но шар-то мы спасли, мешки с песком снова окружали все кольцо. В полной растерянности я смотрел на аэростат, потом пересчитал мешки — не мало? Кольцо поскрипывало, но полтонны песка сдерживали его порывы.

— У вас что-нибудь не ладится? — осведомилась невеста откуда вынырнувшая дама в кружевных перчатках.

Я подошел к солдатам, обступившим отделенную от кольца гондолу, и стал разглядывать оборванные стропы. Хлопчатобумажная веревка, которую мы купили здесь, на Занзибаре, и сами сплетали два дня назад, была словно перерезана бритвой.

— Так рвутся старые веревки, — сказал кто-то. — Новая веревка никогда так не порвется, ни от какого груза. Ей, наверно, сто лет.

Подошли Алэн, Дуглас и Шарль, и мы обсудили случившееся. Наверное, у нашей четверки был довольно унылый вид, и хотя каким-то чудом все обошлось, в этот день ни о каком старте не могло быть и речи. Нужно добывать и сплести новые, крепкие веревки. Нужно заново все проверить. Если за ночь ветер не усилится и не заставит нас выпустить газ из оболочки, можно будет стартовать завтра в это время. Конечно, за ночь какая-то часть водорода улетучится, и утром придется восполнить утечку, при условии что в баллонах осталось достаточно газа. И уж во всяком случае того, что осталось, не хватит для новой заправки, если ветер принудит нас опорожнить шар.

Женщина в кружевных перчатках подступила к нам с очередным вопросом на устах, и мы поспешили разойтись. Подойдя к Сулейману, я попросил его объявить в мегафоны, что вылет, к сожалению, переносится на следующий день. После этого я поймал того человека, который с таким знанием дела говорил о веревках, и получил у него исчерпывающую консультацию. Тем временем толпа рассеялась, остались только шестьдесят красных баллонов, шланг, мы да огромный оранжево-серебристый шар, который, тихонько поскрипывая, медленно качался на ветру.

Через двенадцать часов я устроился на ночлег под этим самым шаром. Позади был долгий день, большую часть которого мы провели у Расмуссенов. Так звали нашего специалиста по веревкам, и, поскольку его дом стоял ближе других домов к стартовой площадке, мы устроили здесь своего рода штаб. Нам предложили ленч, но мы не хотели есть. Тогда один из братьев Расмуссен повез нас в город искать новые и более прочные хлопчатобумажные веревки.

— Пощупайте ее, — несколько раз повторил он, когда мы наконец нашли веревку. —

Пощупайте. Настоящий индийский хлопок. Хорошая, новая. Вы только посмотрите на пряди, пощупайте их.

Драгоценную веревку отвезли для проверки на электростанцию, где работал другой из братьев. Прочность на разрыв оказалась чуть больше тонны и намного больше того, что нам требовалось. После этого мы принялись сплетать. Но если манильская веревка хорошо сплетается и сизалевая тоже (правда, рукам достается), то с тугой хлопчатобумажной веревкой очень трудно справиться. Чуть зазеваешься — пойдут комки и петли, а от них прочность резко уменьшается. Так как меня заверили, что нет ничего лучше индийского хлопка, мы мучились с ним до позднего вечера и почти не сдвинулись с места. К полуночи из шестнадцати концов (требовалось восемь новых веревок) было готово только пять. Мы решили отложить работу на завтра и попробовать достать манильскую веревку. Расмуссен предложил пойти в порт и обратиться в фирму «Африкен уофидж». Там мы найдем и веревку, и людей, умеющих ее сплетать.

Возле аэростата сидело несколько полицейских, которых Сулейман поставил караулить необычный предмет. После захода солнца газ заметно остыл, и дряблая оболочка хлопала на ветру, правда не слишком сильно. Шестьдесят мешков с песком надежно удерживали аэростат, все было в порядке. Погода оставляла желать лучшего, ночью над материком полыхали молнии, но ветер не усилился, а это было важнее всего. Мы еще раз осмотрели лопнувшие стропы. Да, еще чуть-чуть, и все было бы потеряно... Местные газеты сообщили читателям, что старт пришлось отложить «из-за неисправности снастей». Затем они весьма тактично опубликовали новую версию — дескать, когда наполняли оболочку, мистер Смит обнаружил дефект, который необходимо было устранить. Мы разглядывали обтрепанные концы негодных веревок — эти «дефекты» и «неисправности» — и дивились своему везению.

Дуглас, Ален и Шарль вернулись в пансионат Барвани, а я остался у аэростата. Ночь выдалась отнюдь не спокойная. Я принес с собой спальный мешок, но среди ночи заморосил дождь. И хотя капельки шелестели совсем тихо, дождик действовал мне на нервы, потому что спальный мешок был коротковат. Я перебрался под самый шар и, глядя на зарницы и слушая, как хлопает на ветру оболочка, соображал, что ожидает наполовину закутанного человека, если над ним вспыхнут 750 кубометров водорода. Полиция ревностно несла службу, караул сменялся чуть не каждые пять минут. Что до солдат, то у них явно проходили ночные маневры — взвод за взводом, сопя и отдуваясь, топал через площадку то в одну, то в другую сторону. С великим облегчением встретил я рассвет. Перестал прикидываться, будто сплю, и вскочил на ноги с отнюдь не обычной для столь раннего часа живостью.

В раннем подъеме есть свой недостаток — приходится долго ждать, пока оживут все остальные; об этом знает тот, кого поезд доставлял в город между двумя часами ночи и шестью утра. Расмуссены предупредили нас, что раньше семи не встают, и точно в семь я пришел их будить. Скоро я уже обжег губы отличным кофе, а потом начал наседавать на хозяев, чтобы они везли меня в город за веревками. Разумеется, в порт мы прибыли слишком рано, но, как только начался рабочий день, мы отправились в канатный цех. И вот уже бригада африканцев с поразительным искусством сплетает манильскую пеньку. Их пальцы казались железными по сравнению с моими, на которых после вчерашних трудов совсем не осталось кожи. Впрочем, когда через какие-нибудь полчаса веревки были готовы, я живо схватил их своими израненными руками.

У аэростата меня ждал Ален с новостью, что удалось раздобыть лодку лоцманский катер. Правда, катер развивал всего восемь узлов, но мы и тому были рады. Учитывая его тихий ход (мы полагали, что аэростат полетит вдвое быстрее), условились, что Ален и начальник порта выйдут за час до нашего старта. Я дам им знать, когда будет пора.

Ветер прочно пристрастился к азимуту 180, поэтому, как и вчера, все говорило за то, что лучше стартовать после полудня. И хотя опять начала собираться эта несносная толпа, а солдаты и другие помощники уже явились, мы только без четверти одиннадцать подключили шланг к патрубку. А до тех пор я сходил к Расмуссенам, перекусил и отдохнул на кушетке. Меня терзала тревога. Дурацкая ситуация, и зачем только я все это затеял? Зачем мне вдруг понадобилось лететь на воздушном шаре, и откуда — с Занзибара?! Где я буду через три часа, через шесть, через девять? Куда нас занесет и что нас ожидает? Может быть, волны Индийского океана? Или дебри тропического леса? Выдержат ли веревки? Хватит ли газа? А если случится какая-нибудь ерунда вроде вчерашней? Мой желудок яростно сражался с половиной кекса, которую я проглотил.

Но такого рода отвращение перед тем, что вас ждет, проходит, как только кончается ожидание. Вернувшись в 10.45 к аэростату, я обнаружил, что предстоит еще куча дел, и мы все принялись за работу. Газа нам хватило с избытком. Шар снова принял гордый округлый вид, и мы — на сей раз без всяких затруднений — привязали кольцо к сети, а снизу к нему подвесили гондолу. Новые веревки даже как будто и не натянулись. Оставалось загрузить гондолу всем необходимым для полета. Мы положили якорь — один, гайдроп — один, веревочную лестницу — одну, бутылку шампанского, немного продуктов, хороший запас воды, съемочную аппаратуру, мои приборы, два ножа, запасные веревки и бечевки, гроздь бананов, лемура и карты района, в который надеялись попасть. Надо всем этим висели старательно притороченная клапанная веревка (для постепенного выпуска газа) и веревка разрывного устройства (для полного выпуска газа). Мы облекли гондолу в резиновый чехол — вдруг придется сесть на море. А сверху укрепили большой флаг Занзибара (ярко-красный), огромный флаг Танганьики (черно-зелено-золотой) и крохотный английский флаг (большого в городе не нашлось).

Три участника перелета заняли места в гондоле, и, поскольку не оставалось сомнений, что мы скоро взлетим, Ален поспешил в порт, к лодке. Первым в гондолу забрался Шарль (74 килограмма), за ним Дуглас (81 килограмм) и наконец я сам (91 килограмм). Почему-то мы двигались словно роботы. Делали все так, как положено. Никто не острил и не произносил лишних слов. Истекшие сутки поглотили всю нашу избыточную энергию, и мы надели спасательные жилеты так же равнодушно, как служащий после работы надевает свое пальто. Даже погрузка балласта прошла без всяких эмоций. Один за другим мы втаскивали в гондолу мешки с песком и клали на дно у своих ног, пока не добились почти полного равновесия. По моим расчетам, подъемная сила должна была нейтрализовать балласт; только сильные руки солдат удерживали нас на земле.

В эту минуту мне бы, конечно, следовало сказать нашим помощникам что-то подходящее к случаю. Крикнуть всем в мегафон Сулеймана что-нибудь торжественное. Вместо этого я продолжал заниматься стартовой процедурой. Двадцать четыре часа мы с нетерпением ждали вылета. Осталось совсем немного, и от этого наше нетерпение только возросло.

— Отпускай! — крикнул я солдатам.

Они послушались. Аэростат чуть накренился, но не взлетел.

— Держите гондолу и заберите этот мешок!

Солдаты крепко ухватились за край гондолы; один из них сбросил себе под ноги мешок с песком.

— Отпускай! — крикнул я снова. На этот раз мы пролетели несколько метров, прежде чем опять коснулись земли.

— Держите гондолу!

Солдаты подбежали к аэростату, я передал ближайшему из них мешок с песком и попросил высыпать половину. Зажав оставшуюся половину под мышкой, я повторил заветное слово.

— Отпускай! — крикнул я излишне громко и потянул строп аппендикса.

Когда аппендикс открыт, шар перестает быть замкнутым сосудом и газ при расширении может свободно выходить.

И тотчас началось чудо, имя которому — полет воздушного шара. Без малейшего толчка или рывка мы вдруг очутились в воздухе. Никто из нас не говорил ни слова, чтобы не испортить эти волшебные секунды, когда аэростат шел вверх, и люди внизу становились все меньше. Толпа прорвала оцепление и хлынула на зеленое поле. Какими крохотными они нам казались! Какими далекими! И какими недосягаемыми! Рубикон перейден. Словно по сигналу, мы дружно повернулись и устремили взгляд вперед. Что нам готовят случай и рок?..

Я очень скоро понял, что старт получился не совсем удачным. Правда, я не задел деревья на краю площадки, но в своем старании не зацепиться за них неверно рассчитал, сколько балласта надо оставить на борту. И вместо того чтобы пройти над городом на высоте примерно сто пятьдесят метров, мы продолжали подниматься. Когда шар через пять минут после взлета достиг береговой линии, мы были уже на высоте шестьсот метров. Впрочем, это не играло роли. Главное — старт состоялся, веревки не лопнули и шар оторвался от земли. Все это — свершившиеся факты. А нас еще ожидало одно важное открытие. Некоторое время я откладывал его, но затем медленно поднял угломерный компас, навел его на зеленое поле с пятнышками зрителей и взял азимут. Я подождал, пока стрелка совсем успокоится, и только после этого набрался духу перевести взгляд на цифры. Просто невероятно. Стрелка показывала 020. Тот самый ветер, который нам нужен.

И сразу все кругом стало удивительно красивым. Редкие облачка не мешали нам оценить чудесные синие, коричневые и зеленые оттенки вокруг коралловых островов с торчащими рифами. Оказавшись над проливом, мы сразу же различили на горизонте берег Африки. Правда, он выглядел всего-навсего мгlistой полоской, но все-таки душе приятно. Как-то уж очень быстро остался позади город Занзибар с его темными провалами улочек, белыми крышами и незримыми обитателями. Вдоль берега тянулась полоса прибоя; из порта, оставляя длинную борозду на поверхности моря, вышла какая-то точка.

— Это, наверно, Ален. Бедняга! — сказал Шарль. Да, это был Ален, которого я забыл предупредить за час до вылета. Как только стало очевидно, что мы сейчас стартуем, он покинул площадку, но мы уже проходили над гаванью, когда он прибежал к лодке. Сразу было видно, что шар идет вдвое быстрее катера. Тем не менее сознание, что нас сопровождают, действовало ободряюще.

— Здорово! — воскликнул Шарль. — Считайте меня членом своей экспедиции!

— А что, ведь справились! — сказал Дуглас. Каждый по-своему, они выразили в общем-то одно и то же чувство.

— Все еще 020! — твердил я, не в силах оторваться от компаса.

Снова и снова я опускал его и ждал, пока стрелка успокоится. Не потому, что масло могло затормозить стрелку и я опасался неверных показаний, просто мне это доставляло удовольствие. И компас терпеливо повторял добрую весть — 020, неизменно 020, а мы летели в прямо противоположном направлении. Курс 200, юго-юго-запад — все говорило за то, что мы выйдем на шоссе Дар-эс-Салам — Багамойо.

— Здорово! — произнес Шарль и смолк.

Одновременно Дуглас толкнул вверх козырек своей фуражки (надо сказать, довольно уродливой). И хотя жест Дугласа чисто случайно совпал во времени с восторженным возгласом Шарля, обоими руководило одно и то же чувство. Бесподобная минута! Жизнь не очень-то щедра на такие минуты...

Достигнув 700 метров, шар прекратил набор высоты. После старта мы еще не сбрасывали балласт, и теперь не было причин уменьшать вес. Аэростат не сразу находит «свою» высоту, зато, как найдет, может сохранять ее довольно долго. В облачный день, какой выдался на этот раз, чем выше, тем больше вероятность, что солнце нагреет шар. А это на какое-то время нейтрализует его тенденцию к снижению.

Довольные тем, как все складывалось, и согретые ласковым солнцем, с одиннадцатью мешками песку в запасе, мы смотрели, как исчезает вдаль Занзибар, а с другой стороны

приближается Африка. Под нами — пролив, кругом — неоглядные дали... Самое подходящее время окрестить аэростат! Купленная в Лондоне секретарем экспедиции Мэри и бережно хранимая с тех пор в гондоле, целая и неприкосновенная, лежала бутылка шампанского. Мы торжественно приготовили ее.

— Черт возьми! — воскликнул Шарль со слезами на глазах.

— Черт возьми! — невольно повторил за ним Дуглас.

В ту же секунду выскочила пробка и пена забрызгала все кругом. Мне не удалось, как того требует обычай, попасть пробкой в отверстие патрубка в четырех-пяти метрах над нами, но это не помешало нам с жадностью наброситься на шипучую пену. Шампанское само рвалось из бутылки, чтобы его поскорее выпили. Мы не стали ломаться.

Между глотками, передавая по кругу бутылку, мы окрестили шар. Первое слово, которое вы слышите и усваиваете в Восточной Африке, — джамбо. Короткое и звучное, оно в переводе с языка суахили означает что-то вроде «здравствуйте» и «как дела?». Еще в Англии мы решили, что это слово, вызывающее представление о чем-то объемистом и круглом, будет превосходным названием для нашего аэростата. Итак, мы совершили процедуру крещения, после чего с восхищением обзрели благодушно парившую над нами большую серебристо-оранжевую сферу.

Затем настала очередь лемура. Часть изверженного расшавившейся бутылкой шампанского попала в карман на брезенте, где помещался наш четвероногий спутник, и зверек промок насквозь. Поскольку лемур ведет ночной образ жизни, а тут светило яркое солнце, и вообще все кругом было совсем не похоже на его любимые деревья с тенистыми кронами, было бы нечестно утверждать, что он воспринял нашу затею с восторгом. Он не хотел шампанского. Он не хотел бананов. Он упрямо свертывался калачиком. Словом, вел себя, как положено безжалостно вырванному из объятий сна ночному животному, моргающим глазам которого предстало сияющее небо и три сияющие физиономии, склоненные над взлохмаченным мокрым комком. Мы засунули лемура обратно в карман и застегнули клапан.

Шарль и я определили нашу позицию на карте. Взяли крюйс-пеленги, нанесли их и в получившийся треугольничек с точкой посередине вписали время. Азимут на исчезнувшую вдаль стартовую площадку по-прежнему был равен 020, скорость составляла чуть больше двадцати узлов. Несчастный катер, который даже при идеальной погоде развивал от силы восемь узлов, сейчас и того не делал, мелкие волны его тормозили.

Хотя наша карта была без подложки — огромный бумажный лист, мы легко управлялись с ней. На земле чуть подует ветерок — и такие карты превращаются в непокорный ком бумаги. А в гондоле, несмотря на четырехбалльный ветер, на карте не было ни малейшей морщинки. Еще раз повторяю: кто летит с ветром, не чувствует ветра. Сравнение с яхтой тут не подходит. Сравнение с планером — тоже. Это ни с чем не сравнимо. С какой бы скоростью ни нес вас ветер, ни один волосок не колыхнется. Новичку полное отсутствие какого-либо дуновения кажется непостижимым. Подобно нам он смотрит на простирающийся внизу мир и плывет над ним, никак не замечая ветра, хотя ветер есть — шар со всех сторон окружен воздушным потоком.

Минут через сорок пять мы начали медленно снижаться. Я не имел ничего против того, чтобы идти поближе к воде, и не тормозил падение. Ветер чем выше, тем сильнее. На высоте девятисот метров скорость его вдвое больше, чем на уровне моря, мы вполне могли позволить себе сбавить ход. Если окажется, что ветер внизу чересчур слаб или дует не туда, можно опять набрать высоту. И мы продолжали спускаться. Время от времени я сбрасывал горсть песка, так что спуск замедлялся, но не прекращался совсем. На высоте сто пятьдесят

метров шар сам перестал снижаться, и мир предстал перед нами в новой перспективе.

С высоты море казалось плоским и очень далеким. Теперь мы увидели, что оно ярится и шумит. Мне еще никогда не доводилось слышать море. На корабле вы прежде всего слышите плеск волн при ударе о корпус, причем не поймешь, то ли это море шумит, то ли корабль его вспахивает. Пловец тоже не слышит моря — ему захлестывает уши вода, о него ударяются волны. Стоя на берегу, человек прежде всего слышит прибой. Будь то обрушивающиеся на сушу валы или у ваших ног плещется мелкая рябь, все равно подлинный голос моря не доходит до вас сквозь все эти помехи. Вот почему теперь, идя над морем на малой высоте, мы слышали что-то совсем новое для себя.

Это был необычайно грозный звук. Волны вздымались вверх и бросались одна на другую. Волны стремительно скользили по поверхности моря и словно пытались оторваться от него. И рев, несмолкающий рев, гул и рокот... Внизу простирался незнакомый мир — жестокий, недобрый, буйный.

Как раз в это время нас навестила «Дакота». Диспетчер на Занзибаре запрашивал у всех летчиков в прилегающих зонах сведения о ветре, поэтому не было ничего удивительного в том, что рейсовый самолет Дар-эс-Салам — Занзибар отклонился от курса, чтобы проведать нас. Самолет заложил крутой вираж и обогнул аэростат. Рядом с нашей хрупкой корзиной он выглядел мастодонтом, который мог нечаянно раздавить нас и даже не заметить этого. Мы бодро помахали летчикам рукой и что-то покричали друг другу сквозь гул мотора, совершенно заглушивший голос моря.

В известном смысле мы чувствовали себя стоящими неизмеримо выше тяжелой металлической махины. Как-никак первые аэростаты взлетели на сто двадцать лет раньше, чем аппараты тяжелее воздуха. Первенство принадлежало нам. Конечно, самолет поддается управлению и развивает высокую скорость, но зато у нас был почти двухсотлетний стаж. Так что можно только одобрить правило, по которому моторные самолеты обязаны уступать дорогу планерам, а планеры — аэростатам. Громогласная «Дакота» завершила облет своего предшественника, приветственно качнула крыльями и продолжала свой шумный полет.

Вдруг мы заметили, что шар быстро теряет высоту. Когда машешь руками и упиваешься своим превосходством, легко забываешь о текущих делах. Альтиметр показывал шестьдесят метров, и падение продолжалось. Рокот моря звучал все более неистово.

— Живей, Шарль, две горсти! Песок беззвучно упал в море.

— И еще две!

Шарль снова нагнулся над мешком. Я следил за альтиметром: стрелка замедлила ход, потом почти замерла. Даже в критическую минуту не стоит сбрасывать чересчур много балласта, ибо, спасаясь от морской пучины, вы можете забраться слишком высоко в небесную. Шарль держал наготове очередную горсть песка, а я глядел на стрелку. Море было в семнадцати метрах под нами, ближе некуда, когда стрелка опять дернулась вниз. Шарль бросил песок так, словно обжегся. На этот раз мы даже слышали, как песок встретился с водой, зато стрелка подскочила вверх. И вот уже аэростат уверенно набирает высоту. Каких-нибудь пяти горстей песка оказалось достаточно, чтобы морская катастрофа отступила и возобновился спокойный полет. На высоте двухсот метров равновесие восстановилось.

По-прежнему идя на этой высоте, мы достигли Африки. Встреча с землей оправдала все ожидания. Не совершая никаких усилий, мы с радостными криками прошли над полосой прибоя и очутились над сушей. Так же внезапно гул моря сменился типичным для тропиков стрекотанием насекомых.

Словно кто-то нажал кнопку. Только что под нами сражались волны, миг — и они уже далеко позади. Пятидесятикилометровый перелет с Занзибара благополучно завершился.

Все время, пока мы летели над проливом, Дуглас был занят съемками. Держать камеру «Аррифлекс» с кассетой на 130 метров пленки, сменять объективы и пленку, приседая на дно корзины, — вся эта хитрая механика не давала ему ни секунды передышки. Теперь он первым сообразил, что отпала нужда в пропитанных потом спасательных жилетах. Мы сняли их по очереди, ибо в тесной гондole, когда в воздухе мелькают две руки, для второй пары рук попросту не хватит места. Так же поочередно мы опустили жилеты вниз на мешки, а затем сняли чехол с гондолы. Надобность в нем тоже отпала. Отметив таким способом встречу с землей, мы дружно перегнулись через край гондолы, чтобы поглядеть.

Я не очень-то ясно представлял себе, что увижу, потому что наши карты не изобиловали подробностями, а сам я впервые сюда попал. Так или иначе, край удивил меня своей девственностью. Всюду деревья, а на редких прогалинах все пространство было занято кустарником. Не было ни дорог, ни тропинок, ни домов. И уж конечно, не было людей. Сквозь неумолчный стрекот насекомых время от времени до нас доносились хриплые крики птиц, которые взлетали над деревьями. Я не видел ни одного ручья и шума воды не слышал, а между тем было душно и пахло, как в оранжерее. Словно райский сад, ожидающий человека: благодатные, плодородные кущи — только людей не хватало. Может быть, все-таки под деревьями кто-нибудь прячется? «Джамбо!» — кричали мы, вернув этому слову его первоначальный смысл, однако никто не отозвался. Еще несколько птиц взлетело с ветвей и село поодаль. Было немножко жутко и очень красиво, не говоря уже о том, что мы просто радовались земле, — и кто бы не обрадовался, оказавшись над сушей после такого путешествия! Да будь здесь самый невзрачный ландшафт, мы все равно были бы счастливы. А тут так красиво, что дух захватывало, и мы молча смотрели, смотрели, боясь хоть что-нибудь упустить.

И уж конечно, мы не хотели упустить дорогу. Только что-то не похоже, чтобы тут могли проходить какие-либо дороги... Мы с Шарлем опять обратились к карте, продолжили линию от места старта до последней вычисленной точки и дальше, так что она пересекла берег Африки. Но как убедиться, совпадает ли эта линия на самом деле с нашим курсом? На карте, куда ни погляди, одно слово «буш». Кое-где она толковала что-то о «фермах», но без особой уверенности; не было даже показано, где кончается ферма и начинается лес. Дорога была единственным ориентиром, а до нее в этом месте от берега километров десять-пятнадцать. Вдруг я заметил между деревьями глубокую борозду.

— Там внизу проходит тропа! — сказал я. Мы уставились на полоску бурой грязи — не покажутся ли на ней люди? Но она оставалась безлюдной и безмолвной. Посмотрели на карту — может быть, тропа обозначена? Нет... Вдруг нас осенило.

— Никакая это не тропа, — заявил Шарль. — Это же и есть дорога, черт побери.

Он был прав, надо было срочно что-то предпринимать. Несмотря на малую высоту, мы шли со скоростью около тридцати пяти километров в час и, следовательно, быстро удалялись от дороги. Каждая лишняя минута в воздухе — лишних полкилометра пешего хода до дороги. Легко парить над зарослями, совсем другое дело прорубать себе путь сквозь них на земле. Я открыл выпускной клапан, и через две секунды мы начали снижаться. Одновременно мы сбросили гайдроп. Вытянувшись во всю длину, шестидесятиметровый канат вскоре коснулся древесных макушек. Эта мера сыграла свою роль, аэростат уравновесился в тридцати метрах над стремительно уходящим назад сплетением ветвей.

До сих пор все шло хорошо, но где тут садиться? Я не видел впереди ничего подходящего. Никакой прогалины. Никакого болотца. Ничего похожего на ферму и, к счастью, ничего похожего на сизаль. Над деревьями воздух был чуть холоднее, и, несмотря на гайдроп, аэростат тянуло вниз. Я стоял в передней части гондолы, Шарль — в задней, если

такие определения вообще приложимы к предмету меньше метра длиной. Как только мы теряли высоту, я отдавал распоряжение сбросить горсть песку. Вот так, прыгая по-лягушачьему, мы и проникали все глубже в сердце Африки.

— Еще горсть? — спросил Шарль.

— Постой. Рано. Теперь давай! Мы подскочили вверх и перепрыгнули через очередное препятствие.

— Далековато придется нам идти, — заметил Дуглас.

— Видит бог! — подтвердил Шарль.

— Еще горсть.

— Есть еще горсть, — отозвался Шарль, и в нескольких метрах под нами проскочила макушка дерева.

Хотя наша скорость из-за гайдропа и малой высоты упала до каких-нибудь пятнадцати километров в час, деревья мчались мимо с пугающей быстротой.

— Еще горсть.

— Есть, — сказал Шарль.

— Очень далеко идти... — произнес Дуглас. Вдруг прямо перед нами выросло сухое дерево, страшно корявое, с клочьями мха на белых сучьях.

— Еще горсть, Шарль, Нет, постой! Больше не надо. Попробуем налететь на дерево. Врежемся в него.

Прежде чем кто-либо успел сказать что-нибудь еще, аэростат и впрямь врезался в дерево. Мы присели и увидели мелькающие ветки. Раздался страшный треск. Гондола подскочила, зацепилась, но тут же вырвалась на свободу. Пользуясь тем, что аэростат остановился и ветер еще не успел снова подхватить нас, а впереди показалось что-то вроде прогалины, я выпрямился и изо всех сил дернул веревку разрывного полотнища. Еще раз, еще. Наконец полотнище подалось, и мы быстро пошли вниз. Скачок, я опять дернул, и после следующего удара о землю гондола легла набок. Мы дружно шлепнулись ничком на траву Африки, и вместе с нами по земле рассыпалась куча разных предметов.

— Господи! — услышал я приглушенный голос Шарля. Мы выбрались из гондолы и встали на ноги. Никто не пострадал. Оболочка — в ней еще оставалось немного газа — тоже как будто была цела. Она повисла на молодом зеленом деревце. Метрах в тридцати — сорока позади лежало поломанное засохшее дерево, которое помогло нам приземлиться, а поверх него — гайдроп. Хватит — попетлял, поизвивался, можно отдохнуть. Перелет закончился ровно через два часа после старта. Мы совершенно не представляли себе, где находимся. Но ведь все кончилось благополучно. Перелет завершен. Даже лемур был явно обрадован.

Звон в ушах сменился назойливым стрекотанием насекомых. Африка, кругом была Африка... Мы поздравляли друг друга и рассказывали друг другу про наш полет то, что каждый из нас отлично знал и сам. Мы смеялись. Мы размахивали шапками. И снова смеялись. Потом, с некоторым опозданием, сообразили, что здесь нас никто не найдет. Нужно самим искать наших друзей.

К числу героических страниц истории воздухоплавания относится полет Андре и двух его соотечественников. Они задумали пройти на воздушном шаре над Северным полюсом (теперь-то нам очевидно, что это была безрассудная затея), но вынуждены были сесть на льду в районе восьмьдесят третьей параллели. Из-за обледенения клапана и оболочки аэростат отяжелел настолько, что подъемная сила оказалась недостаточной. Пришлось совершить посадку. На шестьдесят шестом часу полет кончился. Участники сфотографировались сами и сфотографировали обмякшую оболочку. Через три месяца после долгого санного путешествия они погибли, хотя у них еще оставались продукты. Никто не сомневался, что их постигла беда, но где и когда-долго оставалось загадкой. Лишь спустя тридцать три года аэронавтов нашли вместе с остатками снаряжения, в числе которого был фотоаппарат. Заснятая пленка хорошо сохранилась на морозе, и ее осторожно проявили. Четкие снимки помогли многое выяснить. Трагические фотографии: ведь члены экспедиции превосходно понимали, что произошло и что их ожидало. Они были живы-здоровы. До поры до времени. У них было все, кроме надежды. Они установили аппарат, навели резкость и нажали спуск. Позади них на льду лежал парализованный аэростат.

Хотя мы тоже сфотографировали место, где вернулись на землю, не буду утверждать, что нам пришлось так же туго, как им. Мы принялись укладывать оболочку в оранжерейном климате африканского приморья, а Дуглас, любитель пофантазировать, толковал о снеге, льдинах и жгучем морозе. Да, наше положение никак нельзя было назвать тяжелым — ведь не больше трех километров отделяло нас от дороги. Но могло быть гораздо хуже. Не будь этого сухого дерева, которое мы совсем добились, неизвестно, каким способом нам удалось бы замедлить ход аэростата для посадки. Если бы мы продолжали идти с той же скоростью, высматривая открытую площадку, нас могло бы занести довольно далеко, во всяком случае за пределы наших карт с дорогой. Конечно, оставалась еще возможность сделать вид, будто африканские заросли — чистое поле в Голландии, и сесть, как садится самолет, израсходовавший все горючее. Такая посадка могла завершиться благополучно, однако шансов на печальный исход было несравненно больше. Наскочив на дерево, гондола вполне могла застрять в его ветвях, при этом шар, оставаясь во власти ветра у нас над головой, представлял бы собой немалую опасность. Нет ничего великолепнее парящего в воздухе шара, но, если верить рассказам о посадках на деревья, нет ничего непокорнее, если он примет так называемую лесную платформу за открытую площадку. В таких случаях часто приходится жертвовать шаром, обрезать стропы. Словом, «Джамбо» дебютировал удачно и не получил никаких повреждений. Сухое дерево спасло его, пожертвовав собой.

Забегая вперед, скажу, что это дерево оказалось причиной забавного недоразумения в одной местной газете. Отвечая на вопросы репортера, я объяснил, что при посадке аэронавт ищет способ уменьшить горизонтальную скорость. Но я умолчал о том, что обычно для этого нужно, чтобы кто-нибудь поймал гайдроп, или же к гайдропу привешивают мешки с песком, или (это при слабом ветре) сбрасывают якорь. Когда над лесом дует сильный ветер, эти способы не годятся, и я просто сказал, что мы воспользовались дряхлым деревом. А вот что написала газета: «Мистер Смит применил обычный для воздухоплавания прием: он облюбывал сухое дерево, налетел на него, пробил крону насквозь и приземлился с другой стороны».

Но вернемся назад. Укладка «Джамбо» заняла у нас меньше двух часов. Резиновый чехол нашел себе новое применение — мы накрыли им оболочку на случай дождя. Тюк величиной

90х120 сантиметров (размеры гондолы) — вот и все, что осталось от нашего гордого летательного аппарата. На Занзибаре он был ростом с пятиэтажный дом, а когда мы его сложили, стал совсем неказистым. Рядом с ним на земле лежала куча песку — содержимое девяти мешков.

— Если здесь кому-нибудь понадобится занзибарский песок, — Дуглас с сожалением поглядел на кучу, — мы можем взять подряд на доставку.

Вооружившись компасом, мы стали выбираться из зарослей с таким расчетом, чтобы потом вернуться по своим следам. Мы делали зарубки, брали азимут на приметные деревья и составляли общее описание маршрута. Шарль нес в грудном кармане лемура, Дуглас нагрузился съемочной аппаратурой, а я чертил кроки. Меньше чем через два часа мы неожиданно вышли на дорогу. Глазам постороннего, окажись он тут, предстала бы такая картина: неведомо откуда вынырнули три человека, оценили обстановку попросту говоря, грязную дорогу, — поразмыслили, есть ли смысл шагать дальше, решили, что не стоит, и сели на обочине ждать — может, будет попутная машина?

Вдали показался африканец, который шел в нашу сторону. Он нес кокосовые орехи. Кокосовые орехи! Нам сразу захотелось кокосовых орехов. Дуглас совершил сделку.

— Унавеза купа нази квету? — спросил он. Тотчас африканец привычным движением срезал верхушку трех орехов, и вот мы уже пьем мутный сок. Он сделал из срезанных верхушек ложки, которыми мы принялись выскребать мякоть. Последние двое суток мы совсем забыли про еду. Страх перед будущим заставил наши желудки сжаться, как сжимаются при опасности морские анемоны. А после удачной посадки в лесу они опять расширились пустые, жаждущие, чтобы их чем-нибудь наполнили. Но ведь перед стартом нам было не до еды, поэтому мы взяли с собой провианта с гулькин нос и, конечно, живо с ним расправились. Не мудрено, что нам приглянулись эти кокосовые орехи и мы не ограничились одной порцией.

— Лети нази нингине тафадхали, — сказал Дуглас, и еще несколько орехов осталось без верхушек.

Кто не ел свежих кокосовых орехов, не представляет себе, до чего они вкусны, а сколько дают они отходов — и подавно. Добираясь до ядра, увлеченный едок кусок за куском срезает зеленую кожуру, громоздя целый вал вокруг себя. Из-за такого вала мы и выбрались на дорогу, когда показалась первая машина.

Десять минут потребовалось нам, чтобы объяснить, кто мы и что мы, после чего владелец грузовика, индийский купец, повез нас в Багамойо. Грузовик и раньше был полон вещей и людей, с нами в кузове стало еще теснее. Нам предстояло покрыть три десятка километров вдоль русла с грязной жижей, которое называлось дорогой. Вообще-то нам нужно было в Дар-эс-Салам, так что мы ехали не в ту сторону, но мы и тому были рады, когда заметили, какое редкое движение на дороге. После придумаем, как из Багамойо добраться до Дар-эс-Салама. Где наша наземная команда, мы не знали, но догадаться было нетрудно. Чем дальше мы катили по слякоти, тем очевиднее становилось, что они где-нибудь завязли. Правда, у них есть лебедки, но, наверное, и трудности тоже немалые, и, пока они с ними борются, мы вполне можем посидеть в Багамойо. Водитель-индеец рассказал нам, что южная часть дороги особенно плоха; мы-то ехали по северной^[3].

— Это еще пустяки, — продолжал он (а «дворники» сметали с ветрового стекла каскады грязных брызг, и колеса, оставляя глубокую борозду, форсировали лужи, рытвины и дождевые ручьи). — Это пустяки. Здесь быстро подсыхает.

В Багамойо наших друзей не оказалось. Что ж, подождем. В индийской лавке мы пососали через соломинку какой-то газированный напиток. Потом купили открытки,

изображающие почтамт и группы курчавых африканцев. Во времена работоторговли Багамойо был важным центром, через него в первую очередь шло сообщение с Занзибаром, но, когда вы, скупив все экзотические открытки в городе и потягивая через кривую соломинку шипучку без ярлыка, обозреваете его сквозь завесу дождя, он производит довольно унылое впечатление.

У Дугласа был в Багамойо один знакомый — Элистер Стенли, владелец соляной фабрики и быстроходного катера в Дар-эс-Саламе (отсюда наш интерес к нему), и мы решили навестить этого человека. Водитель вызвался подвезти нас до дома мистера Стенли. От одной мысли, что в эту сырую ночь можно будет укрыться в уютном жилище, у нас сразу поднялось настроение.

— Как называется эта река? — шутя спросил я, когда лендровер въехал в огромную лужу.

— Это не река, — ответил педантичный индиец. — Это дорога.

Дорога упиралась в веранду, с крыши которой струилась вода. За этими струями сидел человек. Наша тройка присоединилась к нему, и вместе мы просидели не один час. Глядя на дождь и пытаясь утолить пивом накопившуюся за несколько дней жажду, мы боролись со сном и снова и снова рассказывали про наш перелет. Когда мы наконец, продолжая говорить на ходу, отправились спать, дождь еще лил. И хотя наши внутренности по-прежнему донимала засуха, мы тотчас уснули, как только погасили свет. Подозреваю, что я в ту ночь ни разу не пошевелинулся.

Следующие три дня мы готовились к перелету из приморья до заповедников, лежащих примерно в восьмистах километрах от побережья. Джоун Рут и Дон Хатчинс явились утром. Они видели, как мы прибыли в Африку километрах в шести-семи севернее того места, откуда они наблюдали, но не смогли последовать за нами, потому что их машина завязла в грязи. До Багамойо они добрались поздно вечером, настолько поздно, что не стали нас разыскивать, а переночевали в другом месте.

После длительного завтрака, во время которого — теперь уже при помощи кофе продолжался наш поединок с жаждой, мы отправились за шаром. Неподалеку от места, где мы совершили посадку, находилась сизалевая плантация. Там нам удалось нанять рабочих. Кто-то из них видел пролетающий шар, кто-то слышал о нем, и всем не терпелось увидеть, где он сел. Мы, сколько было можно, углубились в заросли на грузовике, дальше пошли пешком разыскивать гондолу. Африканцам мои кроки были ни к чему, они знай себе мчались вперед по нашим следам, таким явственным для них, словно тут прошагала целая армия. Громкие крики обозначили точку, где кончался след.

Вынести аэростат на дорогу оказалось чуть потруднее. Здешние жители исстари славятся как надежные носильщики, но ведь им еще никогда не доводилось иметь дело с аэростатом. Один человек водрузил себе на голову сеть — сорок килограммов веса. Другой взял клапан и строповое кольцо. Остальные втиснули оболочку (около двухсот килограммов) в гондолу (сорок пять килограммов) и привязали ношу к длинным жердям. К дороге и грузовику мы вышли, соблюдая освященный традицией порядок — следом за колонной поющих африканцев с раскачивающимися ношами, перед которой шел человек, прорубавший для всех путь в зарослях.

По дороге в Дар-эс-Салам Джоун и Дон показывали нам, где они буксовали накануне, и мы объезжали эти места по лесу, но в одиннадцати километрах от города путь преградило препятствие, которое даже для них оказалось неожиданностью. Дощечка и надпись: «Мост закрыт».

Да, мост был закрыт. Под ним бесновалась река, а вдали переливался огнями город. По примеру других мы оставили грузовик, перебрались через реку и нашли на той стороне

попутную машину. Борьба с жаждой возобновилась в отеле «Этьен». Пиво и здесь было отличного качества, по-прежнему лил дождь, вот только мысль о дорогах нас смущала. Этот мост был недвусмысленным предостережением. Не он один — другие мосты тоже пострадали от разлива. Путь в Арушу и северные области страны был отрезан. Везде свирепствовали наводнения. Даже Серенгети, самый большой из заповедников, вынужден был закрыть свои ворота для посетителей. В газетах появилась единственная сводка погоды из этого района, только одно слово: «Неслыханно». Все прибывавшие в гостиницу «Этьен» рассказывали жуткие истории о завязших в грязи машинах и затопленных дорогах.

Лететь на шаре над всеми этими земными проблемами было куда как просто. Наш предшественник доктор Фергюсон располагал аэростатом, который мог оставаться в воздухе неограниченное время, но ведь он и сам был незаурядный человек. Мы, к сожалению, были подвластны законам природы, и приходилось считаться с ними. Наш воздушный шар должен был иногда приземляться, поэтому мы продвигались прыжками там, где доктор ограничивался одним громадным шагом. Мы должны были сражаться с непроезжими дорогами и с последствиями неслыханных и несвоевременных дождей. Как тут не позавидовать Фергюсону! Впрочем, в одном отношении у нас было огромное преимущество. Сам Жюль Верн не мог вообразить таких картин, которые ожидали нас, он не представлял себе равнин, от края до края заполненных скачущими животными. Ему в голову не приходило, что могут существовать такие стада. Доктор Фергюсон встречал одно животное здесь, одно — там, да и тех убивал. Мы рассчитывали увидеть тысячи животных. Хотя в этом мы его превзойдем!

Но до тех пор надо было еще решить сложную задачу: как добраться до места следующего старта? По плану у нас намечался вылет из Маньяры в Рифт-Валли, но там, по всем данным, воды было даже больше, чем в Серенгети. Мы задумчиво глотали пиво и с опаской смотрели на дождь.

Прежде чем выезжать из Дар-эс-Салама, полагалось утрясти с властями вопрос о нашем въезде. Перед нами разложили надлежащие формуляры, и мы приступили. Порт отбытия: спортплощадка школы имени короля Георга VI. Порт прибытия: подле сухого дерева в трех километрах к западу от столба номер 25 на шоссе, ведущем в Багамойо. Тип судна: воздушный шар. Название: «Джамбо». Регистрационный номер самолета (корабля, автомобиля): 00-БДО. («Джамбо» в самом деле получил такой номер, но только на бумаге; мы не успели ничего нарисовать на обложке.) Состав команды: Антони Смит, командир; Дуглас Боттинг, оператор; Шарль Пов, сбрасыватель балласта и подручный. Есть ли радио? — Нет (зато есть мегафоны). Радар? — Нет (зато есть бинокль). И так далее: якорные стоянки, ангары, буксиры и прочее. Мы, как могли, все заполнили. В новехоньком судовом журнале, прибывшем вместе с шаром из Брюсселя, появился большой штампель въездной визы.

Таможенные власти пытались нас разыскать в первый же день. Два чиновника, явно радуясь случаю прокатиться за город, выехали к предполагаемому месту посадки. Они видели, как мы, приняв дорогу за тропу, прошли над ней, и отправились в заросли следом за нами. Но мы, сами того не ведая, улизнули от них. А жаль — ведь такие случаи не часты в жизни таможенного чиновника. Они заранее предвкушали, как неожиданно вынырнут из кустов с печатями, бланками и мелом, как с каменным лицом и снисходительной учтивостью поприветствуют нас, после чего последуют положенные вопросы: что привезли с собой, с какой целью приехали и так далее? В самом деле, это был бы великолепный момент, если бы они торжественно вышли из зеленой чащи. Увы, как раз эта чаща, которая должна была сделать их появление таким эффектным, помешала им появиться.

Между прочим, на аэростате трудно найти что-либо подлежащее обложению пошлиной. Итак, мы зашли в Отдел виз и регистрации, доложили о своем прибытии, предупредили, что можем неожиданно отбыть, если подует сильный ветер, и получили еще несколько штампелей. Теперь уже не было никакого сомнения, что мы прибыли. Оставалось только возможно скорее уехать. Сводки погоды, передаваемые из внутренних областей, звучали все более удручающе. Чем раньше мы соберемся в Маньяру, тем меньше риск, что мы туда не попадем.

Мы располагали двумя машинами (обе с прицепами), а личный состав экспедиции насчитывал шесть человек. Грузовик «джипси», отрезанный от нас разрушенным мостом, удалось выручить и воссоединить с прицепом. Ален, Джоун и их слуга Киари из племени кикуйю приехали на лендровере. Изнывая от духоты, мы принялись грузить снаряжение. Гондола, обложка, палатки, посуда, провиант и прочее, и прочее. И наконец покинули город, по-собачьи принюхиваясь к воздуху и прохладному ветру. Мы рассчитывали за два дня добраться до Аруши.

Через два дня мы поздно вечером въехали в селение Додома. До Аруши было еще очень далеко, и вообще Додома — это совсем другое шоссе. Все наши расчеты не оправдались. На первую ночевку мы остановились в Морогоро. До сих пор дорога была в порядке, а на следующий день начались неприятности. Судя по тому, что с севера, со стороны Аруши, машины не шли, с дорогой что-то случилось. У развилки, где начинался южный, более долгий путь, ведущий через Додому, мы увидели на обочине доску. Корявые буквы сообщали: «Дорога закрыта». Коротко и ясно.

Мы свернули влево и прибавили газу, ибо новый путь означал лишних полтораста

километров. «Прибавили газу» вовсе не означает, что мы гнали полным ходом. Недавние дожди превратили дороги в грязное месиво, нам то и дело встречались глубокие лужи, и сразу было видно, что какой-то водитель приложил тут немало усилий, чтобы извлечь из ямы свою машину и еще больше испортить дорогу. Ехать по следу нашего предшественника значило засесть безнадежно. Мы включали передний мост и старались на первой скорости проскочить там, где из воды выглядывало что-то хоть отдаленно похожее на дорогу. Маневр сложный, а особенно рискованным он был там, где все — и колею, и обочины — скрывала вода. В одном месте на расстоянии полусотни метров стояло уже несколько увязших машин. Ален попробовал ехать по воде напрямик. Возможно, ему казалось, что он управляет машиной, но колея распорядилась по-своему, и передние колеса вышли из подчинения. Они бросили машину Алена боком на грузовик с горой кокосовых орехов в кузове. Правда, он промахнулся по грузовику, но затем попал в следующую колею, и та накренила лендровер так, что один борт оказался на метр ниже другого.

Такие происшествия — каждодневное явление на глинистых дорогах в тропиках. Вместе с тем они показывают, что всякое лихачество карается сполна. Чтобы победить опасность, надо ее взвесить, трезво оценить, а затем уже идти на риск. Попытка внушить себе, что река не такая уж и глубокая или что толики внимания вполне достаточно, — чистое легкомыслие. Четырех часов хватит, чтобы убедиться, что глубина была вполне достаточной, и точно усвоить, как наматывать на вращающуюся лебедку сперва веревку, потом стальной трос. Для непочтительного водителя у дороги заготовлено множество сюрпризов. Когда Дуглас, выражаясь его словами, «сделал финт рулем», мы увидели сзади, как его машина развернулась на сто восемьдесят градусов, накренилась в одну, в другую сторону и заехала задом в канаву. Грузовик и прицеп очень грациозно опрокинулись набок. Прокатившись юзом по грязи, наш лендровер остановился, мы с Аденом выскочили, увидели обращенную кверху дверцу и с трудом отворили ее...

Мы потратили три часа на то, чтобы вытащить грузовик на дорогу. Дальше пришлось тащить его на буксире. До Додомы оставалось всего шестьдесят пять километров, но было уже темно, шел дождь, и мы зябли из-за отсутствия ветрового стекла, а буксирующая машина швыряла грязь прямо в лицо тому, кто пытался управлять движением разбитого грузовика. Не очень-то приятно, но, когда произошел несчастный случай и никто не пострадал, прежде всего испытываешь огромное облегчение. В ближайшие недели это состояние стало для нас, можно сказать, привычным: то и дело происходил какой-нибудь несчастный случай, но все кончалось благополучно. А пока я сидел, накрыв голову от грязи чьей-то курткой и рваным полиэтиленовым пакетом и старался не потерять из виду два красных отражателя впереди. И хотя я окоченел и промок насквозь, а мои руки стискивали покореженный руль, душа ликовала от сознания, что все обошлось. Как он сказал? «Мой следующий финт...» Я опять вспомнил, что никто не ранен, и рассмеялся.

На следующий день мы сдали грузовик в мастерскую в Додоме и попросили вернуть его в строй. Я не рассчитывал на полный ремонт. Лишь бы грузовик мог идти дальше своим ходом. С новым ветровым стеклом, новой крышей и прочими тонкостями можно было обождать до Аруши.

Дождь лил всю ночь, и было очевидно, что дорога с каждой минутой становится все хуже. Попасть в Арушу нам было важно: ведь оттуда мы вылетим на Маньяру и дальше, куда наметили. Из Аруши мы сможем достичь пунктов, лежащих на западе, но вот сможем ли мы попасть в Арушу?..

Каждый час кто-нибудь из нас шел из сонного отеля в мастерскую, проверял, как идут дела. Киприот Джордж трудился вовсю. Его мастерская стоит в самом центре дорожной сети

Танганьики, так что поломанные машины не минуют его, как мухи не минуют паука. Здешние дороги не так уж хороши, и бизнес Джорджа процветает. Сноровисто и умело он чинил наш «джипси», так же как семью годами раньше чинил мой мотоцикл. В тот раз, покрыв половину расстояния от Кейптауна до Средиземного моря, я пришел к Джорджу с машиной, буквально развалившейся. Да, досталось моему «коню»... Однако Джордж вылечил его, и я отправился дальше. Трудности на этом не кончились, но мотоцикл меня больше ни разу не подвел. Вот почему я с полным доверием смотрел, как мастер возвращает к жизни наш «джипси».

Сразу после ленча он закончил работу. Мы погрузили вещи и уже собрались выезжать, когда директорша нашего сонного отеля подбежала к нам и сообщила, что на сто сорок восьмом километре снесло мост.

— Спасибо! — крикнули мы, включая скорость.

— Но ведь я же говорю: мост снесло! — провизжала она. — Вы не проедете в Арушу!

— До свидания! — крикнули мы в облако пыли, поднятой колесами грузовика.

Предостережение только прибавило нам прыти. Сломанный мост не мог нас остановить, напротив — нельзя мешкать, когда один мост уже снесен, а на горизонте, грозя новыми ливнями, пухнут черные тучи.

На сто сорок восьмом километре мы увидели злополучный мост. Хозяйка гостиницы была отчасти права. Мост и впрямь затопило, но, так как он был бетонный, а вода теперь спала, мы благополучно пересекли реку. По пути мы слышали, что накануне как раз на этом участке молния убила двоих мужа и жену. Жена сидела в машине вместе с собакой, муж искал что-то в багажнике. Мимо них проезжали другие машины. Наконец одному водителю показались странными их позы, и он остановился, чтобы проверить, в чем дело...

Отсутствие ветрового стекла снова дало себя знать, как только мы въехали в ливень. Моя одежда впитала столько влаги, сколько могла, потом с нее потекло. Ночь становилась все холоднее, и я вместе с ней. Машины все сильнее кренились, все чаще буксовали. И снова вперед, причем нам казалось, что оставшиеся позади мосты рушатся один за другим, и мы только диву давались, как это очередной мост еще не снесен беснующимся под ним потоком. Нас начало клонить в сон. Все труднее было различать, где дорога, где коварная топь, где узкий парапет моста. В конце концов случилось неизбежное: прицеп развернулся, задумав обогнать машину. Я крутнул руль, перестарался, и меня занесло на противоположную сторону. Прицеп зашел с другого фланга, руль завертелся без моей помощи, и машина с прицепом мягко сползла в кювет.

— Знаешь что, — сказал я подбежавшему Алену, — предлагаю заночевать здесь. Я уже нашел себе стоянку.

Никто не ушибся, и через пять минут шесть фигур устроились поверх багажа. Еще через пять минут пять фигур крепко спали. Джоун, Ален и Киари явно чувствовали себя очень уютно в лендровере. Шарль ловко прикинулся, будто нет ничего удобнее сиденья в мокрой кабине «джипси», оставшейся без крыши и ветрового стекла. Но для человека, которого некстати одолело расстройство желудка и которому выделили самое мягкое спальное место — на оболочке аэростата в кузове грузовика, хуже всего было то, что всякий раз, совершая очередную вынужденную вылазку, он слышал внятное и громкое храпение, доносившееся из гондолы. Я до сих пор не понимаю, как Дуглас ухитрился там уснуть. Его рост — около 185 сантиметров (во всяком случае когда он вынет руки из карманов), а размеры корзины, как вы помните, были всего 120x90 сантиметров. Как бы то ни было, храп звучал — гулкий, переливчатый и весьма настойчивый. Насколько мне известно, он не смолкал ни на минуту за оставшиеся четыре часа этой скверной ночи.

При первом проблеске дня наш чумазый отряд продолжил путь. Дождь все моросил, но после одного особенно тяжелого участка мы выехали на асфальт и по большой северной магистрали мигом добрались до Аруши.

Известно, что кофе делает чудеса. Изможденных и посеревших субъектов он снова делает людьми. И внушает им мысль, что не худо бы помыться и побриться, а также что не стоит отказываться от горячего завтрака. Служащих отеля «Нью-Аруша» трудно удивить. Сюда со всех концов являются оборванные бродяги, более или менее разборчиво расписываются в регистрационной книге, на часок исчезают в своем номере и претерпевают удивительную метаморфозу. Как гусеницы превращаются в бабочек, так и нас было не узнать, когда мы отправились в город по делам.

А дел было много. Мы отвели грузовик в мастерскую, зашли в банк. Закупили гору провизии в лавке, разрешили наши кинофотопроблемы в магазине фотопринадлежностей. Навестили представителя туристской фирмы. Он нам потом помог наладить связи с внешним миром. Запросили у Джона Оуэна, директора национальных парков Танганьики, разрешение разбить лагерь в названных парках. Запросили такое же разрешение у председателя правления заповедника Нгоронгоро. (Возможно, дикие звери этого не знают, но ими заведует множество независимых друг от друга организаций.).

В конце дня мы отправились на ферму Брайена Мэхуна, на имя которого были адресованы различные грузы, отправленные для нас морским путем из Англии. Важную часть этих грузов составляли сто двадцать водородных баллонов для наших полетов внутри страны. Мы заранее договорились возить использованные баллоны в Найроби для зарядки. Вся партия весила пятнадцать тонн, и челночная перевозка баллонов оказалась для нашей экспедиции довольно тяжелой нагрузкой. Как не позавидовать лишний раз доктору Сэмюэлю Фергюсону: водорода, который был добыт на Занзибаре действием кислоты на железо, хватило ему на все пятинедельное путешествие. На самом деле так не бывает. Реально существующие аэростаты могут пролететь на одной заправке не больше одной восьмой этого времени. Зато прочность наших баллонов превосходила все, что мог себе представить доктор Фергюсон. Я проверил на выборку давление в некоторых из них. Все оказалось в порядке, в жаркой Африке внутреннее давление возросло до двухсот восьмидесяти атмосфер. Если все пойдет как задумано, ста двадцати баллонов хватит на три вылета.

Условившись, что сорок баллонов отправят следом за нами в Маньяру, мы двинулись в путь. Сразу было видно, что это едет первая в истории воздухоплавательная экспедиция в Центральную Африку. На крыше грузовика была привязана гондола. Всюду торчали веревки. И шестеро участников энергично махали руками всем встречным, которых страннее зрелище побуждало остановиться и нерешительно приветствовать необычных путешественников.

До Маньяры было каких-нибудь сто десять километров. Первый этап, до Макаюни, проходил по Большой северной магистрали. Теперь здесь асфальт, а семь лет назад участок дороги, ведущий из Аруши на юг, оказался самым тяжелым испытанием на всем моем десяти тысячекилометровом пути. Возможно, именно тут, когда мотоцикл кидало во все стороны и я слушал, как стучит подвеска, у меня впервые родилась мысль о воздушном шаре. Мой «конь» был шумный, грязный, и он исправно служил посредником между неровностями дороги и моим многострадальным позвоночником. Я мельком видел животных, которые тотчас уносились прочь, стуча копытами и вытаращив испуганные глаза. Меня удручало, что я не успевал их как следует разглядеть. Но что поделать: как ни надоели мне шум, пыль и ноющий позвоночник, я был привязан к дороге. Куда она, туда и я.

Да, наверное, именно тогда я начал мечтать о тишине, о плавном парении в чистом, прозрачном воздухе, о путешествии, где главное не «куда», а «над чем». Логически

воздушный шар — следующая ступень после мотоцикла. У него есть все то, чего лишен мотоцикл. Он сам решает, куда вас нести. Сам сохраняет вертикальное положение, не требуя от вас ежесекундного внимания. И не развивает у водителя близорукости, заставляя непрерывно всматриваться в сужающуюся ленту дороги. Вместо этого вам виден весь мир, очерченный окружностью горизонта. Никакого сомнения: идея родилась после особенно чувствительного удара о шершавое седло. С тех пор она неуклонно зрела. И теперь наконец ей пришла пора осуществиться. Перелет с Занзибара был всего лишь предисловием. Настоящие полеты над необозримой равниной и тысячами стадами впереди. И начнем мы с Маньяры.

На семьдесят седьмом километре мы опять свернули с асфальта на глину. Прямо перед нами высилась могучая стена Рифт-Валли, а дальше Нгоронгоро и Кратерное нагорье. Этот район славится обилием дичи и сказочной природой. Несомненно, она будет выглядеть еще более сказочной со свободно парящего шара.

Для того, кто совсем недавно выехал из Лондона, жизнь в экспедиционном лагере означает немалую перемену. В первую ночь, да и еще много ночей мне было как-то трудно освоиться с мыслью, что всего лишь несколько колышков и растяжек разделяют нас и животных, коим взбредет на ум инспектировать наш лагерь. Да, в первый вечер, отойдя в сторонку и глядя на почти безупречный Южный Крест, я почувствовал себя в высшей степени съедобным. Где-то неподалеку своим басовитым хохотом сотрясали ночной воздух бегемоты. Конечно, они травоядные, но уж больно крупные. Время от времени сквозь этот хохот прорывалось ворчание леопардов: «кerr-кrr, кerr-кrr», точно кто-то работал пилой. И разумеется, тут были львы. Лев-самец не рычит, во всяком случае я не так представляю себе рычание. Он протяжно рывкает, снова и снова. Это арпеджио постепенно нарастает в силе, потом медленно затихает. Могучая песня ее слышна на много километров. Кажется, источник звука находится где-то близко, совсем близко. А когда это в самом деле так (нам однажды посчастливилось слышать голос льва на расстоянии каких-нибудь пяти метров), сила звука просто жуткая. Наш магнитофон не смог его записать, он дрожал от мощных звуковых волн.

На того, кто попал сюда напрямик из лондонских джунглей, африканские дни и ночи навевают трепет. Мы разбили лагерь на опушке красивого леса, рядом с высокими, стройными акациями, желтыми, со светло-зеленой корой. От палаток открывался вид на просторные равнины на дне Рифт-Валли. По утрам мимо лагеря шествовали элегантные, надменные жирафы, а по вечерам они шествовали в обратном направлении; днем жирафы ищут спасения от мух цеце, которые предпочитают по возможности не покидать тени. По утрам, примерно через час после восхода, над лагерем пролетали пеликаны и фламинго. На земле эти птицы не блещут красотой: у пеликана болтаются складки на шее, а фламинго, этот ком перьев с тонкими ногами, напоминает паука. Но воздух их преображает. Тысячи изумительных созданий проносились над нами правильным строем, клин за клином. Если они летели высоко, нам удавалось подольше полюбоваться ими. Если летели низко и вдруг являлись из-за крон, нас будто захлестывал могучий поток звуков. В Восточной Африке миллионы фламинго и пеликанов, но их точка зрения на то, какое озеро лучше, постоянно меняется. И вот уже вся колония в пути — незабываемое зрелище для человека, который в эту минуту бреется около палатки или просто бьет баклуши.

Впрочем, дел-то у нас хватало. И до чего приятно было их делать среди такой удивительной природы! Если вы проснулись утром от взгляда наведавшейся в лагерь обезьяны, в этот день никакая работа не покажется вам нудной. Мы начали с благоустройства. Кто-то сказал, что в походном лагере любой дурак может скверно устроиться. Нам не хотелось, чтобы это распространялось на нас. Поэтому мы наладили водоснабжение, соорудили подобие душа, заготовили побольше дров, поставили уборную, из которой открывался чудесный вид, и вообще постарались устроиться поуютнее.

А затем прибыла первая партия водородных баллонов, их надо было сгрузить. И хотя каждый баллон весил полтора килограмма, перетаскивать их было легче, чем снимать с баллонов предохранительные колпаки. Колпак представляет собой железный стакан, навинченный поверх вентиля, чтобы предохранить его от толчков и ударов во время перевозки. Колпак железный, а резьба на баллоне латунная. Тут железо не годится, потому что резьбу нельзя смазывать, иначе при утечке водорода может произойти взрыв. Углеводороды смазочного вещества образуют с водородом опасные соединения, и запрет против машинного масла строго соблюдается.

Теоретически благодаря сочетанию железной резьбы с латунной колпаки не могут приржаветь, тем более что их закручивают не слишком туго. На деле, попав после долгого хранения под дождем и многонедельного морского путешествия в жаркий тропический климат, они оказались словно приваренными. Мы основательно помучились с ними на Занзибаре. А в сердце Африки, где с инструментом было похуже, каждый колпак требовал от нас персонального внимания. Если верить справочникам (всегда полезно знать, как должно быть по правилам), чтобы управиться с колпаками, достаточно обыкновенного гаечного ключа. Нам же пришлось прибегнуть к двум разводным ключам с рукояткой немногим меньше двух метров. Одним ключом мы захватывали баллон, другим — колпак. Получался изрядный рычаг, но и этого было мало. Приходилось сильно стучать молотом по концу рукоятки только так удавалось повернуть колпаки.

Так как водород образует вместе с воздухом взрывчатую смесь, есть правило, гласящее, что легкие удары по ключу в тех якобы редких случаях, когда резьба чуть заедает, должны производиться кожаным молотком. Такие молотки из твердой прессованной кожи не дают искр. Сначала мы работали по правилам: легонько постучим, наложим ключ и... колпак ни с места. С таким же успехом можно было заколачивать гвозди хлопущей для мух.

Бить кувалдой по длинной рукоятке было столь вопиющим нарушением инструкции, и столько при этом летело искр, что мы работали в яростном темпе, полагая, что везение не может длиться вечно. Не один час упорного труда ушел на то, чтобы снять все колпаки. И когда работа была закончена, мы сели, обливаясь потом, на груды баллонов и поблагодарили провидение за то, что они не взорвались.

Еще одна задача — починка шара. Оболочка благополучно перенесла перелет с Занзибара, но надо было пришить на место полотнище разрывного приспособления. Тот самый лоскут, который отрывают, чтобы поскорее выпустить водород из оболочки. Во время полета, конечно, этого не делают, но при посадке в сильный ветер не менее губительным было бы промедление с выпуском газа. Чтобы наполненная газом оболочка не волочилась над землей с риском нарваться на какое-нибудь коварное препятствие, нужно вовремя выпустить газ. Важно не упустить минуту, когда водород из необходимого превращается в смертельно опасный. Так же поступает парашютист, когда торопится погасить парашют или сбрасывает стропы.

Оторвав полотнище, его потом необходимо вернуть на место. Это около девяти метров шва. Причем шов должен не только скреплять полотнище с оболочкой, но и предотвращать утечку газа, поэтому его предварительно проклеивают. Швы, сделанные обыкновенной ниткой, обеспечивают хоть какое-то соединение, даже если клей почему-либо откажется держать, что иногда случается. (Вероятно, нет такого несчастного случая, который не происходил бы в воздухоплавании. Каждый случай тщательно описан, и нынешняя процедура подготовки к полету сводится к последовательному принятию мер предосторожности.) Но ни клей, ни нитки не устоят против рывка, если воздухоплаватель крепко возьмется за веревку разрывного приспособления и дернет как следует.

В эти первые дни в Маньяре мы во многом зависели от близлежащей деревушки Мтувумбу, что означает «Москитная река». Это была довольно убогая деревушка, своего рода гибрид главной улицы из раннего ковбойского фильма и заброшенного лесного селения. По рассказам, в Мтувумбу живут представители семи десятков африканских племен, которые искали здесь спасения от бушевавших в прошлом войн.

Пока мои товарищи делали покупки в одной индийской лавке, я заглянул в другую. Ее владелец каким-то образом всегда ухитрялся ходить с недельной щетиной. Но это ничто перед другим достижением того же лавочника — рубашка и брюки на нем обрели

бессмертие.

— Хорошо здесь жить? — спросил я его.

— Плохо, — ответил он. — Уж я-то знаю, пятьдесят лет здесь живу.

— Чем же плохо?

— Во-первых, народ очень ленивый. Все до единого. Им бы только выпивать и заниматься любовью. Я не против того и другого, но только в виде хобби, а не основного занятия.

Уже через несколько дней в нашем маньярском лагере появились домашние животные. Лемур, конечно, всех затмевал и лихо уписывал кузнечиков. Когда он спал, не было зверька милее его. Когда же он просыпался на закате, его энергия не знала пределов и не признавала никаких ограничений. Прыжки, прыжки со стола на стул, со стула на человека, потом на следующего. Как сказал бы индийский лавочник, это хорошо иногда, но не все время. Этот лемур обладал способностью всем и всему мешать. То приземлится в тарелке с едой, то на столе, где разложены части кинокамеры. Взрослый лемур делает еще более дальние и точные прыжки. Наш же зверек пока только учился на нас, вокруг нас и чаще всего под ногами. Все равно мы его любили.

На втором месте был питон. Ален отлично знал змей, он с детства ими увлекался и вот ухитрился раздобыть двухметровый экземпляр. Как и у всякого домашнего животного, у питона были свои недостатки — он отказывался есть; вероятно, хотел сперва переварить то, чем еще раньше набил желудок. Зато до чего же он был великолепен, когда скользил и извивался на дереве по ветвям. Недостатки были и у здоровенной улитки, но и она была по-своему грациозна, когда переползала с одного пяточка травы на другой. А вот хамелеон, на наш взгляд, не обладал ни одним недостатком. Правда, он не умел менять окраску так ловко, как это положено хамелеонам, зато мастерски ловил мух. Когда мы завтракали, он охотился на них, лежа на ветке над нашим общим столом. Его двенадцатисантиметровый язык в 1/25 секунды поражал цель и почти так же стремительно втягивался обратно. Но потом липкая слизь на лепешечке, которой оканчивался его язык, высохла, и мухи уже не приклеивались. Тем не менее хамелеон отказывался пить. Его сажали в таз с водой, а он только плавал, изгибаясь и загребая одновременно правой передней и левой задней ногой и наоборот. Такой способ вместе с изгибанием позвоночника повторяет схему, исстари лежащую в основе передвижения всех четвероногих. Но язык хамелеона остался после эксперимента таким же сухим, каким был. Наконец мы вспомнили про естественный образ жизни хамелеона, смекнули, что он редко видит проточную воду, и подумали о росе. Мы обрызгали ближайшее растение водой, посадили на него хамелеона и с радостью увидели, что он слизывает влагу своим пересохшим, потрескавшимся языком. С этой минуты стоило круглым, наглым глазам хамелеона установить, что муха находится в пределах досягаемости, как добыча была обречена.

Удивительным существом был и наш богомол^[4] — самка длиной около восьми сантиметров, которая всегда смотрела в глаза наблюдающему за ней человеку. Подобно лемуру богомол питался кузнечиками и съедал их без остатка. Аккуратно держит добычу лапками, откусывает и тщательно прожевывает. Когда люди едят сельдерей, они не держат его двумя руками, но, если бы они это делали, сходство было бы полным. Время от времени самка откладывала большое яйцо, покрытое пеной, которая тотчас раздувалась и затвердевала. После этого яйцо несколько недель оставалось неизменным, а потом из множества ячеек вылезали крохотные богомольчики. Вися на тончайших паутинках, они нащупывали дергающимися ножками опору; с этой секунды начинался их жизненный путь. Джоун была богомоловой нянькой и без усталости пичкала детенышей мелкими насекомыми.

Впрочем, перед главной целью все наши животные отступали на второй план. Через неделю после прибытия, когда мы основательно изучили местные ветры, было решено наполнить оболочку. Ветер держался северо-восточный, примерный азимут 040, причем около трех часов дня он достигал изрядной силы. Поэтому мы собирались стартовать около полудня. Благодаря расположению лагеря и направлению ветра полет обещал стать чуть ли не образцовым. Мы пройдем над лесом, потом над непроходимыми болотистыми зарослями перед озером, над самим озером и, наконец, достигнем шестисотметровой гряды, оторачивающей с запада Рифт-Валли. Дальше мы либо перевалим через эту гряду, либо пойдем над долиной. В обоих случаях нас со всех сторон будут окружать несравненные виды и будет полная возможность наблюдать животных, которыми кишат лес и берега озера.

Естественно, наполнение оболочки проходило совсем иначе, чем на Занзибаре. Вместо шеститысячной толпы было всего три зрителя — три неожиданно вынырнувших из леса африканца, которые не понимали ни слова на суахили. Взамен солдат, помогавших нам на Занзибаре управляться с балластом и веревками, мы привезли жителей Мтувумбу — столько, сколько уместилось в нашем «джипси». С их помощью Алэн занялся подачей газа, Дуглас — съемками, Джоун и я — шаром. Все шло гладко, и к половине двенадцатого гондола была подвешена к кольцу. Мы уложили в нее восемьдесят мешков с песком и пошли перекусить. Аэростат выглядел образцово. Ветер умеренный, азимут 040. Все как будто предвещало ударный полет. Это показывает, как мы и некоторые предзнаменования способны ошибаться.

Перерыв на завтрак продлился не больше получаса. Только он начался, с севера появился небольшой самолет, покружил над лагерем и сел между нами и пасущимися жирафами. Из самолета вышли Хью Лэмпри и Джон Ньюбоулд: один — зоолог, другой — ботаник, и оба мои старые знакомые. Летя из Аруши в Нгоронгоро, они за сорок километров увидели наш аэростат этаким апельсин в стране пигмеев — и сели, чтобы рассмотреть его поближе. Предложение выпить с нами пива было принято, и, сидя за столом, мы вместе смотрели на яркий круглый шар. На Занзибаре нам не довелось им спокойно любоваться.

Итак, мы глядели на аэростат, говорили обо всем том, что делается в последнюю минуту, собирали все то, что надо взять с собой, и жевали бутерброды с сыром и маринованными огурцами. Вдруг на глазах у нас шар стал еще ярче. Над грядой у Рифт-Валли возникло облако и начало расти с угрожающей скоростью. Ветер не изменился, но облако продолжало расти. И ничего не поделаешь, сиди и смотри... Сыр и огурцы застряли у нас в зубах. Пиво осталось недопитым.

Слегка закачался шар, потом слабое дуновение коснулось наших лиц. На балласт уже ушли все мешки с песком, добавить было нечего. К тому же аэростат выдерживает ветер до 50 километров в час. Туча заглатывала воздух, голубое небо становилось черным. Мы глядели, словно замороженные, с неприятным чувством под ложечкой. Ветер крепчал, шар качался все сильнее. Пухлая белая кромка тучи прошла у нас над головой, и по земле заскользила густая тень.

Помнится, мы еще держали в руках куски хлеба с сыром и кружки с пивом, когда упали первые капли дождя. Кто-то предложил укрыться в палатке. Мы отступили под тент и смотрели, как погода становится все хуже и хуже. Тревожное состояние атмосферы внезапно перешло в буйство. Невесть откуда налетел шквал, и с неба хлынул дождь. Послышался приглушенный скрип: ветер достиг силы шторма, и в ту же секунду аэростат тронулся с места.

Крича Джоун и Дугласу, чтобы они подогнали машины, мы выскочили из палатки. Шар кидало так, что оранжевая оболочка едва не касалась земли. Мы с Аденом шлепали по лужам, скользили по грязи, кричали что-то и отскакивали, когда шар вдруг дергался в нашу сторону.

Потом поймали гондолу, которая рывками волочилась по земле. С оболочки, будто из огромного крана, хлестала вода, и мы оказались буквально под водопадом, который перемещался по прихоти ветра.

Подъехали машины. Мы надеялись, что они удержат аэростат. Ален захватил гондолу веревкой и побежал с другим концом к грузовику. Сильный рывок гондолы бросил его навзничь в грязь. Он вскочил на ноги и зацепил петлей за крюк на бампере автомашины. Новый рывок гондолы — веревка выскользнула у него из рук. Мы были совершенно бессильны. Три четверти тонны песка тоже ничего не значили. Аэростат как ни в чем не бывало продолжал свои скачки и рывки.

Наконец Алену удалось закрепить веревку за бампер грузовика, и кто-то включил скорость. Все четыре колеса забуксовали. Во все стороны летели комья грязи, а гондола знай себе ползла со скрипом дальше. Трудно что-либо разглядеть, когда веки залеплены грязью, но, судя по тому, что веревка не оборвалась, аэростат перетянул грузовик. Правда, мы видели, что колючие акации подступают все ближе. Если эти деревья и оболочка встретятся, она будет разорвана в клочья. Даже обычные деревья пропороли бы ткань, а на акациях каждая ветка оснащена пятисантиметровыми шипами.

Я взобрался на край мокрой гондолы, поймал разрывную стропу и ухватился за нее. Шар продолжал метаться в разные стороны, часть газа уже вышла, и ветер проминал сырую оболочку. Она колыхалась, как парус в шторм. Она хлопала, как брезент на ветру. И все это время аэростат многометровыми скачками приближался к деревьям. Помню, я кричал сам себе:

— Еще рано дергать строп! Но мы не удержим шар! Надо дергать! Обожду немного! Надо, надо, надо! Деревья близко! Пора дергать!

И я дернул.

Результат не замедлил сказаться. Ветер нанес еще один-два удара по оболочке, после чего гордое творение у нас на глазах съежилось и испустило дух. Непокорный, скачущий шар превратился в кипу блестящей ткани. Он лег на землю у самого подножия одной акации, а мы, стоя вокруг него и тяжело дыша, дивились внезапному превращению. Неужели мы не могли справиться с этой грудой материи? Неужели она волокла за собой и нас, и песок, и грузовик, точно мы ничего не весили? Но ведь это факт. И теперь вместо полета, которому все предвещало успех, у нас очень мокрая оболочка аэростата. Две лягушки прыгнули с травы в лужицы между складками. Мы стояли под хлестким дождем и от растерянности не знали, что говорить. Полный провал наших планов, 750 кубометров драгоценного водорода бесповоротно пропали. Правда, мы сохранили аэростат, пусть даже у него жалкий вид. Деревья, ветер, дождь — мы всех одолели. Но как одолели — еле-еле.

Вылет из Маньяры

После того как шар испустил дух и оболочка была уложена, мы вернулись в лагерь. Ливень не прекращался, и кто-то — не помню, кто именно, заметил, что палатки затопило. Зато помню, как я ворвался в большую палатку и застал там четверых масаев. Длинноногие африканцы стояли в воде, а вокруг них плавали фотопленки, записные книжки, продукты, одежда и прочее, и прочее. Я лихорадочно принялся собирать промокшее имущество и складывать его на постелях. Одновременно я попросил масаев помочь мне. Они пальцем не шевельнули. Я выуживал из воды у их ног различные предметы. Они по-прежнему не двигались, только место занимали.

Масаи постояли еще немного, наконец вышли. Тем временем мои товарищи помогли мне спасти наше имущество, да и дождь прекратился. Часы на руке еще тикали, показывая, что с того времени, когда впервые появилась туча, до конца бури прошло от силы полчаса. Известно, если Африка за что возьмется, она потрудится на славу.

Когда приходится начинать какое-то дело сначала, в этом есть одно преимущество — второй раз все идет проще. Мы перенесли лагерь на более высокое место. Отвезли наземную команду обратно в деревню и дали знать в Арушу, чтобы нам прислали вторую партию водородных баллонов. Осмотрели оболочку, как только она высохла, и снова пришили и приклеили разрывное полотнище. И буря разразилась снова. На следующий день в тот же час из-за гряды над Рифт-Валли опять выползло огромное пухлое облако. Живо собрав все имущество и надежно закрыв палатки, мы продолжали следить за ним, хорошо зная, что оно несет. Опять туча застлала солнце, опять устроили карусель воздушные вихри. Зрелище обращенной против нас мощи заворожило нас. Совсем как накануне, внезапно хлынул ливень и завыл ветер. Мы укрылись в палатке. Я высунул руку, чтобы замерить силу ветра. Лопasti анемометра кружились быстро-быстро, стрелка заплясала около деления, соответствующего пятидесяти пяти километрам в час. Если ветер развивал такую скорость на площадке, огороженной деревьями и кустарником, не удивительно, что высокому шару так досталось.

Незадолго до начала второй бури Хью и Джон вылетели на своем «Пайпере». На зеленой лужайке, где они садились накануне стояли лужи, но они нашли для взлета другое место. А мы все, что попрятали от бури, снова вынесли из палаток, чтобы досушить. В таком духе проходили следующие несколько дней. Странная погода для сухого сезона! А что же будет, когда начнется сезон дождей? Шлепая по воде в лагере, мы решили, что тогда здесь попросту утонешь без ласт и акваланга.

Еще одно свидетельство переменчивости африканских стихий мы получили через два дня после того, как буря потрепала аэростат. Мы отправились в маньярский лес и все утро посвятили съемке. Сначала нас увлекли мартышки, после них — пресноводные крабы, которым безумно пришлось по вкусу цыплячья кость. Они достаточно ярко дрались из-за этих следов небольшого пикника, и получился хороший сюжет для наших камер. Потом мы перебрались в пересохшее русло реки Марера; Часа два-три снимали, как «джипси» одолевает камни, выстилающие русло, и взбирается на крутой противоположный берег. Был тут какой-то мост, но его смыло, и участок вполне подходил, чтобы показать путешествие вне проторенных дорог. И никакого обмана: мы откатывали в сторону огромные камни, «джипси» весь трясся, пересекая русло, и сам вытянул себя лебедкой на берег. Затем, не знаю почему, мы проехали обратно тем же путем. Забрали из кузова всё необходимое для пикника и удобно устроились на камнях посреди сухого русла.

День был тихий. Над нами возвышались могучие деревья, насекомые стрекотали с

обычным остервенением. В прилегающем к реке лесу было много слонов и бабуинов. Мы старались уловить на слух их продвижение, но хор насекомых все заглушал; Вдруг какой-то глухой рокот вступил с ним в соревнование.

— Наверно, какой-нибудь грузовик штурмует подъем, — сказал я, и сперва никто мне не возразил.

— Но ведь дорога не в той стороне, — заметил немного погодя Ален.

— А похоже на грузовик.

— Не может быть, — сказал Ален. — Там неоткуда быть грузовику.

Ален встал, чтобы лучше слышать, но мне кажется, мы все одновременно увидели, в чем дело.

— Смотрите! Река! За камнями в верхней части русла что-то колыхалось.

— Берегись! Она идет на нас!

Помню, я схватил лежавшие поблизости вещи — ведь все было разложено на земле — и побежал к берегу. В эту минуту поток и рокот вместе с ним вырвались из-за поворота. На миг мы опешили, потом ринулись за остальными вещами. Но вода очень быстро мчалась вперед, образуя большую ровную дугу. Мы дружно выскочили на берег, и в ту же секунду мимо пронеслась широкая головная волна. Очевидно, хотя мы просто не успели этого заметить, сразу же смыло нашу еду, посуду и все прочее. Столь быстрая смена декораций парализовала нас. Там, где пятнадцать секунд назад было сухое русло, уже несла, ворча, как вулкан, свои воды река глубиной около двух метров.

Незримые, вниз по руслу неслись огромные камни. Слышно было, как они скачут и сталкиваются под водой. И было видно, как река наступает на берега. Длинный рукав стремительно обогнул наш наблюдательный пункт, превратив его в островок, и грозил смыть «джипси». Мы форсировали этот рукав на грузовике, оставили машину на высоком месте и вернулись к реке посмотреть, как она беснуется. Если бы грузовик стоял в главном русле, быть бы ему в озере Маньяра. И люди, если бы они сидели в машине, очутились бы там же. Мы глядели на поток и многозначительно качали головами. Как будто тут несколько секунд назад взорвалась бомба замедленного действия. Мы остро ощущали бренность своего бытия.

— Что теперь на очереди? — сказал Дуглас и выдавил из себя смешок.

Вечером мы для разнообразия решили съездить в отель «Лейк-Маньяра». Наш лагерь помещался в дикой местности, рядом бродило всякое зверье, но на горе по соседству была весьма современная и благоустроенная гостиница. Из окон каждого номера открывался изумительный вид на могучую складку Рифт-Валли; снизу доносились трубные голоса слонов. Словом, чудесное место. Мы поплескались в бассейне — такое дополнение к нашей простой жизни в палатках было чрезвычайно приятным. В завершение вечера поразвлекались метанием стрел в мишень и воздали в баре должное смеси под названием «Клыкастый».

Мы красочно рассказывали о внезапном паводке, который чуть было не унес нас, о буре, которая едва не прикончила наш шар. А нам поведали, как трудно заниматься киносъемками в Африке. Однажды в Танганьики прибыла большая киноэкспедиция с готовым сценарием и своими представлениями о диких животных. Организаторы этой затеи твердо считали, что с помощью денег можно заставить животных в точности выполнять все указания сценария. Был там один эпизод — слоны идут в атаку. Взбесившееся стадо бросается на лагерь зверолова, сокрушает шалаши, убивает людей и вообще сеет панику. Но герой двумя-тремя меткими выстрелами останавливает атаку и завоевывает пожизненно место в сердце девушки в походном костюме.

Ну вот, продолжал рассказчик, на лесной опушке в подходящем месте собрали сколько-то слонов. Устроили африканский лагерь с кострами, котлами и манекенами, изображающими

людей. Осветительными ракетами взбудоражили слонов, и они пошли на лагерь. Прибитые к деревьям железные балки не давали им отклониться, многочисленные камеры снимали их продвижение. Точно по расписанию слоны достигли лагеря, развив аллюр, который вполне позволял выдать их за взбешенных зверей. К сожалению, слоны даже в таких условиях владеют собой. Они промчались через лагерь, ничего не повредив. Ни один котел не был опрокинут. Ни одна крыша не пострадала. И, что хуже всего, ни один манекен не был повален, не говоря уже о том, чтобы украситься отпечатком могучей слоновьей ноги. Камеры не запечатлели ничего похожего на ту Африку, которая существует в сценариях. Надо было что-то придумать, и решили: если большие слоны не годятся, почему не сделать попытку с маленькими? Эта идея явно была признана блестящей, ибо вскоре на той же опушке появилась группа слонят. Операторы исходили из того, что дети всегда больше склонны к озорству, чем взрослые. Они любят поиграть, пошалить; наверное и слонята таковы. Но всякие детеныши чем-то отличаются от взрослых особей. Пришлось слонят подвергнуть обработке. Им обрили косматые спины, приставили деревянные клыки. Заодно изменились и масштабы лагеря. Появились карликовые хижины, над малюсенькими кострами висели миниатюрные котлы — под стать рассованным всюду куклам. И вот наступила решающая минута. Слонят погнали рысью по размеченному пути, они прибежали в лагерь. Слонята лихо размахивали хоботами, колотили ими во все стороны, после чего, очень довольные, покинули сцену. Котлы были опрокинуты, хижины разрушены, куклы искалечены. Благодарные операторы оторвались от камеры. Все было сделано по сценарию. Увековечен кусок «подлинной» Африки.

Ночью возвращаясь из отеля «Лейк-Маньяра» по крутой, извилистой дороге, мы встретили слонов и резко затормозили. Конечно, они великаны, но очень миролюбивые и сдержанные. Посмотрите на человека, идущего через заросли, сколько от него шума. А когда слон входит в густую, колючую чащу, кажется, что он просачивается сквозь нее, будто амеба, и вот уже стоит тихо-мирно по ту сторону. Мы провожали взглядом могучие черные силуэты, пока до нас вдруг не дошло, что слоны скрылись все, как один.

На следующий день произошли два события. Шарль, которого ждали дела в Южной Африке, покинул нас, и прибыла новая партия водородных баллонов. Два тяжелых грузовика «бедфорд» с двумя ведущими осями, подвывая и буксуя на грязной траве, едва одолели прогулочную площадку жирафов. Мы поспешили в Мтувумбу за новым отрядом помощников и без труда нашли желающих. Плата составляла два шиллинга в день и пачку сигарет «Четыре туза» — других они не признавали. Работа состояла в разгрузке заряженных баллонов, погрузке порожних (они весили почти столько же) и отвинчивании колпаков. Рабочие потрудились на славу, получили деньги и сигареты и снова набились в кузов «джипси». В крыше был сделан люк для съемок, из него, как из трубы, повалил столб дыма. Можно было подумать, что на нашем грузовике установлена паровая машина — люди с Москитной реки спешили обратить в дым свою заработную плату.

Вечером мы назначили вылет на следующий день. Ветер дул подходящий, скорость не превышала тридцати пяти километров в час, бури явно прекратились. Мы условились, что в восемь утра соберется наша, теперь уже более опытная, наземная команда, а стартовать можно в полдень. Плотно поужинав (главное блюдо составлял рис, но были всякие приложения), мы продолжали совещаться. Потом вдруг затеяли что-то вроде музыкального вечера. Наши номера казались нам страшно потешными, и мы хохотали до упаду. Каждый выбирал какую-то мелодию или песенку и, как мог, подражал тому или иному инструменту. Один изображал шотландскую волынку, другой — шарманку, третий — всего-навсего арфу, и все нам безумно нравилось, и мы без конца хохотали, прослушивая собственные выступления

в магнитофонной записи. Из палатки посреди могучих просторов Танганьики вырывался наружу поток нестройных звуков.

Вдруг музыка оборвалась. В натянутую палатку с внушительной громкостью ударила дождевая капля. Еще, еще... И сразу подул ветер. Мы как-то сразу поникли, нам уже не хотелось ни петь, ни слушать магнитофон. Когда же наконец Африка уймется? Неужели все наши планы рухнут из-за скверной погоды, дождей и бури? Мы легли и погасили свет. Кстати, давно пора спать.

Утром ветер продолжал неистовствовать, и мы отложили старт на сутки. Джоун отправилась в деревню, чтобы предупредить наших помощников и закупить продукты. Дуглас, Ален и я запустили шары-пилоты и смотрели, как их носит туда-сюда. После ночной бури погода была такой же устойчивой, как усы на крысиной морде. Словом, видно, что сегодня лучше держаться на земле.

Все-таки мы решили все подготовить, только не наполнять оболочку газом. Мы разложили ее, вставили клапан, укрепили стропы, подключили шланг, соединили его с первой серией баллонов и разместили по окружности сети мешки с песком. Теперь осталось только повернуть вентиль. Заодно мы починили гондолу. Во время бури один угол вверху пострадал, прямоугольная гондола стала больше смахивать на ромб. Вооружившись топором, мы отправились на поиски изогнутого под прямым углом сука, который мог бы играть роль шины. Полено подходящей величины нашлось, мы укрепили им гондолу, и на душе стало легче. Аккуратными кучками было разложено все необходимое для полета.

В тот вечер мы изучили все метеорологические признаки так внимательно, как ни один римлянин не изучал внутренности жертвенной птицы, и прониклись небывалой уверенностью. Все говорило за то, что погода наладится. Никаких зарниц. И нет в воздухе этого зловещего затишья. Насколько мы могли судить, ничто не сулило коварных вихрей. Ночь как будто предвещала успех, — и мы охотно последовали бы примеру римлян, если бы знали их обряд. Песен не пели — не то настроение; зато и дождя не было. Как ни странно, несмотря на тихую погоду и светлые надежды, мы долго-долго не могли уснуть.

На следующее утро небо было чистое, как стеклышко, без единого облачка. Дул несильный, приятный ветер. Не было никакого сомнения, что настал долгожданный день. Мы стоя выпили кофе и поскорее пустили водород. «Джипси» покатил вперевалку за нашими помощниками, и началось наполнение оболочки. С характерным, режущим слух звуком из баллонов вырывался газ, шар быстро рос. Вместе с ним росла наша уверенность.

Когда закончилось наполнение, из-за гряды выглянуло несколько грозowych тучек — ничего страшного. В справочниках аэронавта написано: «При появлении кучево-дождевых облаков немедленно выпускайте газ из оболочки». Но если бы мы буквально следовали этому указанию, это была бы первая в истории воздухоплавательная экспедиция, не совершившая ни одного полета. Грозовые тучки — такая же типичная примета этой части Африки, как зонтичные акации. Все же, посмотрев на них, Ален еще раз процитировал инструкцию, которую мы частенько вспоминали.

— «При появлении кучево-дождевых облаков немедленно выпускайте газ». Можно вылетать?

Алену предстоял первый полет в его жизни; ведь на Занзибаре он занимался моторной лодкой. Он должен был делать фотоснимки и вести наблюдения над животными. Дуглас — его обязанностью были киносъемки ответил:

— При появлении кучево-дождевых облаков смотри в другую сторону. Пошли.

Мы забрались втроем в гондолу. Я начал регулировать равновесие «Джамбо». Отпустили гондолу... Взялись опять... Убрали мешок песку. Отпустили, снова взяли. Еще полмешка

песку долой — и мы готовы к старту. Я посмотрел на акации с подветренной стороны, прикинул угол взлета. Подъемной силы вполне хватит, не заденем их. Я пересчитал мешки с песком. Шесть штук. На пять меньше, чем было на старте на Занзибаре. Но ведь мы сейчас на шестьсот — семьсот метров выше. Ничего, балласта хватит. Мы попрощались с улыбающейся наземной командой и сказали «до свидания» Джоун. Где, когда и как состоится свидание — неизвестно. Этим распорядится ветер.

Без дальнейших церемоний я в последний раз скомандовал: «Отпускай!» и предоставил ветру распоряжаться. Мы поднялись быстро и плавно, чудо свободного полета началось. Мы мгновенно перенеслись в другой мир.

Главной задачей нашего первого полета над Африканским материком было проверить по возможности реакцию животных, обитающих в разной среде. Никто не знал, как поведут себя животные при виде шара, однако было очевидно, что среда повлияет на их поведение. Область Маньяра сочетает самые различные типы ландшафта. Наш лагерь граничил (и это чуть не обошлось нам очень дорого) с обширными зарослями желтой акации, а в нескольких километрах западнее Рифт-Валли тянулась горная гряда. У подножия гряды под ее прикрытием рос настоящий лес. Когда определили его состав, выяснилось, что прежде массив был связан с обширной тропической областью в бассейне Конго. Теперь здесь остался только этот островок, впрочем достаточно обширный, чтобы стать обителью многих лесных животных. Во всяком случае часть нашего перелета пройдет над этим лесом. Дальше — озеро. Его окаймляют местами болота (где покрытые сухой коркой, где заросшие камышом) — прибежище буйволов, болотных козлов^[5] и бегемотов, местами плоские илистые берега. На этих безлесных участках можно увидеть всяких животных, например жирафов и газелей, но влажный ил с зеленой порослью прежде всего обитель пернатых. На озере Маньяра обнаружено около шестисот видов птиц; разнообразие среды делает этот район идеальным для наблюдения пернатых Африки. Больше всего здесь фламинго и пеликанов; порой их скапливается на озере до миллиона, а иногда и больше.

За последние месяцы озеро разлилось из-за дождей, и длина его составляла около пятидесяти, а ширина — больше пятнадцати километров; точных цифр никто не знал. Ливни затопили обычные подступы, и даже из нашего лагеря мы не смогли к нему проехать. Да если бы и удалось точно определить размеры озера, все равно следующий же дождь добавит полкилометра тут, километр там и ломает все расчеты. Поэтому довольствуются цифрой «800 квадратных километров», примерно определяющей площадь озера. Так или иначе, разлив означал, что нам лучше не садиться на озеро или его берега. Обычно до него можно доехать на машине или в крайнем случае дойти через лес и илистые участки под западной стеной Рифт-Валли; теперь это было исключено. Когда мы сюда прибыли, дорога еще была проходима километров на десять, но внезапный бурный разлив реки Марера укоротил и этот кусок на три километра.

Вот и получалось: чтобы сесть, надо подальше отойти от озера. К западу от гряды через плато из Карату в Мбулу на юге идет дорога; правда, она часто закрыта, но все-таки дорога есть. А из Мбулу можно проселком доехать до Большой северной магистрали, пересекающей Африку с севера на юг. Таким образом, наш перелет, насколько его вообще можно прогнозировать, определяется прямоугольником дорог. Конечно, хорошо бы приземлиться поблизости от какой-нибудь из них. Но как, где и когда именно мы сядем — нет смысла гадать. И мы, естественно, думали о предстоящих трудностях, когда оторвались от земли и легко, без малейших усилий вознеслись в безбрежный голубой простор над стартовой площадкой.

— Запишите меня в аэронавты, — сказал Ален, как только состоялся старт и мы заскользили над акациями.

Я рассмеялся и проводил глазами лагерь, который удалялся от нас со скоростью около пятнадцати километров в час. Внизу среди частого кола машущих рук стояла Джоун; четко выделялись следы наших машин. Вон там прошел большой грузовик. Вон по той дорожке мы ездили смотреть бегемотов. А та колея обозначает путь к огромному ржаво-красному термитнику и обратно. Наш лагерь быстро затерялся в просторах Африки. Могучее дерево, в

тени которого лежали водородные баллоны, пропало вдаль; палатки исчезли, и последним скрылся белый брезент, на котором во время наполнения лежал «Джамбо». Но задолго до этого мы главное внимание перенесли вперед. Простирающийся под нами мир был одинаково увлекательным в любом направлении, но, когда летишь на воздушном шаре, невольно смотришь вперед. То, что пройдено, интересно лишь постольку, поскольку фиксирует путь и позволяет судить о дальнейшем курсе.

Аэростат уравновесился на высоте примерно триста метров, то есть начало было намного удачнее, чем на Занзибаре.

Мы быстро достигли северной окраины озера и пошли над непролазными камышовыми зарослями. Ален первым узнал в каких-то пятнышках внизу буйволов, и это были первые животные, которых мы наблюдали с шара. Буйволов было около трех десятков, они ровным счетом ничего не делали, только дергали ушами, словно это помогало от зноя. Потом показались два бородавочника^[6], они громко фыркали. Наконец, сказал я себе, наконец я стою в гондоле воздушного шара и подо мной проплывает Африка. Этого было вполне достаточно, чтобы я широко улыбнулся своим друзьям, а потом от удовольствия громко рассмеялся.

Так как приближалось озеро и нам предстояло пройти над ним изрядное расстояние, мы не могли стравить немного водорода, чтобы посмотреть, как животные станут реагировать на нас. Правда, я еще совсем не трогал наш балласт, наши шесть мешков песку, но уж очень озеро длинное... И вот, оставив буйволов позади, мы, все так же на высоте трехсот метров, пошли над водой. Теоретически в полдень шар должен потерять высоту над водоемом, но озеро было мелкое, а оттого и намного теплее обычных озер, и мы даже чуть поднялись. В итоге над Рифт-Валли мы проходили уже на высоте 450 метров. Шар отбрасывал приятную тень, мы чувствовали себя превосходно.

Увы, нет розы без шипов. Вообще-то, когда стоишь в гондоле в полукилометре над землей, простиительно и возмнить о себе, однако я как-то плохо представляю возмнившего аэронавта. Гондола достаточно прочна, пробить в ней каблуком дыру не так-то просто, даже если вы очень постараетесь, но при мысли о том, что эти ивовые прутья — вся ваша опора, вы очень остро осознаете их уязвимость. Время от времени корзина скрипит. Скрипит всякий раз, когда кто-нибудь перемещается, но, кроме того, еще и по собственному почину. Что ни говори, три пассажира, балласт, снаряжение — тяжелое бремя для такой слабой вещи. А стропы? В полете восемь наскоро сплетенных на Занзибаре веревок, которые соединяли строповое кольцо с петлями на гондоле, подвергались серьезному испытанию. Мы не сомневались в том, что их прочность на разрыв вполне достаточна, но уж больно они тонкие на вид. А что тогда говорить о петлях из стального тросика? Их не восемь, а всего четыре. Правда, прочность петель тоже рассчитана с запасом и тросик вплетен в корзину так, что они соединяются попарно. С точки зрения теории все сделано безупречно, однако выглядели эти петли очень хлипкими. Диаметр тросика всего каких-нибудь четверть дюйма. Больше и не надо, этого вполне достаточно, но как-то уж все рассчитано в обрез...

Теперь взять шар, эту бесшумно парящую над нами огромную оранжевую сферу. Казалось бы, никаких оснований для тревоги. Правда, ткань чрезвычайно тонкая и сеть сплетена скорее из бечевки, чем из веревки, но эти соображения совсем заслонялись несуразностью того факта, что нас удерживал в воздухе открытый сосуд с газом. Мое сознание до самого конца никак не могло свыкнуться с этой мыслью. Над отверстием патрубка находился газ — бесцветный, невидимый, лишенный запаха. Он один нес по воздуху весь груз. Мы, да гондола, да сеть, да оболочка — вместе получалось больше трех четвертей тонны, и все это газ шутя удерживал в воздухе над озером на высоте четырехсот пятидесяти

метров. Удерживал 766 килограммов — таков был наш точный вес в тот день. Нет, не верю, чтобы кто-нибудь, имея дело с таким удивительным явлением, как аэростат, мог настроиться на беспечный лад.

Но даже если отрешиться от благоговейного трепета, неизбежного при таком полете, оставался плотный осадок самого обыкновенного страха. Мы старались не думать о нем, но отделаться от него не могли. Ведь его нельзя было назвать беспочвенным. Куда нас несет? Выдержат ли стропы и гондола? Будет ли посадка удачной или нет? Как насчет облаков, внезапных шквалов и нисходящих потоков? Африка уже показала нам, что она способна вытворять на земле. Теперь, когда мы, так сказать, доверились широким объятиям воздушного океана, у нас гораздо меньше возможностей управлять своей судьбой. От этих объятий можно ждать всего чего угодно. Очень интересно стать чем-то вроде паутинки, но в этом состоянии есть и свои минусы.

Первый час мы летели над озером курсом 200 — почти параллельно западной гряде. Направление и сила ветра те же, что были на Занзибаре. Гряда довольно точно выдерживает направление север — юг, так что мы мало-помалу приближались к ней и к берегу озера у ее подножия. Превосходно! Пока мы шли к берегу, меня ничуть не беспокоила постепенная потеря высоты, вызванная нормальной утечкой газа, и я не сбрасывал балласт, чтобы прекратить снижение. Вдоль берега, захватывая местами часть озера, розовели тысячные стаи фламинго. Время от времени какая-нибудь стая взлетала и устремлялась на другое место. Все это происходило где-то бесконечно далеко. Птицы искали корм, им было не до лесов, простершихся неподалеку, и не до просторных равнин, для них существовал только ил — источник пищи. И уж конечно, им было не до нас.

До берега оставалось около полутора километров, когда мы заметили группу жирафов. Они отделились от леса и подошли к воде. Один жираф даже вошел в воду и ухитрился напиться, широко расставив ноги.

Мы прошли над этими великолепными животными на высоте около двухсот метров, сознавая, что, будь на месте аэростата самолет, они бросились бы врассыпную. А теперь они никак не реагировали. Один жираф даже сел, аккуратно поджав ноги. Его двухметровая шея напоминала столб, который от толчка наклонился под углом около шестидесяти градусов к земле.

Ветер пронес нас над береговой линией. В этом месте, известном под названием Эндабаш, горы расступаются, пропуская реку. Тысячелетиями поток точил камни, и получился треугольник, одну сторону которого образует озеро, две других — скалы. Сюда-то мы и вторглись, по-прежнему идя на высоте сто восемьдесят метров, а впереди высились шестисотметровые гребни. Пока что мы продолжали свои наблюдения. Внизу, помахивая огромными ушами, стоял слон. Вдруг мы различили еще трех слонов. Потом увидели у реки стадо буйволов, голов шестьдесят. И еще слоны, еще буйволы... Это было то самое, ради чего мы все затеяли.

К сожалению, не успели мы заметить животных, как скалы оказались в опасной близости. А ведь мы не буреветники, чтобы день-деньской без опасности для себя носиться вдоль круч. Надо было что-то предпринимать. Я решил сбросить гайдроп — авось он поможет нам перевалить через гребни. Ведь воздушный поток переваливает, и мы пойдем с ним, а гайдроп — для страховки, чтобы мы не отстали. Как он коснется склона — при условии, что склон будет не слишком крут, — так шар сразу поднимется. И мы перерезали веревку, крепившую гайдроп к гондоле.

С этой минуты безмятежный полет кончился. Гайдроп не расправился как следует, получилась петля. А это значило, что он не будет легко скользить по земле, по деревьям и так

далее, что петля за что-нибудь зацепится и мы окажемся на привязи. При сильном ветре это чревато бедой. У нас был только один выход, и мы принялись втроем выбирать шестидесятиметровый гайдроп. Какой он тяжелый, какой непослушный. Если вам приходилось когда-нибудь распутывать веревочку, представьте себе, каково возиться с длинным канатом, стоя в тесной гондоле. Я сбросил две горсти песка, чтобы подняться повыше, и не сводил глаз с надвигающейся скалы. Дуглас и Ален распутывали тугие петли, остерегаясь, чтобы при этом не зацепить ими и не сбросить за борт кинокамеру или еще что-нибудь из снаряжения.

Наконец гайдроп был распутан, мы взялись за него втроем и, держа каждый свою часть, перенесли через борт и бросили одновременно так, чтобы он не запутался снова. На этот раз обошлось без петель, но, расправившись рывком, конец гайдропа щелкнул, будто огромный бич. Звук отдался между скалами, и в воздухе повисло маленькое облачко пыли. Конец каната размочалился, с этим ничего нельзя было поделать, и теперь все внимание обратилось на приближающуюся гряду.

Я говорил себе, что, если мы подойдем к ней примерно посередине, все будет в порядке. Ни к чему слишком уж бояться этих скал и забираться чересчур высоко, не то, чего доброго, как раз угодим в венчающее вершину кучевое облако. Кстати, это облако непрерывно росло с самого начала нашего перелета, вызывая у нас легкую тревогу, однако я надеялся перевалить, не задев его. От гребня до нижней кромки облака было около шестисот метров — не так уж много, но, глядишь, этого окажется достаточно. Теперь уже никто не шутил по поводу предписания выпустить газ при виде кучево-дождевого облака. Положение было таким, что не допускало шуток.

Вдруг нас настиг порыв ветра, и гондола качнулась. Вымпел «Джамбо» расправился, мы покрепче ухватились за край корзины. По гайдропу, который до этого безжизненно свисал вниз, побежали длинные волны. Я поглядел на альтиметр и вариометр (он регистрирует подъем и спуск), но стрелки приборов стояли неподвижно. А в следующую секунду тень показала нам, куда мы идем. Ветер переменился на сто восемьдесят градусов, и мы летели прочь от Эндабаша, обратно к озеру.

— Н-да, — сказал Дуглас, умеющий вложить глубокий смысл в такие коротенькие предложения.

Мы с Аденом были с ним вполне согласны. Шар есть шар, поневоле приходится со всем мириться.

Да, так и есть, тень скользнула через последние деревья в треугольнике, пересекла пятачок запекшегося на солнце ила и запрыгала по частым волнам. После старта прошло два часа, высота полета равнялась тремстам метрам, у нас оставалось пять мешков песка. Отойдя от берега километра на полтора, мы затем свернули на юг и пошли прежним курсом параллельно гряде. Но не все было по-прежнему. Во-первых, там, где нас застиг встречный ветер, теперь повисла пелена дождя. Во-вторых, мы шли вдвое быстрее, а большое облако над горой начало принимать угрожающие размеры. Правда, нам на нашей высоте оно было не страшно, но, разрастаясь, облако закрыло солнце. Некоторое время наша тень еще плясала по поверхности озера, однако вскоре ее поглотила куда более могучая тень.

И почти сразу мы начали терять высоту. Когда шар освещен солнцем, газ нагревается и подъемная сила возрастает. С исчезновением солнца она стала убывать, и мы пошли вниз, к озеру. Я сбрасывал одну горсть балласта за другой. Целый мешок песка ушел на то, чтобы затормозить падение. К этому времени всего тридцать метров отделяло нас от воды, и гайдроп чертил глубокую борозду на поверхности озера. Со скоростью приблизительно тридцать километров в час мы шли прямо на южный берег. За ним простиралась возделанная

земля — вполне можно садиться. У воды стояло несколько африканцев, тут и там были видны совершенно открытые площадки. Две выглядели особенно заманчиво, и нам хотелось, чтобы наш перелет закончился на одной из них.

Но когда летишь на аэростате, бессмысленно на что-то настраиваться заранее. Только мы стали прикидывать, какой из площадок отдать предпочтение, как ветер вовсе стих. Одновременно похолодало. Могучее облако явно настраивалось на бурю. Я продолжал сбрасывать балласт, управился с третьим мешком с начала полета и принялся за четвертый. Горсть за горстью, шелестя, падали в воду. Расходящиеся круги задевали уныло повисший гайдроп. Отсутствие какой-либо кильватерной струи показывало, что мы не двигаемся с места. На воду около гайдропа по-прежнему, словно перец, сыпались песчинки; нельзя давать остывающему шару опускаться ниже тридцати метров.

Здесь пора напомнить, что вода под нами была насыщена содой. Как другие бессточные озера накапливают соль, так это озеро веками накапливало соду; отсюда и дополнительный риск. Садиться на эту воду значит подвергнуть себя разъедающему действию соды. Правда, ливни разбавили раствор, но он достаточно крепок, чтобы повредить, скажем, глазам. Мы знали, что здешняя вода на ощупь кажется мыльной, однако не представляли себе, как наша кожа перенесет сколько-нибудь длительный заплыв в этом озере. Да и будет ли он таким уж длительным? Лично я, когда купаюсь, предпочитаю подражать плоту, а не моторной лодке, и мне еще никогда не доводилось проверять свои стайерские способности. В какую сторону ни погляди, расстояние изрядное... Доплыть даже до ближайшего берега будет делом нелегким.

Минут двадцать мы пребывали в неподвижности в одной точке над озером. Туча принимала все более темный и зловещий вид. А запас песка был на исходе, оставалось чуть побольше одного мешка. Когда кончится весь балласт, шар либо пойдет вниз, либо не пойдет, если мы сбросим кое-что поценнее песка. У нас были остатки питьевой воды и немного провизии. Дальше надо будет расставаться с ботинками, камерами, пленкой. Я понял, что нужно принимать решительные меры, пока не поздно.

— Сброшу-ка я сразу полмешка, — объявил я. — Может быть, вверху есть какое-нибудь воздушное течение. Надо нам убираться отсюда.

Мои товарищи кивнули и проводили взглядом струю песка — все семь килограммов. Вскоре мы пошли вверх, и конец гайдропа выскочил из воды. Подошва облака находилась примерно в 1200 метрах над озером. Я хотел уравновесить шар где-то посередине между двумя опасностями. К сожалению, аэростат не остановился посередине. Стрелка альтиметра с ходу миновала деление, где, по моим расчетам, должна была остановиться. Никто не произносил ни слова, я и подавно. Я принял решение, но наскоро выполненные подсчеты, очевидно, оказались неверными. Мы продолжали идти вверх с той же нервирующей скоростью.

Умеренными средствами такой подъем не остановишь. Таковы уж физические свойства шара — он все так же упорно будет подниматься, даже если выпустить немного газа. Этот парадокс объясняется тем, что поднимающийся шар, переходя в более разреженные слои, сам по себе теряет через патрубок часть газа, выравнивая давление. Вот почему сброс водорода означает всего лишь, что он вместо патрубка выходит через клапан. В обоих случаях результат один: аэростат продолжает подниматься. Чтобы прекратить подъем, можно выпустить много газа, настолько уменьшить подъемную силу шара, что он поневоле начнет терять высоту. Но это самая крайняя мера. Можно перевести подъем в падение, однако это падение уже ничто не остановит. Песка осталось слишком мало, так что, пожертвуй мы даже в придачу к нему камерами, ботинками и всем прочим, все равно стремительнее всякой морской птицы врезались бы в воду. Поэтому подъем нельзя было прекращать.

На высоте 1800 метров над уровнем моря и 1200 метров над озером стрелка альтиметра наконец слегка замедлила свое движение. А туча — вот ведь чудо! — по-прежнему была выше нас метров на триста. Мы все еще видели треугольник Эндабаша с пересекающей его рекой, но теперь мы смотрели сверху на обрамляющие его гребни. Никогда столь замечательный вид не доставлял мне так мало радости.

— Вон озеро Эяси, — бесцветным голосом произнес Ален: ситуация, в которой мы очутились, убила в нем весь энтузиазм.

— Угу, — скупой отзывался Дуглас.

Оба посмотрели на альтиметр в моей руке и убедились, что стрелка продолжает идти вверх. Они, конечно, заметили и то, как сильно дрожала моя рука, однако умолчали об этом. Я увидел, что моя вторая рука не дрожит, и переложил альтиметр в нее; тотчас дрожь передалась ей. Несколько раз я с тупым видом переключал прибор из руки в руку, проверяя автоматическую реакцию. Механизм работал безупречно. Рука с альтиметром дрожала, как осиновый лист. Другая рука оставалась спокойной. А стрелка знай себе ползла вверх.

Издали очертания грозовой тучи кажутся четкими, ясными. Когда смотришь на нее вблизи, снизу, никаких определенных очертаний вообще нет. Просто мы, достигнув высоты 2200 метров над уровнем моря, или 1600 метров над озером, начали все больше погружаться в мрак. С одной стороны внизу еще ясно различались земля и скалы, но половину озера уже поглотил туман. Еще немного — и придется стравливать газ и пикировать в воду. Воздух, несомненно, был насыщен статическим электричеством, и я мог только гадать, что произойдет, если в это электрическое поле вдруг хлынет струя водорода. Одно из двух: либо водород вспыхнет (и шар вместе с ним), либо нет. Когда статическое электричество воздействует на огнеопасный газ, середины не бывает — или ничего не происходит, или происходит катастрофа. Лучший способ избежать катастрофы — не попадать в такое положение, когда она возможна. А катастрофа вполне возможна, если в нижней части грозовой тучи выпустить из шара 50–80 кубометров водорода. Я не собирался открывать клапан, пока в этом не будет крайней необходимости.

Туча над нами непрерывно рокотала. Это были не отдельные раскаты грома, а ровный гул — так гремит лист железа при сильном ветре. Своего рода рычание, которое позволяло представить себе, о каких могучих силах идет речь. Если мы углубимся в тучу, нам конец. Никакие контрмеры, даже самые решительные, не помогут — нас бросит вверх на высоту 12 тысяч метров, а то и больше. И нас прикончит либо холод, либо недостаток кислорода, либо декомпрессия, либо пламя горящего водорода, того самого водорода, который поднял нас в поднебесье. Такие облака расправляются с мощными самолетами, разжевывают их на мелкие кусочки и разбрасывают по земле крошки, оставшиеся от людей и механизмов. У нас еще меньше шансов уцелеть, хотя меньше, казалось бы, некуда. Огромное черное чудовище грозно урчало, а мы стояли в гондоле, не зная, что делать.

Альтиметр все еще показывал 2200 метров. Я постучал пальцем по прибору, проверяя, не заело ли стрелку. Она не сдвинулась. Я постучал сильнее. Стоит на месте. Неужели мы остановились? Или что-нибудь мудреное происходит с давлением воздуха? Я опять постучал. Если мы продолжаем набирать высоту, а стрелка не движется, значит, возросло давление. Но с чего бы ему возрастать?

— По-моему, мы остановились, — очень тихо произнес я, боясь ошибиться.

— Угу! — отзывался Дуглас.

И тут невесть откуда под этим черным сводом подул ветерок. Мы поглядели друг на друга. Кажется, двигаемся — двигаемся горизонтально? Ей-богу! Стрелка альтиметра не трогалась с места, но мы, несомненно, струнулись. Точно! Идем как будто на восток,

удаляясь от скал, от гряды и ущелья. Идем в пространство над озером. Ну и что? Главное, мы уходим, уходим от этой коварной тучи. Воздух кругом стал как будто легче. Честное слово. И мгла над нами, насколько хватает глаз, посветлела. Вдруг словно по волшебству сквозь нее пробилось солнце.

После этого можно было и оглянуться назад, на тучу. Сейчас она выглядела уже не черной, а белой. Она больше не висела угрожающе над нами, мы смотрели на ее пухлые контуры со стороны. Солнце опять нагрело шар, и стрелка альтиметра перевалила через 2200 метров. Но теперь это не играло роли. Над нами чистое небо. Можно набирать любую высоту. Туча осталась на западе. Пусть выкидывает любые штуки. Мы вырвались на волю. Наш шар опять свободный аэростат, а не предмет, которому угрожает атмосферный «водоворот». Альтиметр показал 2400, 2700 метров, потом стрелка замедлила движение. У цифры «2900» она совсем остановилась, и я сел на дно гондолы, совершенно разбитый.

Именно тогда у меня и родилась мысль написать эту книгу. Важная минута, потому-то с нее и начинается первая глава. Я уже рассказал, что было дальше, как мы висели над озером, пока вечерний ветерок не подхватил шар и не понес его к восточному берегу озера Маньяра. Полет окончился благополучно, мы прошли над районом к югу от реки Танангире на вполне удовлетворительной высоте — 45 метров. То ли из-за неприятных минут, которое мы пережили, то ли из-за выпавшей на нашу долю невероятной удачи и чудесного спасения, но я всегда буду с восторгом вспоминать последние полчаса этого полета. Воздух очистился, было тепло и тихо. Зной спал, и мы легко плыли над землей. Это было воздухоплавание в лучшем смысле слова. Это был верх совершенства.

И посадка, когда гондола наконец ударилась о каменистый грунт, тоже прошла превосходно. Никто не ушибся, мы выкарабкались из гондолы и обменялись рукопожатиями. Наша туча, это чудовище, таяла на глазах в лучах вечернего солнца, и мы смотрели на нее чуть ли не с нежностью. Огромного озера не было видно, да и скалы начали пропадать, как только солнце ушло за них. Заканчивался сказочный день. Мы по очереди вскакивали на гондолу, чтобы полюбоваться видом. Потом, смеясь и говоря наперебой о том, что каждый сам еще отлично помнил, принялись складывать оболочку, не очень-то задумываясь над тем, как мы вернемся в лагерь.

Кратер Нгоронгоро

Вы удивитесь, но мы провели эту ночь в нашем старом Маньярском лагере. С лужайки перед отелом на горе Джоун наблюдала весь наш стокилометровый полет и отправилась на машине за нами. Когда она часа через два после того, как бурый фон земли поглотил контуры аэростата, добралась до нас, мы стояли на шоссе и ждали, не появится ли кто-нибудь, хотя бы Джоун. Аэростат сел меньше чем в километре от Большой северной магистрали — в этом нам сильно повезло. К тому же в полутора километрах находился лагерь дорожников, и рабочие видели, как мы снижались. Так что все сложилось как нельзя лучше. Будь у меня чуть побольше терпения, мы, пожалуй, смогли бы сесть прямо на дорогу и уж во всяком случае ближе к лагерю, если бы заметили его. Но у нас, когда мы наконец коснулись земли, оставалось всего четверть мешка балласта, а этого маловато для страховки от несчастных случаев. Допустим, при посадке прямо по курсу возникло бы дерево; сбросив весь песок, мы бы, возможно, и проскочили над ним, однако после этого нечем было бы смягчить падение. Словом, мы приземлились вовремя. Нельзя же без конца испытывать фортуны; нам и так целый день везло.

Трудно сразу уяснить, что какое-то дело удалось вам не на сто процентов, особенно когда оно чуть не кончилось катастрофой. Во всяком случае, возвращаясь вечером в лагерь, мы этого еще не уяснили. Как и тогда, когда дружно рассмеялись при виде удивленной физиономии Киари, огорошенного нашим внезапным появлением из ночного мрака. Зато наутро, укладывая в машины и прицепы наше имущество и томясь от небывалого зноя, мы уже испытывали некоторое недовольство. Ведь за весь полет, если не считать приземления, мы не подходили к животным ближе чем на двести метров. На таком расстоянии они не обращали на нас никакого внимания, но, чтобы проверить нашу идею о пригодности гондолы аэростата для наблюдений, нужно было опуститься ниже. К тому же сам воздушный шар требовал от нас чересчур большого внимания. Мы должны чувствовать себя вроде как бы на воздушном плоту, чтобы все касающееся передвижения происходило помимо нас. Но и мы подобно команде плота в шторм вынуждены считаться с прихотями природы.

И мы решили отправиться в Нгоронгоро, этот кратер, который настолько богат всякой дичью, что мы при любом курсе непременно должны были пройти над тысячами животных (во всяком случае мы так думали). Наша задача проверить реакцию животных. У меня были свои соображения о недостатках обыкновенного, наполненного водородом, свободного, неуправляемого аэростата, но важнее всего было установить, как его воспримут животные. До появления автомобиля никто не мог ожидать, что он окажется таким удобным для наблюдения фауны. Я подразумеваю не то, что автомобиль позволяет наблюдателю охватывать большую площадь, а то, что звери подпускают его неожиданно близко. По разным причинам, одни из которых известны, другие еще не разгаданы, животные воспринимают человека в автомобиле как себе подобное создание, укрывшееся в своем логове. Но стоит приоткрыть дверцу и высунуть ногу, как звери стремглав убегают.

Такую реакцию животных на автомобиль предусмотреть было невозможно, однако она оказалась чрезвычайно ценной. Никто не мог заранее сказать, как воспримут звери аэростат, но, прежде чем намечать что-то всерьез, кому-то надо было это выяснить. Если воздушный шар не будет им мешать, он может сослужить добрую службу. Например, очень мало известно о повадках льва, о том, как часто он ест, сколько съедает за раз. Его методы атаки тоже недостаточно изучены. Привязанный к земле заградительный аэростат, чьи аэродинамические свойства позволяли бы ему противостоять ветру, мог стать удобным

пунктом для наблюдений над обширным участком дикого ландшафта. С него можно изучать обитающих на участке львов, так как с земли не изучишь. Или, скажем, вести круглосуточное наблюдение над источником, куда звери ходят на водопой. Или следить за миграцией животных через определенный район и подсчитывать поголовье. Но все это отпадет, если животные не приемлют бесшумно парящих над ними сферических предметов. Этот вопрос и предстояло первым делом исследовать.

Ален, Джоун и Киари ехали впереди на лендровере, Мы с Дугласом следом на «джипси». В Мтувумбу мы заправились горючим, попрощались с наземной командой и потолковали с обоими лавочниками-индийцами, после чего двинулись по дороге, поднимающейся на гряды. Пересекли плато Карату, населенное каким-то земледельческим племенем, потом, сбавив ход, начали подниматься к самому кратеру. Район Москитной реки находится в шестистах метрах над уровнем моря. Высота кромки кратера — примерно 2150 метров, и наши машины с натугой поднимались по крутой, извилистой дороге; правда, покрытие было хорошее. Прочтя на дощечке название «Уилкиз-Пойнт», мы остановились. Отсюда открывался потрясающий вид на кратер Нгоронгоро.

Первое впечатление всегда играет большую роль. Стоя на краю кратера, мы смотрели вниз на громадную чашу. Дуглас недоумевающе воскликнул (я вполне разделял его недоумение):

— А где же животные?

Ален и Джоун усмехнулись и показали где. Как будто наши зрачки сначала были неверно сфокусированы, потом наводку исправили, и внезапно сотни точек превратились в животных. Нас сбила с толку перспектива. Поперечник кратера — около двадцати километров; в нем разместилась бы большая часть Лондона, однако эти огромные размеры как-то не ощущались. Мы видели деревья, видели озеро и высокие кручи по краям чаши, но все равно не могли сразу охватить ее подлинные масштабы. Я и прежде сталкивался в Африке с этим явлением. Видишь широкие дали — и ничего, чем бы их можно было измерить: ни уходящей к горизонту дороги, ни домов, ни селений, ничего конкретного, позволяющего судить обо всем прочем. В Нгоронгоро это проявляется особенно остро. Мы с Дугласом оказались совсем беспомощными. Что это там на склоне — кусты или деревья? И какая высота вон у той кручи — пятьдесят, сто пятьдесят или пятьсот метров? Может быть, еще больше? Просто поразительно, как легко запутаться, когда нет определенной мерки.

В таких случаях выручает бинокль. Он не только все приближает, но и устраняет недоразумения. Ну хотя бы вот эти антилопы гну: в первую минуту мы с Дугласом их не заметили, потому что нас не интересовали муравьи, и наш взгляд безучастно скользнул по ним. А когда вы смотрите в бинокль, ваши глаза ищут какой-то вполне определенный предмет и узнают его независимо от величины. Но все это не помешало Нгоронгоро произвести на нас сильнейшее впечатление.

Это величайший кратер в мире. Его крутые стены вздымаются на высоту от шестисот до девятисот метров, огораживая территорию площадью от трехсот до трехсот пятидесяти километров, смотря по тому, где проводить границу между ними и дном. Никто не знает, как он возник: ведь обычные кратеры намного меньше. Есть довольно убедительная теория, по которой тут в прошлом возвышалась вулканическая гора с диаметром основания около двадцати километров. Что-то сместилось в недрах земли, гора провалилась, и образовалась вот такая чаша. Окружающий район и сейчас остается вулканическим; многие горы поблизости, такие, как Меру и Килиманджаро, представляют собой потухшие вулканы с многочисленными побочными кратерами. Есть и действующий вулкан Олдоньо Ленгаи. Его коническая вершина вздымается над Рифт-Валли к северо-востоку от Нгоронгоро и

примерно раз в семь лет проявляет признаки жизни. Но если многие здешние вулканы были активными сравнительно недавно, то про Нгоронгоро этого никак не скажешь.

Во всяком случае за последние несколько тысяч лет тут не было никаких извержений. Крутые склоны поросли деревьями; родники постоянно обеспечивают животных чистой питьевой водой. Дно чаши трещиноватое, поэтому вода не застаивается. В Европе о Нгоронгоро впервые узнали лет сто назад, когда сюда пробрался один немецкий путешественник. На рубеже нашего столетия два других немца, братья, поселились здесь, привлеченные плодородной землей. На дне кратера километрах в двенадцати-тринадцати друг от друга они построили себе дома и начали выращивать обычные для здешних мест культуры. Конечно, дикие животные и обитавшие здесь мирные пастушеские племена им мешали, и братья одинаково бесцеремонно расправлялись и с теми и с другими. Но ведь так ведут себя все колонисты — свои интересы ставят превыше всего.

Братья Зидентопф вели борьбу с животными и с масаями, сражались с непокорной природой. Какой бы варварский характер ни носили их методы, наверное, им самим тоже приходилось не сладко, а когда началась первая Мировая война, они вынуждены были отступить.

Танганьика была оккупирована немцами, но на севере она граничила с Кенией. И хотя небольшие немецкие отряды всю войну сковывали крупные силы англичан и южноафриканцев, тем не менее обстановка была явно не подходящей для того, чтобы выращивать сизаль и пшеницу в кратере Нгоронгоро. Даже когда немцы по сути дела были разбиты, они два года отказывались сдаться, пока из Европы не пришла весть о капитуляции.

После заключения мира Танганьика перешла в руки англичан и появилась надежда, что удастся снова сделать кратер тем, чем он был прежде. Правда, одно время казалось, что из этого ничего не выйдет. Поскольку немцы заложили здесь фермы, нашлись сторонники того, чтобы английские фермеры продолжали это начинание, тем более что оба дома — один в Лераи, другой несколько севернее — были целы. Однако в ту пору не было недостатка в более удобных землях, лежащих ближе к городам и железным дорогам. Когда же появилась потребность осваивать новые районы, кратер Нгоронгоро уже считался заповедником. Официальных постановлений еще не существовало, но затем был принят закон, по которому кратер составил часть огромного национального парка площадью около двадцати тысяч квадратных километров, известного под названием Серенгети.

К сожалению, хотя край этот почти необитаем, масаи исстари пасли здесь свой скот. И так как интересы животных и людей не совпадают, район Нгоронгоро решили, затем выделить из национального парка в качестве резервата и установить для него особый режим. Так был образован резерват Нгоронгоро площадью 6200 квадратных километров, и масаев разрешили селиться и пасти скот на его территории. Этот шаг и связанные с ним последствия породили острейшие противоречия. Многие считают, что было неправильно, тем более в такое время, когда во всем мире сокращаются естественные угодья, выделять какую-то часть из национального парка. Другие говорят, что у масаев достаточно пастбищ — около 230 тысяч квадратных километров. А потому не следовало допускать, чтобы они подвергли угрозе одно из чудес света (каким несомненно является кратер). Пристрастие масаев к скоту настолько велико, что они держат гораздо большие стада, чем это необходимо, и стада эти безжалостно сводят травяной покров, но главная проблема заключена в том, что некоторые европейцы подвержены недугу, получившему название «масаит».

Здесь требуется объяснение, потому что масаит — причина многих серьезных мер, в том числе и решения выделить район кратера из национального парка Серенгети. Грубо говоря, европейцы, придя в Африку, встретили африканцев двух типов — угнетаемых и угнетателей,

покорившихся и воинствующих. Угнетаемые обычно (я хорошо знаю, что были исключения) поступались своими племенными обычаями и надевали шорты, рубахи и черные очки. Они шли на службу к белым захватчикам и оказывали им всяческие услуги. Но где-то бельмом на глазу у колонизаторов оставались еще и воинственные племена. Им было что терять, и они сопротивлялись. Они воплощали исконную Африку с ее неукротимым нравом, строгими обычаями и острой нелюбовью к переменам. Они причиняли немало хлопот властям, зато внушали уважение к себе. Они не поддавались преобразованию, а кто пробовал их изменить, изменялся сам.

Одной из таких групп были и остаются масаи. Кое-кто из них получил европейское образование, но большинство живут в плетеных хижинах, обмазанных навозом, и признают только свои законы. Мужчины не трудятся и к деньгам равнодушны. Их явно устраивают старые порядки, нового они не приемлют, разве что ветеринаров, спасающих их скот от ящура. Это неприятие масаями двадцатого века — причина расхождений среди тех, кто их знает. Одни его осуждают, считают чуть ли не противоестественным. Другие одобряют и видят в масаях заслуживающих восхищения, гордых и благородных людей. Эта группа часто выступает в защиту масаев, причем считает, что масаи вообще непогрешимы. Вот такой односторонний подход и называют масаитом.

Можно понять обе точки зрения. Жаль только, что вторую — сочувствие к масаям — подчас ошибочно толкуют как мечту о возврате к уходящему прошлому. Так рассуждают многие туристы. Им хочется, чтобы Африка оставалась огромным антропологическим музеем с прыгучими туземцами, посвятельными обрядами, племенными плясками и шалашами с орнаментом из черепов. Чтобы все оставалось по-старому, почти по-старому: прежний колорит, но без былых войн, прежний примитивизм, но без болезней. И когда они встречают масаев, им кажется, что они нашли искомое. Кстати, когда принимали решение оставить масаев в кратере Нгоронгоро, одним из аргументов было то, что они нравятся туристам. Чернокожие туземцы среди диких зверей... Старая Африка жива...

Логически рассуждая, прежде чем браться судить о проблемах кратера, полагается в нем побывать, а с другой стороны, тот, кто в нем побывал, сразу становится тенденциозным. Вы видите сказочный амфитеатр и множество диких животных. Вы видите также пасущийся масайский скот. Поневоле спросишь, насколько они совместимы, может ли сохраняться прежнее отношение между людьми и животными после того, как человек вдруг получил вакцину для своего скота, а для себя — антибиотики. К кому ни обратиться с этим вопросом, отвечающий непременно принадлежит к одному из двух лагерей. И вы тоже присоединяетесь к одному из них, хотя предпочли бы золотую середину. Вы будете считать, что либо кратерная область с ее редкой, сказочной фауной должна быть закрыта для всех глаз, либо насущные потребности местных жителей важнее таких сумасбродных идей. Вам хотелось бы компромиссного решения: чтобы живущие в этом районе масаи остались в нем, чтобы поголовье скота сохранялось на одном уровне, чтобы не изменялось нынешнее соотношение между людьми и фауной, однако вы сомневаетесь в долговечности такого компромисса. Требования человека растут. Масаи не всегда будут довольствоваться жилищами из прутьев и навоза. Но даже если бы они довольствовались ими, правительство в Дар-эс-Саламе с этим не смирится. Появятся школы, больницы, магазины, коммуникации, и в итоге очарование Нгоронгоро исчезает. Пока что положение можно считать сносным, хотя засуха 1961 года, когда сотни масаев из других, особенно пострадавших, районов пригнали в кратер свой истощенный, изголодавшийся скот, превратила его в своего рода пылевую чашу. Нгоронгоро выдержал это нашествие, но природа не может вечно противостоять всем ударам.

И мы с Дугласом с первой же минуты, когда увидели кратер и засыпали Джоун и Алена

вопросами о его будущем, вступили в ряды защитников Нгоронгоро. Может быть, это было вызвано тем, что человек невольно огорчается, когда что-то идет не так. Слишком часто человеческая рука действует с изысканностью дубинки, и сердце сжимается, когда смотришь на чашу Нгоронгоро и обитающих там пятнадцать тысяч крупных животных. Малейшее пренебрежение, один плохой год, немного политического давления — и этому чуду света может прийти конец. Сам кратер останется, но главным образом как напоминание о былом. Сейчас Нгоронгоро, так сказать, балансирует на краю бездны. В ближайшие годы решится, будет ли этот край сохранен для грядущих поколений или нет.

От Уилкиз-Пойнт путь идет сперва по гребню кратера.

Мы проследовали вдоль него и получили разрешение спуститься в чашу. Вниз пропускают только машины с ведущим передним мостом; крутые повороты на скалах убеждают вас в мудрости этого правила. Однажды с дороги сорвался трактор, и, хотя сам тракторист своевременно выскочил из кабины, все, что он потом нашел от трактора, поместилось бы на детской ладошке. Людям, — подверженным головокружению, эта дорога не подходит. Она и для грузовиков не очень-то хороша: местами кажется, что вы едете по ступенькам лестницы. Сходная дорога поднимается на скалу Гибралтар. Обе их можно назвать блистательными образчиками строительного искусства, и в обоих случаях новичок, добравшись до конца, облегченно вздыхает.

С двумя машинами, двумя прицепами и шаром мы кое-как спустились на дно чаши и доехали до площадки, которую облюбовали для лагеря. Зебры в последнюю секунду уступали нам дорогу; антилопы гну трусили рядом с машинами или останавливались и таращили на нас глаза. Мы попали в чарующий мир. Палатки разбили под распростертыми ветвями фигового дерева. За ужином при свете подвешенной на якоре лампы мы обсудили план полета над кратером. Надо выяснить, какие тут ветры, а также где обычно проходят животные и где они группируются сейчас. Но главное — как провезти водородные баллоны. Необходимо проверить все дороги.

Разговаривая, мы вполуха прислушивались к раскатистому львиному рыканию, ликующим воплям гиен и прочим звукам из окружавшего нас природного зоопарка. Вдруг в листве над нами раздался страшный треск. Помню, я весь сжался и даже мигнул, как будто меня ударили. Мне в жизни не приходилось слышать ничего подобного. Представьте себе, что кто-то разрывает книгу с листами из гофрированного железа. Очередь за очередью — один и тот же мучительный, душераздирающий звук. Данте оценил бы это невыразимое страдание. Окаменев от изумления, мы с Дугласом забыли про свои бисквиты с сыром и вопросительно уставились на Алена.

— Древесный даман^[7], — объяснил он. — Можно подумать...

Однако всякие попытки думать тотчас были сокрушены новой руладой, которую явно издала та же самая тварь. Предыдущее упражнение было голубиным воркованием рядом с этой фиоритурой. Я никогда не слышал, чтобы одновременно душили за горло десятерых боцманов, но теперь представляю себе, на что это может быть похоже. Мне непонятно, как несчастная гортань животного переносила пытку, однако это издевательство над голосовыми связками длилось не меньше минуты, прежде чем в мире наступила тишина, какой он еще никогда не ведал. Выдержав почтительную паузу (вдруг какой-нибудь клочок голосовой связки сохранил способность вибрировать?), с другого дерева на любовный призыв откликнулся другой, еще более неистовый даман.

Подобно звуку волынки крик дамана надо слушать на расстоянии, чтобы как следует оценить. И мы с изумлением слушали присоединяющиеся к перекличке новые и новые голоса. Время от времени наш даман отзывался, и голос его раза в четыре превосходил силой все

остальные. Если бы на столе стояли бокалы, я уверен, что к концу вечера от них остались бы одни осколки.

Не знаю, ради чего он так старался: то ли заявлял свое право на занятую территорию, то ли призывал подругу, но вести осмысленный разговор стало невозможно. Мы чувствовали себя, будто подрывники на каменоломне, когда шнуры подожжены и вот-вот должны последовать взрывы. Возможно, что крупные животные, если считать в децибелах, могут издавать более мощные звуки, но вряд ли кто-нибудь превзойдет способность древесного дамана тужиться, не щадя себя. Весь вечер я никак не мог привыкнуть к этим крикам. Последнее, что я помню, это как Дуглас, лежа под противомоскитным пологом, ответил веселым смехом на очередной приступ душевной тоски у приютившегося в листве над нами косматого кроликоподобного существа.

Лагерь под фиговым деревом

Я уже не спал, но и не проснулся как следует, когда услышал дробный стук. Смутные догадки сменялись в моем мозгу и отпадали одна за другой по мере того, как мысли становились все более связными. Наконец до меня дошло, что это стучат копыта. Очевидно, зебры, потому что гну никогда так не шумят. Они проходили мимо большими гуртами, и земля дрожала от их топота. Я лежал и слушал, не торопился вставать, чтобы не спугнуть их. Упоительный звук... Вероятно, что-нибудь в этом роде испытывали, просыпаясь, участники военных экспедиций прошлого, когда эскадрон за эскадронам выстраивался в боевой порядок и выходил на позицию. Зебры вели себя очень дисциплинированно, лишь иногда издавая резкие звуки, напоминающие лай собак. И, не смолкая, стучали копыта. Рождался новый день в кратере Нгоронгоро.

Откинув полог палатки, я увидел, что день начинается не ахти как над землей повис густой туман. Я оделся и вышел, чтобы осмотреться. Несколько коренастых, толстозадых зебр, стоявших метрах в пятнадцати от палатки, метнулись прочь, и стук их копыт слился с топотом идущих мимо лагеря многочисленных стад. То шагом, то галопом, они появлялись из пелены тумана с одной стороны и уходили в мягкое белое сияние с другой. Не меньше тысячи зебр проделало этот маневр, прежде чем наша площадка очистилась.

И в дальнейшем мимо лагеря каждое утро скакала полосатая кавалькада, потому что мы и зебры пили из одного ручья. Зебры пьют не меньше раза в день, иногда два, и они привыкли именно к этому источнику. Каждое утро мы слышали их бодрый топот. У зебр трудно различить самцов и самок, потому что внешние признаки скрыты. Вообще-то самцы покоренастее и покрепче на вид, но не так уж явно. Тем не менее глаз со временем приобретает способность достаточно уверенно подмечать разницу. Ежедневно, бреясь или завтракая, мы видели этот парад и с каждым разом все более верно определяли возраст, пол и нрав. И не уставали восхищаться их красотой.

В первое же утро мы отправились на машине обследовать кратер. Сильные дожди залили его, как и весь край; нам надо было установить, есть ли пригодные для старта площадки и можно ли к ним пробраться с нашими баллонами. Поэтому мы покидали фиговое дерево и ехали туда, куда намеревались или могли проехать.

Как это все происходило, я расскажу позже, а теперь попытаюсь воздать должное самому кратеру. Я уже говорил, что дно его представляет собой частью лес, частью озеро, частью открытую равнину, частью болото. Со склонов внутрь постоянно стекают минимум две речушки, обычно больше. Они напоминают спицы в колесе, и их нужно форсировать. В период дождей все ручьи сходятся в центральном озере, глубина которого нигде не превышает полуметра. Склоны крутые, но с одной стороны за них еще цепляются деревья, и животные могут проникать в кратер и выбираться из него, однако редко пользуются этой возможностью.

Когда вы разъезжаете по дну кратера, ландшафты с типичной фауной сменяются у вас перед глазами гораздо чаще, чем в других местах Африки. Грандиозные масштабы — отличительная черта этого континента, но внутри Нгоронгоро господствуют другие соотношения. Только что вы, встречая слонов с белыми бивнями, наблюдая семьи бабуинов и высматривая леопардов, ехали через лес Лераи. Вдруг перед вами открылось озеро. И тысячи фламинго, медленно выступая угловатым шагом, дружно окунают головы в воду и фильтруют клювами ил.

А за озером, вокруг источника Гоитокиток, простирается непроходимое болото —

царство бегемотов. Веселое похрюкивание подтверждает, что бегемоты довольны трясинной, водой, камышом и илом, из которых состоит этот участок кратерного дна. Кромка болота с ее густой травой пришлась по вкусу носорогам. Эти воинственные тяжеловесы частенько нападают на машины, поэтому путешественники, завидев носорога, думают о том, куда бы поскорее отступить. Поднявшись из лужи, в которой он нежилась, носорог смотрит в упор на незваного гостя. Хвост торчит вверх, ноздри шевелятся, втягивая воздух, а в черепе копошится древняя примитивная мыслишка. Дуглас при встрече с таким носорогом очень удачно ее сформулировал: «Бить или не бить?..» Типичная психология юрского периода. Да, строго говоря, носорогу и не место в четвертичном периоде. Природа совсем обделила его смекалкой. Он настолько туп, что сплошь и рядом не покидает пересыхающий источник до тех пор, пока из-за недостатка воды вообще не теряет способность двигаться куда-либо. В наше время, когда человек все больше теснит животных, носорогу приходится худо. Это прежде всего относится к белому носорогу, но и черному все труднее бороться за существование. «Бить или не бить?» — этой не ахти какой глубокой формулой, собственно, и ограничивается весь его умственный потенциал.

В тот день, когда Дуглас так удачно скаламбурил, носорог решил вопрос положительно. Метрах в тридцати от нас он перешел на галоп, и мы лихорадочно заработали рычагом переключения передач. Просто поразительно, как такой тяжеловес может развивать столь высокую скорость — около 40 километров в час, но еще больше нас поразило звуковое сопровождение. Ноздри носорога уподобляются паровозной трубе, придавая его атаке особо устрашающий характер. И наверное, было бы довольно страшно испытать такой таран: ведь носорог весит больше машины (две тонны против полутора). Поэтому Ален позаботился о том, чтобы фыркающий зверь приблизился к нам не больше чем на три метра. Кончилось тем, что носорог, по-прежнему с задранной кверху хвостом, затрусил прочь довольный тем, что подтвердил свою склонность к примитивным выходкам.

При нас в кратере насчитывалось тридцать пять носорогов. Одни обитали в высокой траве у болота, другие большую часть времени проводили в степной части. Но главные обитатели степи — стадные животные. Преобладающим видом были галопирующие гну с обнимающей всю шею косматой гривой, серой спиной и хвостом, напоминающим хлопущую для мух. Дальше следовали зебры, которые ходили вперемешку с гну. Третье место занимали газели Томсона и Гранта. Первых больше, но сами они ростом поменьше и рога у них покороче, а не знающий покоя хвост расположен несколько выше по отношению к типичному для обоих видов броскому белому пятну сзади. Как и все четвероногие обитатели кратера, сколько бы глистов и клещей у них ни было внутри и снаружи, они всегда выглядели превосходно. Сложение — без изъянов, и блестящие черные копыта не ведали усталости. Малыши умели бегать с первого дня появления на свет, правда на свой лад. Вместо обычной рыси они отталкивались сразу всеми четырьмя ногами и скакали по кочкам, будто ожившие пружины.

Разумеется, в кратере не было никаких оград, хищники и их добыча вместе пребывали как бы на одной арене, но местонахождение львов часто можно было определить уже по тому, что этот участок казался каким-то пустым. Приглядишься и видишь лениво развалившегося светло-коричневого зверя, разморенного полуденным зноем. Назойливые автомашины совсем не привлекали внимания львов. Они все так же валялись, потягивались, со скучающим видом смотрели то в одну, то в другую сторону. Шкуры их были густо облеплены мухами, особенно вокруг кровоточащих ран, вероятно следов недавнего спаривания. Мухи улетали лишь тогда, когда их хлестала черная кисточка, венчающая львиный хвост, или вся желто-бурая туша перекатывалась на другой бок.

Странно сидеть без всякой защиты в машине с открытыми окнами в каких-нибудь трех-четырех метрах от такого могучего и свирепого хищника. Но львы относились к автомобилям с полным пренебрежением. А приоткройте дверцу и высуньте ногу — тотчас сработает адреналин^[8]. Львы заворчат, соберутся в комок — куда только лень девалась! Все станет на свои места, и закон «все против всех» немедленно вступит в силу. Один удар такой лапой означает для человека почти мгновенную смерть.

Когда разъезжаешь по дну кратера, гляди в оба, и будешь вознагражден. Вот гепард каким-то змеиным движением весь исчезает в траве, которая ему всего-то по плечо. Вот с дерева надменно смотрит леопард. Семья ушастых лис затеяла игру. Выследят на слух какое-нибудь насекомое и прыгают на него. Неверно думать, что представители животного царства сами, вырастая, усваивают predetermined им роль. Как правило, они проходят обучение. Лисята, например, явно не слышали насекомых, но они честно прислушивались и честно прыгали, хотя после прыжка чаще всего катились кубарем. Неподалеку проверяли свои возможности шакалята. Вдруг мамаша завывала. Малыши посмотрели на нее, потом, как могли, последовали ее примеру. Если бы вы слушали их отдельно, вам бы ни за что не удалось определить, что это за звуки, теперь же легко угадывалось трогательное подражание великолепному жуткому вою матери. Правда, голову шакалята закидывают назад совсем как большие, но после этого следовал всего-навсего какой-то капризный визг.

Весь день и почти всю ночь в кратере звучит птичье песнопение. Здесь и множество разных кукушек со своими вариациями на тему обычного «ку-ку». Здесь и щурки, жалобно призывающие кого-нибудь последовать за ними. Здесь и чибицы, которые с криками мечутся в воздухе, совсем как над полями Европы. То и дело раздается своеобразный квакающий клич африканской дрофы, похожий на пение птицы не больше, чем звук автомобильной сирены. Птицы непрерывно находятся в поле зрения. Вот аисты-разини, отыскивая лягушек, выступают среди высокой травы, а другие, поймав восходящий поток теплого воздуха, легко парят над водой. Вот венценосные журавли, марабу, важная птица-секретарь, утки, жаворонки, ткачики, удоны — все вперемешку. Горожанин невольно представляет себе животных примерно так же, как их видит сотрудник зоопарка: каждое животное в своей клетке, всякому виду свой загон. В кратере Нгоронгоро благодаря обилию воды и разнообразию экологической среды царит смешение, которое является важной отличительной чертой этого замечательного места.

Возвращаясь вечером в лагерь после того, как наши глаза поглотили столько незабываемых картин, мы больше, чем когда-либо, были исполнены решимости пролететь на шаре над этим несказанно прекрасным краем. Однако перед нами стояло немало препятствий. Для засушливого периода в кратере, по свидетельству Алена, было необычайно сыро, что ни дорога — глубокая колея. Обширные участки площадью в несколько квадратных километров покрывала вода почти по колено. Их мы форсировали чаще всего благополучно. В противном случае приходилось откапывать машины, подкладывая под них чурки и вбивать в землю металлический кол, за который крепился трос от лебедки, и, прежде чем кол успевал выскочить из земли, машина после одной-двух попыток выскакивала из лужи. Главное было не терять скорость и не попадать в колею.

Мы не встретили никого в тот день, но, когда вернулись в лагерь под фиговым деревом, к нам пришел один африканец, машина которого вместе с пассажирами прочно застряла в грязи. Он описал, где это произошло (километрах в пятнадцати от нашего лагеря), и, так как они уже проторчали там не меньше четырех часов, мы не спеша допили чай, прежде чем отправиться в путь. Со слов африканца мы узнали, что пассажиры американцы и что они были очень злы, когда послали его за помощью. Но застрять в грязи в Африке дело обычное;

глупо злиться на то, что ваш график поломался. И мы нахально решили подавить этих американцев, изобразив такую высокомерную самоуверенность. Ишь ведь что вздумали злиться в таком месте, как Нгоронгоро. А сами, небось, палец о палец не ударили (это мы сразу по их одежде увидим), предоставили водителю мучиться с машиной. Уж мы постараемся поставить их на место, будем работать, насвистывая, и в одну минуту вытащим машину.

Мы лихо развернулись и подъехали к пострадавшим спереди. Американцев было трое — злые, как черти, и совсем чистенькие; словом, такие, какими мы их себе представляли. И еще тут был водитель, с ног до головы облепленный грязью. Мы сказали: «Привет!» — и начали осуществлять свой план. Небрежно насвистывая, правда не очень-то в лад, мы ступили в воду и взялись за дело. Один намотал трос на лебедку, второй зацепил крюком бампер застрявшей машины, третий включил мотор. Все это делалось с самой наглой самоуверенностью. Но трудно все время насвистывать с независимым видом, и то один, то другой из нас прыскал. Так или иначе, не прошло и минуты, как мы их вытащили, после чего поехали следом на случай, если они снова завязнут. Что и произошло очень скоро. Бедняга водитель не мог совладать со своими нервами, и вот уже колеса его машины с воем зарываются в грязь все глубже и глубже.

— Не волнуйтесь, — сказали мы, снова прибегнув к свисту и независимому виду. — Мы вас живо вытащим.

И вытащили. И они тут же опять застряли. Когда они выбрались, солнце только что зашло, осталось совсем немного до ночи.

— Давайте мы поедem впереди, — предложили мы.

— Ну конечно, поезжайте, — отозвался один из американцев. — Мы еще три часа назад должны были быть в мотеле. Вы можете вывести нас на хорошую дорогу?

Такая покладистость заслуживала того, чтобы использовать ее на сто процентов. Проехав немного по хорошей дороге, мы нарочно свернули вправо, где была самая настоящая трясина. Американцы покорно последовали за нами. Немного погодя мы вернулись на дорогу, делая вид, что предпочли трясину какому-то гораздо более коварному препятствию.

— Вы знаете этот кратер как свои пять пальцев! — воскликнул кто-то из американцев.

— Да, тут есть заковыристые участки!

— В первый раз, конечно, трудно!

— Так ведь тут ничего сложного нет!

Мы постарались прокричать это одновременно, чтобы он ничего не разобрал, после чего опять покинули дорогу и взяли курс на озеро. Вторая машина пошла за нами и начала вспахивать воду, распугивая фламинго. Мы продолжали ехать так, пренебрегая сухопутьем, пока впереди не показалась главная дорога, пересекающая дно кратера. Ненужные крюки и объезды кончились.

— Дальше уже не застрянете. Да вы бы сперва заехали к нам в лагерь, выпили пивка.

— Нет, — ответил тот же голос. — Конечно, неплохо бы, но мы опаздываем почти на четыре часа. Лучше уж поедem.

Они поехали, и мы проводили взглядом красный огонек, который старался хоть немного наверстать график. Мы и потом не раз встречали туристов, озабоченных тем, как бы не нарушить расписание. Хорошо составлять графики, сидя в Гамбурге или Денвере, да только Африка к ним относится пренебрежительно. «Сегодня вторник, значит, мы в Вероне» — такой подход не годится, когда реки сносят мосты, дороги превращаются в реки и грязь исправно засасывает машины. В тот вечер нас чуточку мучила совесть, что мы так обошлись с этими американцами. Но уж очень хорошо мы себя чувствовали в Нгоронгоро, и нам казалось, что

другие, как бы ни ломался график, обязаны испытывать то же самое.

И во всяком случае мы не позволили легким угрызениям совести омрачить нам радость от такого замечательного дня. К тому же расписание нашего дамана ничто не могло поломать. С беспощадной точностью, словно зрелище людей, уписывающих галеты с сыром, было для него невыносимо, этот удивительный зверь принялся сотрясать своими неестественными криками окружающий мир. Самая подходящая концовка для превосходного дня! Ложась спать и вспоминая все, что я успел увидеть и услышать после того, как нас разбудили на рассвете зебры, я ощущал в душе огромную благодарность.

До конца недели мы смогли основательно изучить кратер и продумать предстоящий полет. При этом мы ни на минуту не забывали про наши водородные баллоны. Теоретически хорошо бы стартовать в нескольких километрах от кратера, с наветренной стороны, чтобы ветер пронес нас над внешним склоном, через гребень и вниз, потом над разнообразными ландшафтами кратерного дна, вверх над противоположным склоном, и опять через гребень и наконец доставил к какой-нибудь посадочной площадке с подветренной стороны кратера. Но на практике мы убедились, что нужно быть готовым к компромиссным вариантам. Во-первых, из-за необычно сырой погоды, во-вторых, потому, что Африка изобилует неприступными участками.

Мысль о полетах над непроезжими районами материка для осмотра болот, трясин и зарослей составляла неотъемлемую часть нашего плана. Надо было проверить, что может дать этот способ воздушной рекогносцировки. Например, стартовав из Маньяры, мы около 80 километров прошли над такими участками воды и суши в разных сочетаниях, которые уже несколько месяцев оставались неприступными для человека. Конечно, машин с двумя ведущими осями теперь предостаточно, и они помогли в короткий срок освоить новые области материка, но и они не всесильны. Там, где воды больше чем на полметра, им уже не пройти, и они не любят камни и чересчур крутые подъемы. Есть и другие сложные препятствия, и среди них одно из самых видных мест принадлежит почвам, известным под названием черной ваты. Они занимают обширные площади, и это же можно сказать об иле, который откладывается после наводнений. На вид он кажется плотным, однако не выдерживает нагрузки. Не говоря уже о всевозможных разновидностях болот и трясин, ловушки подстерегают вас и там, где высокая трава скрывает камни и бревна. Подобно коварным рифам в море они могут в два счета изуродовать машину.

Конечно, почти все такие участки можно одолеть пешком, но пешее хождение требует времени, к тому же оно порой сопряжено с опасностью. И даже если человек благополучно пересек лес или камыши, сумма сделанных им наблюдений может быть равна нулю. Очередная ветка, норовящая хлестнуть его по лицу, очередная кочка, через которую надо перешагнуть, вот все, что он будет видеть. И ни одного зверя не встретит. В таких местах преимущества вознесенного в небо наблюдательного пункта могут сыграть особенно важную роль.

Когда стоит хорошая погода, дорога по гребню кратера Нгоронгоро бывает проезжей на две трети своей длины. Часть дороги в любую погоду остается удовлетворительной. Речь идет об отрезке, идущем от Уилкиз-Пойнт (это где мы в первый раз увидели под собой кратер и не заметили животных), мимо развилки, откуда начинается спуск в чащу по скалам, мимо селения Нгоронгоро, мимо Кратер-Лодж (так называется мотель, состоящий из маленьких домиков, поставленных в отличном месте) до Винди-Гап. Дальше следует спуск метров на пятьсот-шестьсот к необозримым равнинам Серенгети. Остальная часть окружной дороги — от развилки у Уилкиз-Пойнт на север вдоль восточной кромки до маленького селения Наиноканока — куда менее надежна.

Мы исследовали этот периметр, насколько позволяли условия. Первые дни дул северо-восточный ветер, поэтому нас больше всего интересовал путь до Наиноканоки. Чем ближе к этому селению мы стартуем, тем продолжительнее будет наш полет над кратером. К сожалению, Наиноканока уже много месяцев была недоступна для легких машин, не говоря уже о тяжелых грузовиках, причем последняя побывавшая здесь машина оставила колею до

полуметра глубиной. Правда, самые скверные места можно было объехать лесом. Но километрах в тринадцати от Уилкиз-Пойнт дорогу залила заблудившаяся речушка. Она была не такой уж глубокой, однако нанесла слишком много грязи, чтобы мы ее могли форсировать, а объезда здесь не было очень уж круто. Как говорится, приехали...

Конечно, если очень захотеть, можно пробиться на лендровере или «джипси», но баллоны не провезти. Кстати, при зарядке в Найроби немного не дотянули до исходного давления, поэтому для полета над Нгоронгоро нам требовалось шестьдесят баллонов. Другими словами, два нагруженных доверху пятитонных грузовика. Если бы можно было сделать шестьдесят ездов на лендровере. Но почти трехметровые баллоны слишком далеко торчали бы сзади из кузова. А речушка, о которой я говорил, была непосильным препятствием для двух груженых пятитоннок. Спуститься с ними по скальной дороге вниз и пересечь кратер по дну мимо нашего лагеря этот вариант тоже был неосуществим. И наконец, негде было взять рабочих, чтобы перенести баллоны в устраивающую нас точку с наветренной стороны кратера: ведь на каждый баллон требовалось по пяти человек.

Словом, разведка нас огорчила, но мы во всяком случае выяснили, что осуществимо, а что из лондонских наметок придется похерить. Только два места годились для старта. Одно — площадка под названием Салех в шести с лишним километрах к северу от Уилкиз-Пойнт, около цифры «3», если представить себе кратер в виде циферблата, где «12» обозначает север. Другое — в трех километрах западнее Винди-Гап, возле условной цифры «9». В оба места можно было проехать по дороге. И оба вполне отвечали нашим требованиям. Может показаться странным, что для старта подобрали площадки, лежащие в диаметрально противоположных точках, но в это время года в кратере ветры дуют либо с запада, либо с востока, с небольшим сдвигом к северу. В день прибытия баллонов дул западный ветер. Поэтому грузовик вместе с нанятой на месте бригадой рабочих был направлен на площадку в районе Винди-Гап.

Во время предварительных рекогносцировок нас занимали не только вопросы аэронавтики. Мы продолжали съемки. У нас имелось около восемнадцати километров черно-белой шестнадцатимиллиметровой пленки, а кратер изобиловал фотогеничными объектами. Ален набил себе руку на таких съемках и достиг немалого совершенства. Вот один типичный для него прием: вы видите в кадре какое-то животное; вдруг камера самую малость сдвигается — перед вами животное уже совсем другого вида. Разнообразная фауна кратера, где перед носом у льва проносились ржанки, а семейство шакалов оказывалось в окружении антилоп гну, вполне позволяла делать такие трюки.

К тому же Ален был превосходным звукоподражателем. Если взвизгнуть, подражая детенышу носорога, можно приманить кого-нибудь из его родителей. Дергая губами и подозрительно глядя по сторонам, он (или она) осторожно направлялся к источнику звука. И тогда вы сможете, во-первых, с расстояния в несколько метров рассмотреть каждую складку на жесткой коже носорога, во-вторых, очутиться в такой позиции, что он уже никак не промахнется, если пойдет в атаку.

При мне Ален успешно применил свой талант звукоподражателя для съемки шакалов. Два храбрых шакаленка неподвижно сидели перед норой, озабоченно поглядывая на подъехавшую машину. Было очевидно, что любой незнакомый звук вроде жужжания камеры заставит их опрометью броситься в укрытие. Да и вообще снимать их в таких напряженных позах неинтересно. Ален посмотрел вокруг, обнаружил мамашу, прицелился в нее камерой и как-то по-особенному пискнул. Она встала и затрусила к норе. Одновременно застрекотала камера. Возле норы, где путь к отступлению был обеспечен, мамаша остановилась, и ее тревога прошла. Глядя на мать, осмелели и детеныши, бросились к ней, затеяли возню, кусали

ее за уши и тузили друг друга, не обращая никакого внимания на камеру, которая не преминула запечатлеть эту сцену.

Такие эпизоды — и многие другие — операторы называют лирикой. Однако, снимая животных, мы сплошь и рядом сталкивались с эпизодами совсем другого рода, еще не получившими обобщающего названия. Если две зебры трутся мордами или любовно щиплют друг друга за холку, камера работает на всю катушку, запечатлевая звериные нежности. Но если одна из зебр вздумает мочиться, или испражняться, или — еще того хуже — взобраться на другую, оператор с воплем отчаяния прекращает съемку. Сам он отнюдь не против всех этих естественных отправлений, однако их не принято включать в фильмы, рассчитанные на массового зрителя. Положение в общем-то довольно нелепое.

Поэтому однажды вечером после ужина мы разработали проект кинокомпании с более реалистическим уклоном и решили назвать ее либо «Мутьфильм», либо «Гиена двадцатого века». В середине вступительного кадра вместо хорошо известного зрителям рыкающего льва у нас будет гиена, которая, усмехаясь, грызет чью-то кость. Под стать этой новой идее и в противовес давно всем осточертевшему сентиментальному вздору наш ведущий — желательно с американским акцентом — будет комментировать совсем иначе, чем это было принято до сих пор.

«Итак, перед вами Гарри Гиена. Бедняжка, он явно проголодался. Ему бы сейчас подзакусить, подкрепиться чем-нибудь. Стойте, что это заметили его хитрые черные глазки, почему из пасти слюна веревкой? Ах, вот в чем дело: он смотрит, как рождается детеныш гну, его любимое блюдо. Ну вот, потопал, спешит, как бы не упустить лакомый кусочек. Бедняга, совсем запыхался. Успеет — или этот подлый убежит от него? Успеет?.. Успел! Ух ты, как щелкнули его челюсти! Посмотрите снова на нашего Гарри, какой он счастливый. Хруп, крак, треск — как он управляет с этими сладкими косточками! Ну вот, набил свой животик, теперь мы можем и проститься с нашим Гарри».

Я выбрал эту тему потому, что мы как раз в тот день сняли такой сюжет. В заповедниках (и это вполне естественно), когда хищник добывает себе корм, не разрешается ему мешать. Так вышло, что мы снимали рождение гну, и этим же процессом заинтересовались гиены. На первых порах, когда ножки теленка торчали сперва на несколько сантиметров, потом на несколько дециметров по обе стороны хвоста мамы, которая продолжала идти своим путем, гиены следили за происходящим с почтительного расстояния. Несколько шакалов подошли поближе, но в этом не было ничего опасного, их занимал только послед. Когда новорожденный упал на землю и мать повернулась, чтобы осмотреть его, гиены встали. Примерно через минуту теленок сделал первую попытку подняться на ноги. На исходе второй минуты ему это удалось. На третьей минуте он начал помаленьку прыгать. На четвертой обошел вокруг матери. А на пятой гиены пошли в атаку. Антилопа и теленок побежали, но гиен было четыре против единственной защитницы малыша. Стадо паслось в отдалении, ничего не предпринимая. Мать могла положиться только на себя.

Трижды сбитый с ног, теленок все еще продолжал бежать, но тут его подсекли сразу две гиены, и тонкие ножки судорожно задергались в воздухе. Тогда Ален, ухитрившийся заснять весь этот жуткий эпизод, взял дубинку и пошел добывать жертву. Гиены потащили было добычу прочь, но бросили ее в луже. Ален извлек теленка из воды и двумя ударами милосердно подвел итог жизни, которая продлилась всего около семи минут. Как только он удалился, снова появились гиены. Визжа и ворча, они затеяли драку над маленьким телом, потом разбежались в стороны каждая со своей долей в зубах. Через десять минут после родов от новорожденного ничего не осталось. Мамаша незаметно вернулась к стаду, словно теленка никогда и не было. Что до четверки гиен, то они, очевидно, вернулись, сытые и

довольные, в свои норы, чтобы там спокойно переварить нежное мясо.

Этот эпизод нельзя назвать непременно для «Мутьфильма» — просто так уж получилось, что природа повернулась к нам излишне натуралистичной стороной. Забегая вперед, скажу, что по возвращении в Англию я встретился с представителями кинопроката. Англичане заявили, что сцена смерти будет слишком тяжелой для многих зрителей. Американцы ничего не имели против смерти, но о показе родов на их экранах не могло быть и речи. По-моему, беда в том, что кино привыкло щедро лакировать природу.

На следующий день мы опять поднялись вместе на гребень кратера и доехали до Винди-Гап. Шестьдесят баллонов ждали нас, сложенные в штабели. Шестьдесят колпаков были сняты и лежали на земле перед ними. Площадка для наполнения оболочки расчищена. И лишь одна заковыка, в чем мы убедились, запустив шар-пилот. Ветер не тот. Он дул не от площадки через кратер, а почти точно на юг. Аэронавт мог рассчитывать только на то, чтобы обозреть круговую панораму и издали полюбоваться животными Нгоронгоро.

Печальное открытие. Мы потолковали и решили отвезти баллоны на противоположную сторону, к Салеху. Можно было дожидаться, когда ветер позволит стартовать у Винди-Гап, но ожидание могло затянуться. Во всяком случае ветер вернулся на обычный для этого времени года румб, и было похоже, что он останется устойчивым. Отсюда наше решение перебазироваться, и оно далось нам отнюдь не легко: ведь с теми машинами, которыми мы располагали, предстояло сделать четыре рейса. А так как окружность есть окружность, обогнуть половину кратера по гребню означало покрыть около шестидесяти пяти километров. Четыре раза туда и обратно — итого примерно пятьсот двадцать километров местами по очень скверной дороге. Словом, переезд сулил еще два дня работы для всех, включая нанятых рабочих.

Благодаря одному носорогу рейсы оказались не слишком однообразными, если это слово вообще уместно в таком крае. Носорог этот облюбовал грязную лужу на нашем пути, в двух-трех километрах севернее Уилкиз-Пойнт и примерно на таком же расстоянии к югу от Салеха. Когда мы неожиданно встретились с ним во время первого рейса, обе стороны были одинаково поражены, и носорог решил, что надо «бить». Он пошел в атаку, грузовик остановился, и водитель нажал сирену. В последнюю минуту носорог отказался от поединка и свернул в высокую траву. Но грузовику надо было проехать здесь еще семь раз, да и наш «джипси» то и дело выезжал с различными поручениями. Снова и снова носорог рвался в бой, снова и снова в последнюю минуту передумывал, и все-таки однажды состоялось столкновение с «джипси». Передний рог зацепился за бампер, и, стараясь вырваться из страстных объятий, зверь основательно помял нам крыло. Правда после этого носорог наблюдал за транспортом издалека. Атака совершена. Разрушения причинены. Он постоял за честь плиоценовой эры.

Наземная команда очистила новую стартовую площадку от кустов и с упоением расправилась с крапивой. Здесь росли два особенно зловредных вида крапивы. Один, высотой около тридцати сантиметров, был буквально пропитан ядом. Второй, с листьями величиной в тарелку и стеблями длиной около двух с половиной метров, тоже здорово жалил, так что жжение чувствовалось двое суток. Мы их обнаружили, когда разведывали площадку; после перелета нам предстояло познакомиться с ними поближе.

Снова расстилаем оболочку, любуясь замечательным видом. На дне кратерной чаши бродили пятнадцать тысяч животных. В лесах на склоне под нами водились слоны и буйволы. Откос за нашей спиной, спадающий к равнине Карату, откуда дул ветер, был далеко не так крут, зато мог похвастаться пышной тропической растительностью, какую ожидаешь увидеть в жаркой стране на высоте двух-двух с половиной тысяч метров. Мы задумали, так

сказать, оттолкнуться от гребня и, почти не набирая высоты, быстро идти вниз.

— Это похоже скорее на катание на санках, чем на воздухоплавание, сказал Дуглас, глядя на дно чаши в шестистах метрах под нами.

Возможно, он был прав, если не считать, что нашим «саням» предстояло после спуска пройти 20 километров, подняться вдоль противоположного склона и удалиться в сторону Серенгети. Мы тщательно подготовили оболочку, закрепили внутри веревки, поставили на место клапан, накрыли все сетью и на всякий случай скатали — вдруг шакалам вздумается пожевать ночью наш шар. Баллоны подключили, чтобы утром осталось только открыть вентиль. Почти все рабочие вернулись в свое селение, причем мы им строго наказали, чтобы они завтра привели с собой еще людей для наземных операций. В эти дни неперменным членом экспедиции стал исследователь пастбищ Нгоронгоро Джон Ньюбоулд. Он еще раньше исполнял здесь роль «нашего человека». Мы предложили ему занять в гондоле место Алена Рута, на время уехавшего в Найроби. Большую помощь оказал нам также местный инспектор по охране животных Билл Мур-Гильберт, неожиданно ставший энтузиастом воздухоплавания. Всего на старте мы могли рассчитывать на двадцать пять помощников. И я вовсе не считал, что это слишком много.

Предстартовую ночь мы с Дугласом провели на площадке вместе с шестью африканцами, которые должны были помогать нам в самых первых операциях. Мы поставили две палатки, потом сели вокруг костра и поели непрожаренного мяса антилопы. (Не помню уж, кто и почему подстрелил эту гну.) Высоко в небе сверкал Южный Крест. Две крайние звезды Большой Медведицы указывали на некую точку за горизонтом. Ветер — и там, где мы сидели, и выше, где плыли в небе косматые тучки, — дул куда надо — в сторону кратера. Все сулило удачный полет.

Перелет из Маньяры не помог мне спокойнее относиться к воздухоплаванию, скорее наоборот. Завтра мы опять будем во власти воздушной стихии. Было страшно увлекательно представлять себе, как мы стартуем с гребня и пойдем над самым баснословным ландшафтом в мире, но к этим мыслям примешивались другие, не столь радужные. Как мы ухитрились спастись от грозовой тучи? И чего можно ждать от туч, которые каждый день нависают над гребнем? Посадка требует не только сноровки, но и удачи. Но можно ли всегда рассчитывать на удачу?

Здесь, наверху, было довольно холодно, и Дуглас, кутаясь в армейские одеяла, жался к костру. То и дело он брал горящий сучок, чтобы прикурить очередную сигарету, однако вслух о своих тревогах не говорил. Мне припомнилась наша великолепная самоуверенность, когда мы сидели в исхлестанном ливнями шотландском коттедже, глотая устриц и составляя планы с веселой беспечностью людей, которые не способны думать о трудностях. И вот мы в Африке, на сыром пятачке высокой горы, и шар лежит наготове, и в животе не устрицы, а мясо антилопы, — но почему-то по мере того, как ночь становится все холоднее, наша уверенность тает.

Посадка в лесу

Ночь выдалась не из приятных, — уж очень было холодно. И ветер сильный. Он, правда, дул куда надо, но тепла не прибавлял. Зато трепал полотнища палатки. Дуглас спал тихо, обмотав уши шарфом. Где-то в ночи завывала гиена, я прислушался. Месяца два назад такая вот дрянь искалечила ногу одному путешественнику. Вспомнив эту историю, я поджал ноги. Он был сам виноват: устроился на ночлег без палатки и противомоскитной сетки, да к тому же в его спальном мешке зияла большая дыра. Трусившая мимо гиена увидела белеющий кусок плоти, схватила его и побежала прочь. Но кусок, естественно, оказался великоват, и гиене пришлось бросить добычу, однако она успела основательно пожевать ногу. За последнее время я слышал еще об одном (только одном) похожем случае. Произошел он в Серенгети. Там тоже путники пренебрегли противомоскитной сеткой. Странно, как отпугивают эти сетки не только писклявых анофелес, на которых они прежде всего рассчитаны, но даже и крупных хищников. Трое мужчин спали в палатке валетом, причем средний лежал головой к выходу, и полог не был застегнут. Подошел лев, схватил торчащую наружу голову и побежал. Товарищи жертвы проснулись и бросились вдогонку. Лев выпустил добычу, но одно дело, когда человека схватит за ногу гиена, и совсем другое, когда его цапнет за голову лев. Во втором случае жертве конец.

Один из инспекторов национального парка потом выследил этого льва. Оказалось, что охотник за головами — молодой самец, ему надо было прокормить своего товарища, больного калеку, который всецело от него зависел. Инспектор застрелил обоих, потому что нельзя поощрять людоедов, как нельзя поощрять и людей, склонных считать, что все львы таковы. И хотя за много десятилетий это был первый случай в Серенгети, он все-таки произошел.

Когда вы зябнете, нервничаете и не можете уснуть, несмотря на поздний час, это влечет за собой еще одно неудобство: то и дело напоминает о себе мочевого пузырь. С великой неохотой я поднимался, открывал вход и выходил из палатки на лунный свет. Отойдя на приличное расстояние, останавливался и стоял в чем мать родила, чувствуя себя белым и ничтожным, словно какой-нибудь червь, впервые увидевший свет божий. Когда человек важно вышагивает днем по городу, он, возможно, выглядит весьма внушительно, но разденьте его и выставьте ночью на полянке в тропическом лесу — сразу представитель двадцатого века покажется вам несколько жалковатым. Крапива его жжет. Камни заставляют морщиться. От холодного ветра самые белые части его тела покрываются гусиной кожей. Неожиданно выросший впереди колючий куст оказывается неодолимым препятствием. Взгляните на это потешное дрожащее создание — разве оно способно почуять опасность, не говоря уже о том, чтобы сквозь шум ветра уловить подкрадывающиеся шаги или разглядеть что-либо в тени под деревьями? Если говорить об осязании, он чувствует, как правая ступня опирается на узловатый сучок, а левая щиколотка горит от очередной встречи с крапивой. А теперь осторожно бредет обратно в палатку и будет долго разбираться в своих локтях и коленках, чтобы улечься как следует в спальном мешке, в этом коконе, в котором он чувствует себя в безопасности.

Дуглас проснулся, уставился на меня, наконец заговорил.

— Я тебя за льва принял, — сказал он и тут же опять уснул.

Вскоре я последовал его примеру.

А через несколько минут (во всяком случае так мне показалось) начали прибывать наши помощники — Билл Мур-Гильберт и все остальные. Приехал на лендровере Джон Ньюбоулд,

у которого по пути произошло легкое столкновение с носорогом, и тоже привез полную машину людей. Без дальнейших проволочек и без завтрака (нам почему-то больше не хотелось антилопьего мяса) Дуглас пустил водород. Остальные помогали мне с оболочкой. Ветер был слабый, невозможно понять, что у него на уме. Кратер заполнила густая мгла, делая его похожим на громадную миску с молочной овсянкой, но все меня заверили, что так часто бывает на рассвете, солнце быстро развеет эту иллюзию.

Оранжевая громадина шара неуклонно росла, становясь все более заметной среди зелени на гребне. Все шло хорошо, если не считать, что, когда оболочка была заполнена наполовину, Дуглас успел уже опорожнить большую часть баллонов. Кто-то ошибся, определяя давление или объем, которому оно отвечало. Так или иначе, работа продолжалась, Дуглас выжимал из каждого баллона все до последней капли. И вот наши ресурсы исчерпаны, шар плавно качается над сдерживающими его мешками с песком, наполненный примерно на девяносто пять процентов. Ладно, как-нибудь обойдемся.

За три часа, пока мы наполняли шар, ветер еще не решил окончательно, как ему быть. Израсходовав шесть сотых кубометра драгоценного газа, мы запустили с минутным промежутком два шара-пилота. Один полетел на восток, другой отклонился к западу. Что-то ветер уж очень переменный. Все равно, куда бы он ни дул, я хотел поскорее вылететь, чтобы предельно использовать тихое утро и управиться до второй половины дня, когда всерьез начнется турбулентность. Поэтому мы — Дуглас, Джон Ньюбоулд и я — влезли в гондолу и принялись налаживать равновесие. На высоте двух с половиной тысяч метров подъемная сила аэростата примерно на четверть меньше нормальной, исчисляемой на уровне моря. Кроме того, шар, наполненный только на девяносто пять процентов, тянет хуже. Надо было свести до минимума наше снаряжение и припасы. И когда шар наконец решился порвать с землей, в гондоле оставалось всего пять мешков балласта.

— Взялись за гондолу! — скомандовал я, и Билл перевел мои слова на суахили.

Поскольку мне хотелось идти самое большее метрах в тридцати над деревьями, а не взмывать, как это у нас повелось, на высоту триста-четыре метра, мы привязали гайдроп к кольцу и растянули его на земле. Поблизости не было ничего, что он мог бы повредить, а я рассчитывал, что после набора нужной нам высоты дальнейший подъем будет тормозиться растущим весом гайдропа. Даст бог, эти 20 килограммов пресекут склонность «Джамбо» уподобляться ракете.

— Отпустили опять. Ветер понес нас, но параллельно земле.

— Взялись!

Тридцать рук заставили гондолу остановиться, но пятнадцать ртов продолжали тараторить. Взлетит, не взлетит, что, да как, да почему — все эти вопросы были предметом горячего обсуждения с той самой минуты, как Дуглас пустил водород, и теперь дискуссия достигла высшего напряжения. Один из наших помощников замолк на секунду-другую, пока я высыпал ему на ноги два килограмма песка. Наконец Вилл снова крикнул:

— Тоа мконо! Отпускай!

Последние два килограмма сделали свое дело. Мы пошли вверх почти отвесно, разматывая гайдроп. На моих глазах сынишка Билла взялся за лежавший на земле конец каната. Я что-то крикнул, потом с облегчением увидел, что гайдроп сам выскользнул из рук малыша. А теперь уже вообще кричи не кричи — не услышат: полет начался. Наступила минута, когда Дуглас обычно сдвигал на затылок свой головной убор и изрекал что-нибудь вроде:

— Так, взлетели.

Что верно, то верно — мы взлетели, только несло нас прочь от кратера. Через десять минут мы остановились примерно в полутора километрах от гребня, метрах в ста двадцати

выше его уровня. Небольшого подъема было довольно, чтобы оболочка перестала обмякать внизу. Газ расширился, и «Джамбо» обрел надлежащую идеальную форму. А вот полет пока складывался вовсе не идеально. Странно: в небе над нами плывут маленькие кучевые облака, внизу шуршит от ветра листва, а мы висим неподвижно между небом и землей. Дуглас снимал панорамой необозримые просторы, Джон изучал растительность. Ему нравилось наблюдать, как четко одна экологическая зона отделяется от другой. Будто длинные гладкие полосы, которые расписывают поверхность моря. Сходную картину образовали лес и прогалины внизу. Участки короткой травы упорно сохраняли своеобразие, хотя кругом была пышная, высокая растительность. Крапива тоже составляла компактные зоны: или стоит стеной, или ее вовсе нет. *Asacia lahai*, едва ли не самая нарядная среди древовидных акаций, казалась посаженной людьми — такими аккуратными рошицами она стояла.

Несмотря на уловку с гайдропом и задержку на сто двадцатом метре, мы вскоре начали довольно быстро набирать высоту, правда оставаясь при этом над одним и тем же высоченным деревом. Дуглас с досадой смотрел, как удаляется земля, и ставил один объектив длиннее другого. А больше мы ничего не могли поделать. Впрочем, облака шли в нужном нам направлении через кратер. Стоит шару сравняться с ними, и мы, несомненно, тоже пойдем туда. Забираться слишком высоко не было смысла, достаточно попасть в нижнюю часть воздушного течения, поэтому я не сбрасывал балласта — и без того рано или поздно достигнем нужной высоты. Иначе просто быть не могло: ведь по мере подъема солнце все сильнее нагревало шар. Очевидно, над деревьями с утра лежал туман или во всяком случае пелена влажного воздуха, потому что, чем выше мы поднимались, тем прозрачнее становилась атмосфера и жарче солнечные лучи. Водород отзывался на усиленный нагрев и расширялся. Стартовую площадку еще было видно, но она тонула во мгле, а мы легко возносились в голубое поднебесье над изумительным ландшафтом.

С одной стороны лежал кратер. Он впервые показался нам маленьким. К северу от него — крутые гряды Кратерного Плато с торчащими над ним вулканами вроде Эмбагаи высотой до трех и более тысяч метров. Действующий вулкан Ленгаи вздымался выше нас. Он не курился, и вершина была расцвечена белыми пятнами — этаким конический насест для некоей чудовищной разновидности птиц. Километрах в шестидесяти пяти к востоку от нас просматривался могучий скальный уступ, спадающий в сторону Рифт-Валли, Маньяры и трассы нашего предыдущего полета. На юге виднелись холмы, озеро и опять холмы, за которыми можно было угадать могучий континент, протянувшийся почти на пять тысяч километров до мыса Доброй Надежды. Я не берусь точно определить, что влечет и побуждает человека подняться над земной поверхностью, но, стоя в гондоле на высоте трех тысяч метров над уровнем моря, я испытывал чудесную умиротворенность. Я переступил с ноги на ногу, полюбовался Лулмаласином и Олдеани, потом перевел взгляд на своих товарищей.

— Хороший вид, — сказал Дуглас.

В эту минуту наша крохотная тень далеко внизу двинулась в сторону кратера. Она перескакивала через лесных великанов, плавно скользила по степным участкам. Вот пересекла разбитую дорогу под гребнем, живо одолела последний подъем и достигла внутреннего склона. И побежала вниз по деревьям, по башенкам скал, по отвесным кручам. Дальше пошли более отлогие склоны, и тень уже медленнее поплыла по дну кратера. Не ощутив ни малейшего дыхания ветра, мы в десять минут совершили по воздуху путь, на который пешеход потратил бы много часов, И вот мы над Нгоронгоро.

Если наша тень скатилась вниз, как на салазках, о нас самих этого никак нельзя было сказать. Тень достигла дна кратера и совсем уподобилась булавочной головке, а мы

продолжали идти на той высоте, на которой встретили воздушное течение с востока. Аэростат по-прежнему находился примерно в трех тысячах метров над уровнем моря, тень же скользила по земле в полутора километрах под нами.

Нет, не о таком наблюдении животных с воздуха мы мечтали... Это было примерно то же, что рассматривать прудовую воду без микроскопа. Расстояние слишком велико, его надо сократить. Выждав, пока аэростат не углубился километров на пять в воздушное пространство над чашей (я смотрел по тени), я потянул выпускной клапан и держал его открытым три секунды. Почти сразу в лицо нам подул ветерок. Мы спускались со скоростью полутора метра в минуту (примерно с такой скоростью снижается парашютист), однако вполне успевали следить, как меняется вид этого замечательного уголка природы. Земля, казавшаяся сверху гладкой, становилась все более пересеченной; вершины окружающих гор ныряли за гребень кратера, будто заходящие солнца. Минут через десять, когда до земли оставалось около трехсот метров, я сбросил две горсти песку, чтобы прекратить падение. Еще две горсти — и мы остановились на высоте примерно ста двадцати метров.

Некоторое время мы парили над заболоченной равниной вокруг источника Гоитокито и заметили бредущих через камыши бегемотов. Где-то к западу и к югу от нас находились большие стада животных, но нас не понесло ни в ту, ни в другую сторону. Повисев над камышами, мы почти тем же путем пошли обратно. Только высота была другой. И кратерная стена уже не представлялась нам маленькой складкой далеко внизу, теперь на нашем пути высилась могучая гора. Судя по всему, местность вокруг нас сильно нагрело солнцем, и вверх по склону стремились воздушные потоки. Очевидно, мы попали в такой поток, потому что шар пошел вверх, как вдоль подвесной дороги, хотя я не сбрасывал балласт. Высоченные мшистые стволы проплывали в пятнадцати метрах под нами и рядом с корзиной. Джон поспешно записывал названия самых крупных деревьев; Дуглас ловил в объектив вздыбившийся ландшафт. Управляемым наш полет никак нельзя было назвать. Несколько ошалело я смотрел, как уходит вниз под корзину шестисотметровая стена.

Со скоростью около 35 километров в час, едва не касаясь деревьев гайдропом, аэростат перевалил через гребень и окружную дорогу. После этого, сохраняя малую — не больше тридцати метров — высоту, мы пошли вниз над обращенным на восток пологим наружным склоном. Изучать ландшафт с такой высоты несподручно, и мы сосредоточили внимание на животных. Должно быть, мы одновременно заметили лежащих буйволов, ибо все трое в один голос воскликнули:

— Глядите!

Застрекотала камера. В следующую секунду буйволы вскочили на ноги и затрусили прочь, сокрушая кусты и иные препятствия на своем пути.

Под гору бежать легче; может быть, поэтому их курс совпал с нашим. Правильные колонны под нами напоминали курьерские поезда. Каждая колонна или, если хотите, каждый состав шел по своей колее, однако иногда они сталкивались. Происходило перестроение, и лавина катила дальше, сминая кусты.

— Следуй за ними, — сказал Дуглас. — Будут отличные кадры.

Каким-то чудом мы две полные минуты ухитрились следовать за буйволами. Затем они свернули в сторону, и снова кругом воцарилась тишина.

Мы думали, что пройдем как раз над лужей, у которой стояли три слона, но тут наш шар, все еще шедший на высоте тридцати метров, подхватил могучий восходящий поток. Гайдроп буквально рвануло вверх. Это было совсем не похоже на плавный подъем над Маньярой, сейчас мы куда более стремительно возносились в небо. Меньше чем за минуту поднялись на тысячу метров над кронами деревьев и уже невидимыми слонами. Выше нас нависла

подошва грозового облака. Знакомая картина, причем на этот раз не приходилось рассчитывать, что мы поболтаемся под облаком и уйдем. Если не принять решительных контрмер, мы неизбежно окажемся внутри него.

Пять секунд тяну выпускной клапан. Набор высоты продолжается. Тяну еще пять секунд. Послышался шелест выходящего газа. Оболочка внизу сморщилась, а мы все поднимаемся, приближаясь к отметке «три тысячи метров» над уровнем моря. Еще пять секунд выпускаю газ через клапан. Нижние секции оболочки совсем обмякли. Наконец альтиметр показал, что подъем прекратился. Однако восходящий ток продолжал нас обдувать. Помню, Джон сорвал с шоколадки «серебро» и отпустил — оно полетело вертикально вверх. Нас качало, будто шлюпку на мелкой волне, но высота стабилизировалась.

— А что будет, когда мы выйдем из этого воздушного течения? — с присущей ему обезоруживающей прямоотой спросил Джон.

— Мы быстро-быстро пойдем вниз, — ответил я.

— Очень быстро, — добавил я через несколько секунд, когда качка усилилась.

— Угу, — буркнул Дуглас.

Так и произошло — воздушный поток сместился, и мы камнем полетели вниз. Никогда в жизни я еще не снижался так стремительно. Смотреть на приборы было некогда. Да и не все ли равно, с какой скоростью мы падаем? Пятьсот или тысяча метров в минуту — в обоих случаях при ударе о землю нам конец. Мы с Джоном сбрасывали песок уже не горстями, а большими комьями. Потом стали высыпать по полмешка сразу. Падение несколько замедлилось. Но ведь нельзя выбрасывать за борт весь балласт. Излишнее расточительство с песком приведет к тому, что нас снова увлечет вверх к грозовой туче. И все начнется сначала, с той разницей, что, когда мы опять начнем падать, у нас скорее всего не хватит песка, чтобы затормозить падение. Но и чересчур скупиться на песок сейчас тоже явно не стоит.

— Кажется, будем садиться, — сказал я.

— Правильно, — отозвался Дуглас, продолжая снимать.

— Еще песка, Джон. Конечно, правильно. Давай еще, опоражнивай мешок. Теперь бери следующий. Обожди высыпать. Держи наготове. Так, давай половину! И остальное тоже. Да, будет посадка. Дуглас, приготовься.

Мы стремительно снижались, и выбор площадки от нас не зависел. Должно быть, гайдроп коснулся земли в тот же миг, когда гондола сравнялась с самыми высокими деревьями. До сих пор не понимаю, как мы их не задели. Корзина устремилась прямо на поваленный ствол. Вот он лежит под нами — длинный, с вывороченными корнями... Пора дергать веревку разрывного полотнища! Но я не успел этого сделать. Мы уже шлепнулись оземь и остановились.

Гондола не опрокинулась, мы стояли на ногах, окруженные густой растительностью. Я потянул разрывной строп, он подался — что-то уж очень легко. Сверху упал конец, оторванный от прорезиненной оболочки. Почему он оборвался?.. Так или иначе, над нами между ветвей качался шар, на три четверти наполненный газом.

— Джон, что это за дерево? Оно колючее?

— Это? Что ты! На нем ни одной колючки. Это *Cassipourea elliotii*. Оно совсем без шипов.

Колючее или нет, все равно соприкосновение с ним может кончиться плохо для оболочки. Поэтому я зачал гондолу, привязав веревку к поваленному дереву, потом осторожно вылез. Мои товарищи остались в гондоле, выполняя роль балласта, а я попытался разобраться в обстановке. Все-таки со стороны виднее, не то что в корзине, где, чтобы что-то увидеть, приходилось изгибать шею под прямым углом. Одной рукой я задел лист

величиной с тарелку, и тысячи растительных ампул исторгли свое содержимое в мою плоть. Мы приземлились в зарослях высоченной крапивы. К тому же заросли пересекала муравьиная тропа, и укусы этих насекомых производили еще более ощутимый эффект. Вот почему вместо человека, хладнокровно оценивающего сложную ситуацию, глазам Джона и Дугласа предстали судорожно дергающиеся в ядовитой зеленой пучине руки и ноги.

В итоге оставалось только тянуть веревку выпускного клапана. Иначе газ не выпустишь. Я-то рассчитывал, что можно будет сверху, со склона дотянуться до разрывного полотнища, но комбинация «муравьи плюс крапива» отбила у нас охоту сделать такую попытку. Поэтому мы взялись за строп выпускного клапана и долго его тянули. Наконец «Джамбо» стал ложиться на землю.

Освободившись от газа, оболочка простерлась на крутом косогоре; где-то внизу журчал незримый ручей. Мы срубили себе палки для борьбы с крапивой и кое-как свернули оболочку и сеть, причем нас нещадно колола и жалила окружающая флора. Ничего не скажешь — настоящий лес. Не видно ни одной звериной тропы, сюда даже буйволы не заходили. Не расчистив пути, шагу не шагнешь. На пропитанной водой почве откоса было трудно даже просто устоять. Словом, наши маневры в воздухе были ничто перед пируэтами, которые теперь пришлось совершать на земле. В конце концов удалось все уложить в гондолу, можно было начинать выбирать. Мы весьма смутно представляли себе, где находимся, знали только, что где-то наверху вдоль гребня проходит кольцевая дорога.

Зато мы, естественно, никак не могли знать, что происходило в это самое время в Карату. Один африканец, служащий финансового департамента, километров с двадцати видел, как мы снижались. Совершенно правильно он заключил, что у нас явно что-то не ладится. С его точки зрения, наша посадка больше смахивала на падение. Он поспешил в полицейский участок и рассказал там о виденном. Рассказал очень убедительно, однако излишне сгустил краски. Ладно, назвал нашу посадку падением, это еще куда ни шло, только специалист сумел бы провести грань между этими двумя понятиями, тем более что он стоял в двадцати с лишним километрах от нас. Но зачем же добавлять, что шар взорвался! Полиция мобилизовала все каналы связи и доложила в Арушу и в столицу: «Упал экспедиционный аэростат. При этом отмечен сильный грохот. По словам очевидца, шар взорвался. Судьба экипажа неизвестна».

Когда передавалось это сообщение, я только что оставил тщетные попытки дотянуться до клапана со склона, и муравьи, забравшиеся в мои штаны, беспокоили меня куда больше, чем интерпретация в прессе судьбы нашего экипажа. К тому времени, как мы свернули оболочку, к месту происшествия уже мчались три машины из полицейского управления. В Аруше приготовили в больнице палату на троих. Пилотам гражданской авиации было отдано распоряжение, пролетая над кратером, искать место крушения. Словом, сильно приукрашенная версия единственного очевидца была сообщена всем заинтересованным инстанциям. И многим другим. Что ни говори, «взрыв» — слово сильное.

Радиостанции помогли распространить новость, и она быстро стала всеобщим достоянием. Было, однако, три человека, которые об этом ничего не знали. Сражаясь с крапивой, колючками, лианами и кустами, они пробивались вверх по склону. Время от времени они останавливались, чтобы оценить обстановку, по-прежнему не подозревая, какая каша заварилась. Их мысли были всецело заняты совсем другим вопросом: куда же их все-таки занесло?

Опустошения, которые мы производили в растительном мире, срубая и растаптывая крапиву и прочую флору, не только позволяли нам продвигаться вперед — мы надеялись, что потом без труда отыщем шар. Метить наш путь зарубками на деревьях нет никакой надобности!.. Мы продолжали топтать и сечь крапиву, падали в нее, обжигались, кричали от боли и снова карабкались вверх. Со всех сторон нас стеной обступали заросли, только сзади тянулась извилистая дорожка.

Поднявшись, согласно альтиметру, метров на сто, мы встретили первые следы буйволов. Судя по их четкости и размерам, животные прошли совсем недавно, поэтому мы громко разговаривали и вообще старались побольше шуметь, чтобы исключить возможность встречи с ними. Местами тропы эти напоминали сумеречные туннели, и мы чувствовали себя, словно кроты в подземном ходе. Более открытые отрезки, расцвеченные солнечными бликами, смахивали на след землеройки на лугу. Иногда путь преграждало огромное дерево, и нам приходилось перешагивать через досковидные корни, которые подпирали ствол, будто контрфорсы. Наконец, одолев за три часа трехсотметровый подъем, мы неожиданно вышли на узкую кольцевую дорогу.

Естественно, кругом никого не было видно и не слышно ни звука. Наземную команду — два отряда африканцев, на этот раз без участия Джоун, — предупредили, что мы будем садиться на противоположной стороне кратера. Было условлено, что наш «джипси» и лендровер Джона поделят между собой зону намеченной посадки и будут искать каждый в своем районе. Наверное, они увидели с кратерной дороги, как нас вдруг понесло в обратную сторону. Но даже если наши помощники приметили, в каком месте мы коршуном упали на землю, вряд ли они полезут в заросли разыскивать нас. У них только один выход — опираясь на Уилкиз-Пойнт, ездить взад-вперед по кольцевой дороге и ответвлению, ведущему вниз, чтобы держать под надзором две стороны треугольника, в пределах которого мы сели. Таким образом, нас обнаружат, где бы мы ни вышли из леса.

Но когда они еще подоспеют — ведь расстояние изрядное. И так как наш временный лагерь у Салехской площадки сразу же был свернут, мы зашагали по дороге навстречу им, в сторону Уилкиз-Пойнт. По пути нам предстояло пройти мимо любимой лужи носорога. С великой осторожностью приближались мы к ней; ведь одно дело подвергнуться атаке, когда сидишь в машине и даже можно посмеяться, и совсем другое дело, когда шагаешь пешком, — тут уж не до смеха. Мы почувствовали себя несколько увереннее после того, как Джон увидел, что носорог стоит и фыркает чуть не в километре от дороги. Все обошлось благополучно. А за поворотом мы встретили лендровер, и начался столь типичный для Африки галдеж с веселой суматохой.

Смысл всего, что говорилось, можно выразить очень коротко: они никак не ожидали, что мы останемся живы. В ответ мы выразили свою признательность, что они, несмотря ни на что, продолжали патрулировать. Под несмолкающий гвалт, снова и снова описывая свое приключение, мы погрузились в лендровер и покатали разыскивать «джипси». С этой задачей управились быстро, но разговор так быстро не кончился, всем пассажирам одной машины не терпелось выложить свои новости второму отряду. Веселый гам поунялся лишь после того, как возле нас остановилась полицейская машина, следовавшая в Карату. В этой части света все машины — есть ли воздушный шары или нет — останавливаются при встрече, и трое полицейских слышали красочное описание событий дня. Они, естественно, не были информированы своим начальством относительно нас, да нам и не пришло в голову спросить

их об этом. В заключение Джон попросил их передать своему дежурному офицеру, что полет завершен и команда цела.

Знай мы что-нибудь про выдумку о взрыве, знай мы вообще что-нибудь сверх того, что выпало на нашу долю, полицейские увезли бы с собой другие наставления. А так, вернувшись в Карату и попав под град вопросов, они ничего не могли сказать про взрыв — ведь мы им ничего не говорили. Они знали только, что мы живы-здоровы. И полиция передала в дополнение к первому сообщению следующее: «Экипаж спасен наземной командой. Никто не пострадал». После люди не могли взять в толк, как это возможно: взорвалось 750 кубометров водорода, и никто в гондоле не пострадал, но второе известие как будто подтверждало первое. И множество газет поместило сообщение, что английский аэростат, совершавший полет над местами скоплений крупной дичи в Африке, взорвался и упал, однако команда спасена, все уцелели. Такую телеграмму распространило агентство Рейтер. И полетела она по свету, а мы трое пребывали в блаженном неведении. В Нгоронгоро нет телефонов, а единственная радиостанция в Аруше включается только два раза — рано утром и во второй половине дня.

Поздно вечером (в это время полицейские машины еще пробивались к кратеру, а клерк из Карату скорее всего уже мирно спал) Джон откупорил бутылку красного вина, и мы все трое чокнулись, подводя итог примечательному дню. Ноги горели от крапивы, но терпкое вино быстро притупило наши чувства. Нам почему-то все меньше хотелось совершать шестисотметровый спуск по кратерной дороге, подвергая себя смертельному риску на каждом метре. В итоге три тела остались лежать там, где свалились. Видно, так уж действует на людей воздухоплавание: они всю ночь и немалую часть следующего утра пролежали без движения.

Было уже одиннадцать часов, когда я подъехал к Кратер-Лодж, намереваясь передать еженедельную сводку в «Санди телеграф». Директор мотеля мистер Доддс сидел около приемника и ловил пробивающиеся сквозь писк и треск обрывки речи. Увидев меня, он уронил карандаш, схватился за голову и что-то крикнул. Но воздух в комнате — увы! — был до того насыщен радиозвуками, что я ничего не разобрал. А мистер Доддс на время словно потерял дар речи. Он явно не знал, с чего начать. В конце концов я все же услышал трагическую версию о нашем падении, после чего директор попросил меня лично переговорить с начальником Управления гражданской авиации, с телеграфным агентством в Аруше, с заводом «Ист-Африкен индастриз» (туда поступили запросы, почему взорвался поставленный ими газ), с Питером Шампни (его засыпали всевозможными запросами) и с арушской больницей, где все еще не знали точно, сколько же коек держать наготове.

Жарко мне было в тот день. Кому приходилось пользоваться радиоканалом, обслуживающим одновременно с полсотни абонентов, тот знает, как нелегко держать связь в такой обстановке. Некий инженер втолковывает что-то насчет сорванной резьбы бедняге, который в этом ровным счетом ничего не смыслит. Дождавшись, когда он закончит свое объяснение, вы спешите взять слово, но стоит вам на секунду запнуться, как уже кто-то другой принимается толковать что-то о вентиляторах, коленчатых валах и так далее, а какой-то тип записывает всю эту муть. Опять вы вклиниваетесь, но где-то в Конго кто-то почти на той же самой волне бубнит что-то по-французски под аккомпанемент атмосферных разрядов, и вы никак не можете понять Арушу, а Аруша не слышит вас. Каким-то образом мне удалось все-таки переговорить со всеми и передать полторы тысячи слов в газету. Наконец я вырвался из этого радиобедлама на волю, где стрекотали насекомые и щебетали птицы, и покинул Кратер-Лодж — надо было узнать, как идут дела у Джона и Дугласа.

Оказалось — никак. Они не смогли найти шар. Надо же было случиться такой нелепости:

ночью совсем некстати в том месте через лес прошло несколько сот буйволов. И ведь с Джоном кроме обычного отряда помощников ходил проводник из масаев, да разве отыщешь следы человека там, где землю истоптало многочисленное стадо. Целый день поисков ничего не дал.

В этот раз мы с Дугласом вернулись в наш лагерь под фиговым деревом в кратере. Киари встретил нас, шумно выражая свою радость. Мы две ночи одну перед полетом, вторую после — провели на гребне кратера, так что он почти трое суток оставался один. А так как он родился и вырос в Найроби, ему было несколько не по себе в окружении всего этого зверья. И Киари непрерывно жег большой костер, а на ночь закупиривался в палатке.

Забегая вперед, скажу, что однажды утром, открыв палатку (и как только он определял, что наступило утро?), Киари увидел льва, который смотрел на него в упор; их разделяло меньше метра. Лев зарычал, тут же звякнула «молния», которую дернул Киари. Разбуженные шумом, мы увидели льва, медленно прогуливающегося вокруг палатки Киари. Через минуту лев побрел прочь. Через полчаса мы уговорили Киари выйти. За эти тридцать минут он заметно состарился, однако не поумнел: ему прочно втемяшилось в голову, что львы специально охотятся за ним.

За три дня, пока мы отсутствовали, на Киари никто не покушался, тем не менее он нам страшно обрадовался и приготовил такой обед, какого мы не ели ни до ни после. Несколько погодя нас оглушил приветственным криком даман. Мы обещали больше не оставлять их одних так долго.

С утра пораньше мы с Дугласом выехали из лагеря, спеша выбраться на кольцо, прежде чем кто-нибудь надумает ехать вниз. Дорога узкая, поэтому составлено расписание для проезда вниз и вверх. До одиннадцати часов дня путь открыт лишь для тех, кто спускается в кратер. Поэтому мы с Дугласом тронулись чуть свет. Мы уже освоились с обстановкой и не лезли в бутылку, когда приходилось задним ходом пятиться по какому-нибудь паршивому участку до места, где можно было разъехаться со встречной машиной. Но те, кто, соблюдая правила, ехал в установленное время в разрешенном направлении, непременно тыкали нам в нос, что мы нарушаем порядок. Напорешься на машину с немцами прямо из Франкфурта:

— Что с вам такой? В это время люди едет вниз, а не наверх.

Во избежание этого лучше всего было жать на все педали, время от времени останавливаясь и выключая мотор, чтобы послушать, не идет ли встречная. Тогда можно заблаговременно свернуть в сторону и пропустить тех, на чьей стороне закон.

— Доброе утро, — небрежно приветствовали мы.

— Топрый утор, — доносилось в ответ.

Нов этот день мы с Дугласом спозаранок выехали искать шар, и нам удалось достичь верхней дороги прежде, чем кто-либо раскачался спуститься. По кольцевой мы доехали до Уилкиз-Пойнт, потом туда, где после посадки вышли на дорогу. Немного погодя явился Джон во главе отряда, который представлял собой довольно пестрый сброд. Его сопровождал огромный черный пес, относившийся с великим отвращением к крапиве, а на плече у Джона висело ружье. Два опытных следопыта, выделенных нам в помощь полицией, пошли вперед; мы шагали за ними вместе с собакой, хромавшей на все четыре лапы. Задача оказалась не простой. Изучая примятую траву, отпечатки на земле и прочие знаки, следопыты медленно продвигались вперед. То и дело путь пересекал поперечный след, и надо было исследовать все четыре тропы, чтобы отдать предпочтение одной из них. Отряд тем временем сидел и ждал, утешая бедного пса.

В конце концов следопыты заявили, что сдаются, — дескать, больше никаких примет не видно. Дуглас, Джон и я изложили свои предположения и догадки — уверенно сказать что-

либо мы не могли. Деревья ничем не выделялись, чтобы можно было опознать какое-нибудь из них. И крапива всюду одинаковая, ее листья-блюдца жалят с неизменной силой. Да, надо было сделать засечки... Но кто же мог знать, что будет так трудно отыскать то место. И вообще это не так просто — пометить тропу в густых зарослях. Мы рассчитывали, что наша расправа с крапивой сделает ее достаточно приметной. Буйволы опровергли наши расчеты.

Завязалась дискуссия. Мы с Дугласом почему-то вбили себе в голову, что надо идти вниз по ложине слева. Джон и его следопыты были за то, чтобы спускаться вправо. Тогда мы разделились, и время от времени обменивались гонцами, докладывая, что пока ничего не обнаружено. Мы с Дугласом облазили все деревья, до которых могли добраться; воздух буквально загустел от запаха растоптанной крапивы, и мы уже решили, что ошиблись в выборе пути, когда шар вдруг нашелся. Один из шедших с нами африканцев, вскарабкавшись на опутанный лианами ствол, дико закричал, причем крик его явно выражал торжество. И в самом деле, в каких-нибудь пятнадцати метрах от нас в полной сохранности стояла гондола с уложенным в нее шаром.

Мы обступили ее, ощупали и при этом все время смеялись. Еще громче мы рассмеялись, когда пошел дождь. О том, чтобы выносить аэростат на дорогу сейчас, не могло быть и речи, так как солнце склонялось к горизонту, день был на исходе. Поэтому, соединившись со вторым отрядом и вдолбив нашим товарищам, какие мы молодцы, мы полезли обратно вверх по трехсотметровому склону. Пес тащился за нами. Хотя шар остался там, где упал, все были очень довольны. Больше не надо стыдиться, что затерян такой крупный предмет. Мы хоть знаем, где он лежит.

На следующий день мы с двумя десятками помощников отправились уже знакомым путем к натопанной накануне тропе. По дороге миновали лужу носорога, но он не показывался. Видно, лужа утратила свою привлекательность для него теперь, когда мимо не меньше двух раз в день проносились машины, и он бросил ее. По вчерашним следам мы легко добрались до шара, и снова зазвучали взволнованные голоса африканцев каждый на свой лад описывал нашу посадку. При таком крутом подъеме не приходилось рассчитывать, что два-три человека отнесут оболочку к дороге. Мы расстелили ее на косогоре и перехватили веревками так, что получилось нечто вроде связки сарделек. Десять человек выстроились по бокам и взвалили себе на плечи эту змею. Вторым по тяжести грузом была гондола. Ее мы привязали к двум жердям, и четверо человек понесли корзину способом, который так распространен в Африке. Сеть приторочили к одной палке и поручили двум носильщикам. Остальные, вооружившись ножами, принялись расширять просеку для основной части каравана. В следующий раз, сказал я себе, надо будет выбрать для посадки место получше... Старт с Салехской площадки состоялся в понедельник. И лишь в четверг шар наконец вытащили из леса.

Столько сил потрачено, мы только чудом остались целы, а наша задача еще не выполнена. Медленно и бесшумно пролететь над большими стадами диких животных — мы мечтали об этом больше, чем когда-либо. Без этого наша цель не будет достигнута. Пока что мы установили только, что аэронавта над Африкой подстерегает сто один сюрприз, если не больше, и все нам предстоит испытать на себе. Но заодно мы должны побольше узнать о поведении животных. Во всяком случае мы успели проникнуться большим уважением к аэростату. Гондола доказала свою непревзойденную способность противостоять всем ударам судьбы. Только аэростат может после полета с горизонтальной скоростью тридцать пять километров в час и вертикальной скоростью полтора метра в минуту без единой царапины опустить пассажиров на землю в глухом лесу!

В тот вечер, когда мы, буксуя и подпрыгивая, спускались в кратер, я решил, что хватит с

нас пересеченной местности. Конечно, виды великолепные. Но аэродинамическая обстановка очень уж коварная. Кратер чудо как хорош, залюбуешься, и жить в нем великолепно, однако капризные вихри и воздушные течения над этой своеобразной геологической формацией слишком вольно обращаются со свободно парящим шаром. Отныне будем держаться равнин. Широкие, открытые просторы внушали больше доверия. Наверное, воздух над ними ведет себя более уравновешенно...

— По-моему, нам пора перебираться на равнину Атхи, — сказал я.

— Угу, — отозвался Дуглас.

— Может получится хороший перелет, — добавил он минут через пять.

Я тоже выждал пять минут, чтобы попасть в фазу.

— Вполне может, — ответил я.

— Точно, — сказал он несколько раньше срока.

Африканские ленты

На следующий день попутная машина с маркой транспортного агентства «Кер энд Дауни» доставила нам почту. В полусотне метров от нас под таким же развесистым деревом остановилась группа туристов. Цивилизация вторглась в наш мир. Будто любопытные соседи в каком-нибудь местечке, мы один за другим, находили предлог посетить новый лагерь, и каждый приносил новости.

— Видели — у них два холодильника?

— Вы заметили, какой у них уют? И гладильная доска!

— А сколько консервных банок уже накидали!

Хорошо еще, что туристы уехали через два дня, прежде чем мы окончательно скисли от зависти.

Куда сильнее подействовали на нас письма. Этот финансовый клерк наломал дров. Его сообщение об аварии вызвало немалый переполох, тем более что у газет есть привычка печатать опровержения самым мелким шрифтом в каком-нибудь незаметном месте. Читатели допытывались, как все произошло, почему газ взорвался, не было ли в конструкции шара какого-нибудь порока, правда ли, что мы не пострадали, или кто-то пытается скрыть истину. Из Найроби писали о неполадках с компрессорами, из Аруши — что из-за дождей машины не смогут забрать наши баллоны с Салехской площадки. Словом, пришла пора мне наведаться в город. Как ни чудесно жить под фиговым деревом, у такой жизни есть свои минусы организаторская сторона страдает.

Ален и Джоун должны были вернуться со дня на день, но, когда я отправился в путь, их еще не было. Дуглас отвез меня наверх, а там нашлась попутная машина до Аруши. Водитель спешил и нигде не останавливался. На полном ходу мы миновали Уилкиз-Пойнт, потом свернули с дороги, которая вела к носорогу и Салехской площадке, и пошли выписывать петли на склоне, спадающем к равнине Карату.

Когда начались редкие строения вытянувшейся в длину деревни Карату, я пытался представить себе, кто из здешних сообщил властям, что был взрыв. Может быть, вон тот тип в голубом костюме, с галстуком? Или вон тот, в пиджаке горчичного цвета и фиолетовых брюках? Или вот этот, в белой тоге, или этот, в драных шортах? Интересно было бы узнать. Я обернулся в последний раз, разглядывая группу африканцев в ярких одеждах, но ответа не получил. Сквозь мглу вдалеке на фоне неба просматривалась голубая гряда гор. И как только он ухитрился разглядеть наш шар над Кратерным Плато?.. А может быть, ему просто почудилось? Скользнула по сетчатке какая-нибудь точка, как это иногда бывает. Так или иначе, он поведал миру свою версию, и, что самое главное, ему поверили. В чем бы он ни ходил — в горчичном или пурпурном, белом или грязно-сером, бог ему судья. Но я его вовек не забуду.

В Аруше я, не утруждая себя особенно ходьбой, побывал в полиции, больнице, информационном бюро, банке, автомастерской, на почте, в конторе Национального парка, в кинофотомагазине и туристском агентстве. Аруша — компактный городок, где можно в несколько часов уладить все свои дела. Господствующий элемент ландшафта — гора Меру. Правда, этот могучий вулкан порой скрывается, когда облачность низкая или туман окутывает его крутые серые склоны. И вдруг опять появляется, всегда как-то неожиданно, будто вот сейчас только выросла из-под земли, 4500-метровая громадина. И прямо в нее упираются городские улицы, которые прежде терялись где-то вдали.

Вечером я опять встретился с биологом и пилотом Хью Лампри, моим однокашником по

зоологическому факультету Оксфорда. Хью собирался на следующее утро лететь на маленькой машине в Найроби, и я с радостью принял его предложение подбросить меня. Мы вылетели спозаранок, воздух был еще недвижим, когда самолет оторвался от дорожки в Аруше. Странно было после долгого перерыва вновь очутиться на борту самолета. Я уже успел отвыкнуть от оглушительного шума моторов. Сидя за спиной Хью, я вынужден был наклоняться к нему, чтобы разобрать, что он говорит, а отвечал ему криком. Потом мы перешли на почти столь же выразительный и куда менее утомительный для голосовых связок язык жестов и мимики. Непривычным было для меня и обилие воздушных ям в столь ранний час. По сравнению с полетом на шаре сумасшедшая тряска, как если бы на автомашине вместо круглых колес поставили квадратные. В отличие от аэростата самолет не сливался с атмосферой, а лишь опирался на нее.

Идя курсом на невысокие западные отроги Меру, Хью набрал высоту и пошел над склонами вулкана. Машина надежная, ничего не скажешь, но после шара темп набора высоты показался мне смехотворным. Под сплошной рев мотора мы лезли вверх, набирая восемьдесят — сто метров в минуту. Над Нгоронгоро, как я ни тормозил подъем, мы за минуту подскочили чуть ли не на километр, причем поднимались бы еще быстрее, если бы я не стравливал газ, насколько позволяла обстановка. Мне кажется, еще несколько лет назад аэростат вполне мог бы на ограниченном отрезке соревноваться с реактивными самолетами в наборе высоты с горизонтального полета.

Перевалив через отроги, мы спустились ниже и на высоте около трехсот метров пошли над краем к юго-востоку от Найроби. Здесь множество жирафов, да и геренуков^[9] тоже хватает. Геренуки, или жирафовые антилопы, часто водятся и в местах с более пышной растительностью, но там, где они и жирафы преобладают в фауне, природа не радует глаз. Красивые животные, а ухитряются, как и маленькая антилопа дик-дик^[10], жить в самой засушливой саванне. Недаром область, где только эти животные водятся в больших количествах, называют пограничной. Здесь проходит грань между живой и неживой природой, пустыней и непустыней.

В Найроби мы сели на аэродроме Вильсон, причем едва не столкнулись с каким-то непослушным привязным аэростатом. С аэродрома мы отправились каждый по своим делам, условившись встретиться на следующий день, чтобы лететь обратно к кратеру. Я первым делом пошел в Управление гражданской авиации. Начальник управления заведовал всем, что касалось полетов над Восточной Африкой, а ведь я основательно накуролесил в его владениях. Отчасти поэтому, но главным образом из-за зоркого жителя из Карату я, стучась к нему в дверь, чувствовал себя слегка виноватым. Моя тревога длилась недолго. Меня пригласили участвовать в воздушных гонках, они должны были состояться через десять дней. Я прикинул, что после старта в Найроби преобладающие северо-восточные ветры должны пронести нас над равниной Атхи, и с благодарностью принял предложение. Старт в аэропорту, где нам обеспечена квалифицированная помощь, сулил немало преимуществ. Мы сможем показать шар всем, кто оказывал нам поддержку, поднимем их в воздух. А затем с попутным ветром пройдем над той самой равниной, которую избрали своей очередной целью.

Вечером я пригласил нашего главного помощника в Найроби Джона Бриджмена и его жену Маргарет пообедать в ресторане «Пагода». Неожиданно передо мной возникли трудности. Перед тем я заходил на завод «Ист-Африкен индастриз», чтобы условиться о снабжении нас газом для перелета из Найроби, и с некоторым опозданием внес страховку. А так как в тот день пришлось оплатить немало счетов и покупок, вечерний костюм мне уже был не по карману. Когда живешь в кратере, потребности заметно ограничиваются, зато,

перенесясь в другой мир, приходится, чтобы вас пустили в ресторан, одалживать носки и галстук у Джона, приличную рубашку у одного из его соседей, смокинг — у другого. Найроби расположен в сердце огромного малоразвитого континента, и в десяти километрах от центра можно встретить дикого льва, но в самой столице мало что напоминает об этом. Обед вознаградил меня за все. В африканской стране китайские официанты с американским шиком подавали европейцам восточные блюда.

На следующий день мы с Хью вылетели в 13.00. Сперва прошли над областью Атхи. Под нами простиралась обширная равнина, которую местами пересекали глубокие овраги, — зрелище увлекательное, но и удручающее, так как оно говорит об эрозии. Когда белые в девятнадцатом и двадцатом веках начали внедряться сюда, связи между человеком, животными и природой были нарушены. Эти огромные шрамы внизу — знак перепаса. Красные реки несут ил, замыкая порочный круг.

Дальше начинался Рифт-Валли. На всей земле нет ничего подобного этому разлому, причем найробский участок заметно отличался от маньярского, образ которого так сильно запечатлелся в нашей памяти. Там была одна могучая стена, здесь же на десятки и сотни метров вздымалась череда отвесных скал. На дне рифта поблескивали озера Магади и подальше Натрон. Вода обоих озер содержит соду; в Магади налажена добыча. Железнодорожная ветка позволяет, преодолевая крутые подъемы, вывозить продукцию. Я не видел, чтобы дети укладывали рельсы своей игрушечной дороги уступами так, как они уложены над Магади, где поезд проходит путь, в десять раз превосходящий расстояние между конечными станциями. В отличие от поезда мы поднимались на Кратерное Плато по прямой.

Это было поистине сказочное путешествие. За причудливым геологическим образованием Рифт-Валли возвышался почти на три тысячи метров действующий вулкан Ленгаи. С ревом мы пронеслись над дремлющим конусом. Вершина напоминала старомодную соковыжималку из стекла с торчащим посередине острым бугром. Лавовые склоны достаточно круты, и подниматься по ним нелегко. Это не значит, что гора вообще неприступна, только надо, как и на лежащем поблизости Килиманджаро, использовать самые холодные часы суток, когда мороз сковывает коварные рыхлые осыпи. Мне кажется, людям полезно время от времени наблюдать действующие вулканы. Они убедительно напоминают о том, что наша жизнь протекает на тонкой корке планеты, которая далеко еще не успокоилась после своего бурного рождения.

Миновав конус Ленгаи («обитель бога» на языке масаев), мы затем очутились над просторами Кратерного Плато. Это плато объединяет много потухших вулканов, в том числе Нгоронгоро. Едва ли не самый красивый из них — Эмбагаи. Он сложен как-то особенно соразмерно, и его лесистые склоны спадают к глубокому непересыхающему озеру.

Последний барьер взят, и мы идем над Нгоронгоро. Нигде не видно никаких следов наших товарищей. Сделав круг над заброшенным лагерем под фиговым деревом, мы сели поблизости. Животные разбежались, едва увидев самолет, так что никто не мешал посадке.

Хью заглушил мотор, и мы сошли на землю удивительного уголка, которым я никогда не устану восхищаться. Для того, кто всего полтора часа назад покинул Найроби, впечатление оказывается еще сильнее. Куда ни повернись, кругом животные; за ними, будто рои черных точек, еще и еще; и все это окаймляют высокие кручи. Каждую секунду картина меняется. Глубокие тени отступают под натиском дня и опять выползают, когда солнце теряет силу. Безупречная симметрия царит в этом волшебном мире, усиливая впечатление нетронутости. У кратера есть что-то от руин, от древнего творения, которому время придало новые совершенства. Край сказочной красоты...

Вскоре появился Ален. Ему пришлось воспользоваться попутной машиной, потому что его лендровер прочно завяз в грязи у Фигового холма. Хью взлетел, покружил, словно пеликан, набирая высоту, и исчез за кратерной стеной. В это время мы пригнали наш «джипси» из старого лагеря, потом вместе с Аденом в восхитительном золотисто-коричневом вечернем свете отправились выручать лендровер. Кроме обычных для этого края препятствий нас задержало в пути львиное семейство. Старый, тощий лев ничем не привлекательнее других старых тощих самцов, зато львица в расцвете сил одно из самых совершенных творений природы. Когда она прохаживается, или затевает возню с озорным львенком, или вдруг ни с того ни с сего делает прыжок метров на пять, можно залюбоваться игрой ее мышц. Идеальное сложение, великолепная окраска, изящество — кто сравнится с ней? Возможно, гармоничная сила львицы особенно бросается в глаза потому, что в стае почти всегда есть один-два члена, уступающие остальным по физическим данным. В царстве хищников, особенно если они ведут стайный образ жизни, ослабевшие могут еще рассчитывать на долгий век в противоположность животным, составляющим их добычу. Больная гну или газель, если не произойдет чудесного исцеления, протянет от силы несколько часов. Престарелый лев может жить еще много лет, пока есть стая, которая о нем заботится.

Вытащить лендровер из грязи было нелегко. Начищенные до блеска ботинки и новые носки, купленные в Найроби, я снял, как только прилетел в кратер, но мои роскошные брюки были еще на мне, когда я бродил по колено в воде. Как совместить два столь разных образа жизни?..

Хотя у нас были две лебедки и грузовик, мы два часа барахтались в грязи, прежде чем одолели ее. В таких случаях здорово выручает танганьикский домкрат. Пусть вас не смущает название — это просто нехитрая конструкция из дерева и железа с одной-единственной функцией. С ее помощью можно поднять любую часть автомобиля, была бы опора в виде деревянной колоды. Поднял колесо и подкладывай в колею подручный материал, чтобы резина хотя бы на миг обрела опору. Не будь этого изобретения, количество рабочих часов, поглощаемых грязью, достигло бы астрономических размеров. И не будь у нас танганьикского домкрата, крылатые мучители высосали бы из нас всю кровь. В жизни не видел такого скопища шестиногих! Они лезли в рот, в глаза, в нос и утоляли хоботками жажду. К счастью, это было местное явление; стоило нам отъехать, как мы избавились от этой чумы.

Зато нам встретились полчища долгоногов^[11], которых днем в этих местах не увидишь. Энергично отталкиваясь длинными задними ногами, они лихо плясали в свете фар. Когда глядишь на них, так и подмывает выскочить из машины и затеять облаву. Есть три причины не поддаваться этому соблазну. Во-первых, кратер изобилует львами и другими животными, присутствие которых не располагает к таким затеям. Во-вторых, долгоноги обычно пасутся возле своих нор, а норы глубокие, попадет нога — не скоро вытащишь. В-третьих, даже если ноги останутся целы, долгонога вам все равно не поймать. Во всяком случае мы, как ни старались, не поймали ни одного.

Во время визита в Найроби я воспользовался случаем и отправил в Англию кучу отснятой пленки. А после моего возвращения мы в первый же день почему-то затеяли вечером дискуссию об операторской этике, в частности при съемке животных. Ален рассказал о той поре, когда на Африканском континенте впервые появился человек с кинокамерой. Дескать, тогда старались изображать Африку возможно более жестокой и дикой. Набьют мясом зебры одежду, втиснут это чучело в спальный мешок и положат его в палатку. И камера запечатлевает на пленке жуткое зрелище: лев пожирает человека... Все подобные

трюки теперь запрещены властями, чтобы вид палаток и спальных мешков не ассоциировался у львов с пищей.

У зрителя было свое понятие о «подлинной Африке», и продюсеры подлаживались под это понятие. Спрос на «подлинную Африку» существует до сих пор, говорил Ален. Но как ее показать?

— Что за радость снимать европеизированных пигмеев, которые ходят в жилетах? Даже если вы их разденете, загар выдает, что они были одеты. Увидят человека с камерой и бегут к нему, кланчат денег, только что экспозицию не подсказывают.

— Но ведь это тоже Африка, как бы они ни одевались!

— Конечно, — согласился он. — Но это будет уже другой фильм. Не такой, какой нужен большинству зрителей. Если уж показывать пигмеев, то так, чтобы вся кожа была одного цвета. Животных снимай так, чтобы на заднем плане не было дорог и автомашин. Жилище в кадре допустимо только глинобитное, никаких кирпичей, не говоря уже о дорожке с гравием.

— Но ведь может случиться так, что настоящий лев в настоящей Африке пройдет мимо машины?

— Может, — ответил Ален, — но нежелательно. На то и организация. Зайди с другой стороны или еще что-нибудь придумай. Конечно, трудно провести границу. Одни буквально все организуют, даже привозят животных с собой в Африку. Является такой деятель со своей машиной в Найроби и заявляет, что отправляется в Северную пограничную область, чтобы искать редких зверей. Отъедет от Найроби километров на восемь — десять и в каком-нибудь глухом уголке выходит из машины — устал. Еще восемь-десять километров — совсем устал, терпение на исходе. Наконец тайком поместит привезенного зверя в уголок, смахивающий на логово, и начинает его выслеживать. Настоящая Африка! А точнее, настоящий обман.

— Так ведь все кино — сплошное надувательство, разве нет? — возразил я. — Идет панорама, потом крупный план, потом все показано с другой стороны, в следующую секунду следует сверхкрупный план, а камеры в кадре не появляются. Спрашивается, кто же снимал? Разве не обман — создавать у зрителя впечатление, будто никакой камеры и не было вовсе? Так зачем же так ратовать за правдоподобие?

— Правда, что хорошего, — вступил Дуглас, — если зрители начнут задумываться и сомневаться, как это оператор смог снять такой кадр?

— Во всем, что снимаешь, — продолжал Ален, — стремись к правдоподобию. Как бы трудно оно ни давалось. Ты должен предвидеть, как поведет себя зверь в следующую минуту, и быть наготове. В том, что обычно делают животные, для нас ничего занимательного нет. Поэтому так важно не прозевать, когда происходит что-то интересное для камеры. Инсценировать действие не годится, но нет ничего худого в том, чтобы создать нужную обстановку. Скажем, лемуры любят кузнечиков. Что же предосудительного, если ты сведешь их вместе и снимешь результат? Одно плохо: лемур ночное животное, а снимать приходится днем. Но ведь ночного угощения не устроишь.

Дискуссия затянулась; время от времени нас перебивал своими криками даман. Лично мне кажется, что большинство операторов-анималистов дорожат своей репутацией и работают терпеливо, со знанием дела, а не выезжают на трюках и ухищрениях. Хотя им, наверно, подчас хотелось бы, чтобы кодекс профессиональной чести был менее строг.

Шесть дней спустя мы покинули наш лагерь под фиговым деревом и отправились на воздушные гонки. До тех пор мы занимались съемками, все равно без водорода с шаром делать было нечего, а водород нам обещали поставить к началу перелета из Найроби. Мы побывали также на противоположной стороне кратера, поднялись по северной, мало наезженной дороге в глухое селение Наиноканока. Здесь много месяцев никто не ездил, и дорога оставляла желать лучшего, зато кругом был чудесный ландшафт с необычным для Африки мягким очарованием. В рестхаузе — удобной и теплой благодаря толстой соломенной крыше постройке — мы развели в очаге жаркий огонь. Выходя за дровами, любовались редкостно ясным ночным небом.

Мы и вторую ночь провели в рестхаузе, а день потратили на поход к кратеру Эмбагаи. Я заметил его еще с самолета Хью и знал кое-что о его чудесах, но, естественно, не мог заранее представить себе, каким наслаждением будет бродить по кустистой траве под ржание зебр, обращая в бегство одиночных гну. Правда, я совсем забыл, что ходить на большой высоте бывает тяжело, а ведь гребень кратера расположен в трех тысячах метров над уровнем моря. Наш шар, легко преодолевающий расстояния и набирающий высоту, никак не помогал нам удерживать в памяти истину, что, чем реже воздух, тем больше в нем нуждаются работающие мышцы. Карабкаясь на гору, я вдыхал и выдыхал его так порывисто, что легкие вряд ли успевали поглощать драгоценный кислород.

Кстати, только легкие и работали вовсю, в остальном тело было сковано вялостью. С трудом переставляя ноги, я размышлял над тем, что эволюция могла бы снабдить нас более совершенным дыхательным аппаратом. Возьмите рыб: у них сквозное устройство, не нужно выпускать воду обратно в то самое маленькое отверстие, через которое она только что поступила. А виноват во всем хитроумный стабилизатор — плавательный пузырь. Не стань он примитивным легким для рыбы, сменившей воду на ил, не помоги ей превратиться в первое наземное животное, из жабер, быть может, развилось бы что-нибудь получше. Но так вышло: ошибка, происшедшая в девоне, привела к тому, что четвероногие были оснащены системой с очевидными недостатками. Во всяком случае я считал ее такой, когда, борясь с одышкой, упрямо карабкался вверх, к гребню Эмбагаи.

Как всегда, усилия, потраченные на восхождение, окупались сторицей. Правда, мы не спустились к кратерному озеру, просто лежали на гребне, на мягкой траве, жадно вдыхая легкий ветерок. Если судить по коршунам, тоже обратившим внимание на этот воздушный поток, птицы получают удовольствие от полета. Они парили совсем низко над нами, и только хвостовые перья иногда чуть шевелились. Скользнут в сторону — и опять неподвижно висят в воздухе.

Мы еще были на горе, когда наступил вечер. В тропических широтах вечер отнюдь не отвлеченное понятие, с помощью которого человек делит сутки. Солнце как-то неожиданно тускнеет, и в ту же секунду, словно мир до тех пор был черно-белым, всюду проявляются краски. Горы становятся голубыми, темные озера переливаются серебром, а на пыльную, сухую землю ложатся сочные коричневые блики. Даже воздух как будто меняется, когда наступает вечер.

На следующий день уже под вечер мы возвращались по дну Нгоронгоро обратно в наш лагерь. Вылазка затянулась, и у знакомого нам теперь Фигового холма я решил выйти из машины, размять ноги. И чуть их не протянул... Ничего не подозревая, я шагнул через полуметровую траву под венчающими бугор тремя фиговыми деревьями. Вдруг на меня

заворчал лев. Самец с великолепной гривой вскочил на ноги, и тут я его заметил. Книжки и работники заповедников уверяют, что в таких случаях нужно замереть на месте и пристально глядеть на зверя. Я опозорился. Услышав ворчание, я оробел и отпрянул на два-три шага, прежде чем увидел льва; другими словами, не успев оценить обстановку, уже отступил. Пристально глядеть на зверя было поздно. Как потом рассказывали мои товарищи, лев подался в мою сторону, но увидел их и нырнул в траву. А я стремглав бросился в машину, где меня одолел дурацкий смех, причем я почему-то никак не мог повернуть ключ зажигания. Рассматривая льва в видоискатель, как-то не думаешь о могучей силе царя зверей. Вспомнить о ней совсем не вредно.

Два дня спустя мы прибыли в Найроби. После Нгоронгоро здесь было куда как просто готовиться к полету. Машина строительного управления привезла песок, «Ист-Африкен индастриз» зарядил баллоны газом, Транспортное агентство доставило их. Отряд курсантов составил наземную команду, отдел диспетчера обеспечил нас всеми необходимыми синоптическими данными. Мы было встревожились, обнаружив, что пропала важная деталь распределительного крана. Случись это в кратере — беда. В Найроби, где Ален знал всех и все, проблема решилась в два счета. Питер Уокер, агент автомобильной компании, торгующий «ягуарами», помог привести кран в порядок. И все-таки, несмотря на то что мы могли рассчитывать на всяческую помощь, и нам ни в чем не было отказа, мне, когда я накануне полета расстилал оболочку на взлетном поле, почему-то было страшновато. Наши перелеты можно было назвать замечательными, удивительными, однако летать в Африке оказалось куда опаснее, чем я ожидал. Конечно, никого не ранило и не убило, но ведь нам все время неслыханно везло. В одном месте, словно по заказу, стояло сухое дерево, в другом месте мы неожиданно мягко сели — нельзя же без конца уповать на подобные чудеса. Так не может продолжаться вечно. Когда-нибудь чаша весов склонится в другую сторону.

Пока я размышлял над этим, подъехали на велосипедах двое мальчишек; по их словам, они захотели нам помочь. «Помощь» заключалась в том, что мальчишки, не слезая с велосипедов, задавали мне вопросы. Оба были дети местных европейцев.

— Это вы полетите на шаре?

— Да, я и еще двое.

— А это ваш шар?

— Да.

— А нас не возьмете?

— Нет места.

— Это опасно?

— Бывает опасно.

— А вы можете убиться насмерть?

— Это не исключено.

— Ух ты, — сказал тот, что побойчее, — тогда будет пятеро за два дня.

— Это как надо понимать? А кто остальные двое? — спросил я, отрываясь от своего дела.

— А вы не слышали? Один свалился с грузовика утром, когда был смотр. Второй сорвался с веревочной лестницы, которая была подвешена к самолету. Готовился к гонкам.

— Где же это было? — Моя рука, державшая канат, как-то странно обмякла.

— Да вон, за дорогой. Отсюда было бы видно. Мы-то не видели. Поздно приехали. Понимаете, он висел на этой своей лестнице, потом вдруг упал. На нем был пояс какой-то, для страховки, да оборвался, что ли. Вот он и упал и убился насмерть. А другой случай был в городе. Вывалился из грузовика, понимаете? И попал под другой грузовик. Его тоже убило.

Они на минуту призадумались. Потом снова принялись расспрашивать.

— Скажите, вы правда можете убится завтра? Если шар лопнет или что-нибудь откажет, когда вы заберетесь высоко-высоко? Или вы из корзины вывалитесь, или еще что?

Я ответил, что это вряд ли возможно, но, очевидно, не убедил мальчишек, они продолжали обсуждать вероятность еще одной или трех смертей. Вдруг оба сорвались с места.

— Пока! Постарайтесь не разбиться.

— Пока.

По расписанию нам предстояло стартовать, когда участники гонок сделают перерыв на ленч. Это означало, что мы будем располагать временем, — весьма кстати, потому что старт аэростата не распишешь точно по часам, а во время перерыва мы причиним диспетчеру меньше хлопот. По правилам в воздушном океане все уступают дорогу аэростату, тем не менее лучше выпустить нас, когда в воздухе будет поменьше самолетов.

В воскресенье — день гонок — в девять утра приступили к заправке. Погода сулила ветер, и я подумал, что хорошо бы стартовать пораньше, как только начнется перерыв. Быть на земле в разгар полуденного зноя — мало радости. Чтобы шар был хоть отчасти прикрыт от ветра, его наполняли за большим ангаром. Шар рос на глазах, но и скорость ветра росла. Курсанты, поминутно бегавшие к диспетчеру, приносили все более тревожные вести. Я решил, что стоит взлететь, не дожидаясь ленча, если это окажется возможно. «Ни в коем случае не вылетайте; если скорость ветра превышает 15 узлов», — учил меня Ян Бусман. Очередной гонец доложил, что ветер достигает 25 узлов.

Дуглас — он стоял у баллонов — издал отчаянный вопль. Кончился газ. Кто-то основательно ошибся при зарядке. Я поглядел на оболочку. Не хватает по меньшей мере 85 кубометров. Надо действовать быстро, и чтобы все шло без сучка без задоринки. А это бывает крайне редко... Я растерянно огляделся по сторонам и увидел нашего поставщика, — начальника цеха электролиза. Он пришел проследить, все ли в порядке.

— У вас есть на заводе еще газ в баллонах?

— Есть, около восьмидесяти пяти кубометров.

— Можно его получить?

— Конечно, но у меня нет машин привезти его, сегодня воскресенье.

Ален обратил наше внимание на грузовик, стоявший перед пивной «Дам Бастерз». Мы побежали туда. На дверце грузовика было написано: «Лесопильня Сикх». Мы ворвались в пивную. За столом сидело двое сикхов.

— Можно одолжить ваш грузовик?

— Можно, а для чего?

По пути я объяснил, для чего. В кузов набилась куча людей, среди них был и начальник цеха.

— Открывайте ворота! — крикнул он, едва мы подъехали к заводу.

— Закрывайте ворота! — крикнул он через две минуты. Баллоны уже лежали в кузове, мы их пошвыряли так, словно они ничего не весили.

Всего через полчаса после того, как была обнаружена нехватка газа, мы въехали на аэродром. Что говорить, в Найроби проблема заправки решается проще, пусть даже над равниной кругом гуляют сильные ветры.

— Скорость ветра достигает 30 узлов, — доложил прибежавший курсант.

Доставленный водород живо переключался в оболочку, потом мы с предельной быстротой подвесили гондолу, никаких заторов не было. Однако с гондолой аэростат сразу поднялся метров на пять выше, ангар уже не мог его прикрыть, и началась мощная качка. Все-

такимы забрались в гондолу, хотя оранжевый шар над нами так и норовил удариться о землю. С трудом удерживая равновесие, мы занялись погрузкой.

— Подайте мне, пожалуйста, эту камеру, — вежливо попросил Дуглас, и один из наших помощников поднял ее с асфальта, на который она шлепнулась.

— Ветер достигает 35 узлов! — слышался чей-то звонкий голос.

— Пора взлетать, — сказал я, и протянутые руки курсантов приняли несколько мешков с песком.

Аэростат лег набок, люди бросились врассыпную. Опомившись, наземная команда повисла на гондоле. Я сбросил полмешка песку, выждал, когда аэростат встал почти прямо, открыл патрубок и крикнул:

— Отпускай!

Курсанты отпустили, и мы пошли. Тотчас качка прекратилась. И мы больше не ощущали порывов ветра, нас объял покой свободного полета. Вот только высоту не набираем... Я сбросил еще полмешка песку, и мы с привычной легкостью взмыли над ближайшей виллой. Земные шумы быстро стихли вдали.

— Так, взлетели, — как обычно, произнес Дуглас, но я уловил в его голосе необычный оттенок.

Еще бы, при таком «взрывном» старте, когда стропы подвергаются очень сильной и неравномерной нагрузке, всякое может случиться. Резкий порыв ветра в неожиданном направлении мог вызвать катастрофу. Мне снова вспомнились Бусманы: «Самое надежное — воздух. Несчастья случаются на земле».

Скорость, с какой мы шли над землей, подтверждала тревожные сигналы, полученные из диспетчерской. Мы набрали хорошую высоту — двести метров с лишним, но неслись со скоростью около 50 километров в час. Причем оказалось, что нас несет не точно на равнину Атхи. Если бы ветер отошел градусов на десять к северу, курс был бы верным. Теперь же мы от аэропорта Вильсон долетели до Карена, а оттуда пошли прямо на холмы Нгонг. Что ж, там тоже есть что посмотреть. Конечно, это не то, на что я рассчитывал, но как-никак заповедник, множество всякой дичи.

В Карене находился дом Алена. Это значит, что он являлся туда раз в месяц, разбирал почту, проверял свой зверинец, принимал ванну и отправлялся в новое путешествие. Теперь он показал нам самые интересные точки района, который стремительно проносился под нами. Кончились предместья Найроби, дальше пошли примитивно возделанные участки. Мы окликали работавших в поле африканцев; они оглядывались в любую сторону, только не вверх. А вот и пологие склоны Нгонг. Большая часть холмов покрыта заповедным лесом. Между деревьями бродили буйволы, встречались и антилопы канны. Мы бесшумно скользили над ними на высоте каких-нибудь ста метров. Где-то стучал топор, потом мы вдруг увидели самого лесоруба. Забрался в гущу заповедника и заготавливает дрова!

— Я тебя вижу! — крикнул Ален на суахили. — Кто тебе разрешил рубить здесь лес?

В жизни не видел, чтобы человек так быстро улепетывал. Лесоруб стремглав юркнул в кусты.

— Я тебя вижу под кустом, — не унимался Ален. — Лучше бросай это дело.

Разумеется, долго стращать его мы не могли. При скорости пятьдесят километров в час мы быстро оставили позади прячущегося в кустах нарушителя. Так закончился первый лесной обход с применением аэростата.

В отличие от нас склон упорно карабкался вверх, и, чтобы исправить это несоответствие, я высыпал немного песку. Шар не спешил реагировать; тогда я высыпал еще. Аэростат продолжал идти горизонтально. Сколько я ни сбрасывал балласт, нас несло прямо

на стену. Было похоже, что воздушное течение, вместо того чтобы плавно огибать холм, упирается в него, потом делает скачок вверх. Следовало быть готовым к неприятностям. Я сбросил еще песка — никакого толку.

— Кажется, нам предстоит так называемая промежуточная посадка, заметил я.

Так и вышло. Внезапно мы увидели впереди небольшую ферму. Возле хижины, окруженной чахлой кукурузой, стояло пять человек. Вот уже наш гайдроп чертит концом полосу на земле почти рядом с ними...

— Фантастический кадр — козы, вид сверху, — объявил Ален, запечатлевая на пленке редкостный эпизод.

— Посмотрите на этих людей! — воскликнул Дуглас. — Они не двигаются с места. Эй, джамбо! Джамбо!

В ту же секунду мы ударились о землю. Толчок был весьма ощутимый. На мгновение гондола остановилась, затем шар рванулся вверх и понес нас дальше.

— Они даже шага не сделали, — сказал Дуглас, разбираясь в своих конечностях. — Ква хери! До свидания. Когда еще к вам следующий шар прилетит! Ква хери!

Моя догадка насчет воздушного течения подтвердилась. И хотя мне не удалось предотвратить промежуточную посадку, зато потом мы подскочили до высоты около тысячи метров и с большим запасом прошли над макушками Нгонта. словно быстрая река, встречающая огромный валун, воздушное течение круто перевалило через холмы, и мы с ним.

Сразу за гребнем, как и надо было ожидать, мы начали снижаться. Это нас вполне устраивало, и я не вмешивался в ход событий. Оставив позади Нгонг, мы шли с комфортабельной скоростью — около ста метров в минуту. А отойдя от холмов километра на два, на три, идя на уровне их макушек, аэростат вдруг словно взбесился. Гондола качалась, будто маятник, взад-вперед, в то же время ее бросало из стороны в сторону, и мы отчаянно цеплялись за край корзины. Тот же бешеный вихрь, который помыкал нами, трепал оболочку вокруг патрубков. Мы чувствовали себя отвратительно.

Неожиданно болтанка прекратилась, полет опять стал ровным и спокойным. Ничего подобного мне не приходилось встречать во время голландских уроков. Это явление характерно для гор; недаром даже пилоты тяжелых летательных аппаратов относятся к ним с великим почтением. Мы попали в ветровую волну, и действие ее оказалось весьма ощутимым. Вернемся к примеру с валуном. Если река плавно перекачивает через него, поверхность ниже по течению будет гладкой. Но если течение очень быстрое или валун очень велик, плавная струя будет смята. Это не беспорядочная турбулентность, у нее рисунок правильной волны. Вот с такой неладной штукой мы и столкнулись.

— Боюсь, это еще не все, — сказал я. — Мы снова попадем в волну, когда пройдем двойное расстояние после первой.

Совершенно верно: точно в указанное время опять началась эта отвратительная болтанка. До сих пор Дуглас все невзгоды переносил на зависть хладнокровно, но тут я впервые увидел настоящий испуг на его лице. Ален, судорожно держась за край качающейся во все стороны гондолы, заметил, что ему это «не нравится, очень не нравится». У меня тоже тряслись поджилки, однако на сей раз я, как ни странно, куда спокойнее воспринял эти пируэты. Уже то, что удалось их предсказать, сделало все не столь страшным. Больше всего я тревожился, как бы меня не укачало, если затянется болтанка.

Третья волна оказалась куда слабее второй, а четвертой мы почти не ощутили. А затем, как это было перед холмами, нас снова увлекло вниз. И сколько я ни сбрасывал песок, шар продолжал терять высоту. Мы опять были во власти нисходящего воздушного течения. Как и в прошлый раз, можно было выбросить, скажем, сразу три мешка балласта, и мы пошли бы

вверх вопреки течению, но, вырвавшись из него, шар устремился бы в поднебесье со скоростью ракеты. Лучше уж сбрасывать песок горстями, тормозить падение. Ударимся о землю, зато на малой скорости, никто не пострадает. Так состоялась вторая промежуточная посадка. Правда, мы стукнулись довольно крепко, но остались невредимы. Одно худо: аэростат не спешил набирать высоту, как после первого удара.

Вместо этого он, все еще со скоростью около 50 километров в час, поволок гондолу сквозь колючие заросли. Мы непроизвольно съежились в корзине. Стоило высунуть руку, и с нее тотчас была бы содрана вся кожа, поэтому все держали руки при себе. Сжавшись в комок, мы слушали зловещий треск и с ужасом думали о том, что грозит стропам. Внезапно шар легко взмыл над царством колючек. Мы отделались благополучно — ни единой царапины. Наши занзибарские веревки из манильской пеньки тоже не пострадали.

Итак, мы опять вознеслись вверх, опять обзреваем ландшафт из своего скрипучего гнезда в тысяче метров над землей. А впереди — новая гряда, высотой не меньше Нгонга, но если там склоны ложились мягкими складками, то здесь торчат острые скалы...

— Ол Эгасети, — объяснил Ален. — На таких склонах не сядешь. И за грядой совсем нет дорог. Лучше уж сесть где-нибудь здесь, поближе к дороге на Олоргасаил.

Я был с ним согласен. Этот перелет в любую минуту может навлечь на нас беду. Лучше поскорее кончать. Пройдя немного на тысячеметровой высоте, мы плавно пошли вниз, к колючим кустарникам на откосе, с которого начиналась следующая гряда. Чтобы спуск не превратился в неуправляемый процесс, я понемногу сбрасывал балласт. Теперь, говорил я себе, можно не скупиться на песок, ведь он нам больше в этом полете не понадобится. Мне удалось поддерживать скорость снижения на уровне шестидесяти метров в минуту, и мы пересекли дорогу на высоте около полутораэта метров. После этого аэростат пошел вниз чуть быстрее; тогда я бросил еще две горсти песку.

И тут же понял, что просчитался, слишком сильно притормозил спуск. Некоторое время сплошь поросшая несносными колючими кустами земля еще приближалась, но метрах в семи-восьми над зарослями снижение прекратилось, а затем мы пошли круто вверх. Из-за моей ошибки посадка не получилась, встреча гондолы с землей не состоялась. Я лихорадочно соображал, что делать. Потравить газ? Но теперь уже попросту негде садиться, на нас надвигается скала. Врежемся в нее — только и всего. Остается только продолжать подъем.

— Виноват, простите, — сказал я. — Сбросил лишнюю горсть. Будем садиться где-нибудь еще.

Мои товарищи с сожалением проводили взглядом дорогу, потом повернулись вперед: что нас там ожидает? Как это у нас повелось за последнее время, мы вскоре опять созерцали мир с большой высоты. Над скалами, грядками, обрывами и прочими прелестями, отличающимися Рифт-Валли, нас швыряло, будто пробку. Могучий воздушный поток, рожденный над равнинами под Найроби, словно взбесился, и нам ничего не оставалось, кроме как участвовать в буйной свистопляске.

Страх, который вы испытываете в гондоле, — совсем особенный страх. На вас обычная одежда, и стоите вы, небрежно опираясь на край корзины, и на вид все в полном порядке. Необозримый простор. Безоблачное небо. Яркое солнце. Все живы-здоровы, ни у кого нет даже малейшей царапины. На дне гондолы, подле ног, лежат продукты, канистры с водой... И однако нам было не до еды. Глотка пересохла и сжалась. Мы довольно много говорили, но разговор был какой-то однообразный.

— В этих горах нельзя садиться, — сказал Ален. — Туда не взберется никакой грузовик.

— И все-таки нам, похоже, придется сесть там, — ответил я. — Вряд ли можно

рассчитывать еще на один прыжок. А будем снижаться, поневоле надо садиться.

Дуглас отмалчивался, если не считать неодобрительных замечаний о ветровых волнах: болтанка произвела на него неизгладимое впечатление. Так уж действовали на нас столкновения с землей; после них нам требовалось какое-то время, чтобы, так сказать, прийти в норму. Сам я в ответственную минуту держал в руке альтиметр, сунув в карман второй прибор, отмечающий подъем и спуск. Остальные двое пеклись о съемочной аппаратуре и биноклях, что-то судорожно сжимали в руках, что-то висело на шее, что-то лежало в карманах. Удар о землю — да просто приготовления к нему, когда руки лихорадочно искали очередной мешок с песком, влекли за собой последствия, которые можно назвать полным беспорядком. Кто-нибудь видел футляр от объектива? Или пленку, которую я только что вынул из аппарата? А это чье? И так далее в том же духе. Если не считать самого толчка, больше всего нас раздражали мешки с балластом. Как бы осторожно их ни поднимали со дна корзины, они лишь усугубляли хаос. Принято представлять себе эти мешки висящими снаружи на гондоле, но колючие кусты вынудили нас внести изменения в эту картину. Мы быстро остались бы без песка, если бы придерживались так называемой обычной практики.

У нас еще было три мешка, когда мы вскоре после неудавшейся попытки совершить посадку опять начали терять высоту. Из нашей корзины, подвешенной в тысяче метров над землей, очень уж отчетливо было видно, что воздушное течение несет нас прямо на гору, хотя мы предпочли бы перевалить через нее. Я сбросил немного балласта, притормаживая падение.

— Разве ты не видишь, — твердил Ален, — что здесь никакой грузовик не пройдет?

Похоже, что он прав. Не так-то просто будет спуститься с этой горы, даже без ноши на плечах. А ветер упорно нес шар на скалы, и я сбросил еще песок. Вот уже каких-нибудь полтора метра отделяют нас от далеко не приветливого на вид нагромождения застывшей лавы. Целый мешок, четырнадцать-пятнадцать килограммов, израсходован; я протянул руку за следующим.

Дальше все происходило с головокружительной быстротой. Я увидел впереди за площадкой обрыв. Садиться на площадке или следовать дальше? Я высыпал полмешка. Уж теперь-то мы должны подняться! Увы, этого не произошло, и над нами нависла угроза нового столкновения.

— Ален, возьми-ка последний мешок. Бросай его, когда скажу. Нам надо постараться сесть здесь. Черт возьми, нелегкая задача! Постой, не сбрасывай еще. Я потяну разрывной строп. Держись, ребята, садимся. Поберегись!

Мы с маху врезались в гору. Глядя на край огромной лавовой глыбы, я ловил рукой строп. Вдруг рядом с гондолой вырос куст, и я присел. Мои товарищи тоже присели. Сидя на дне корзины, я пытался в щели между прутьями различить, сколько осталось до земли. Да, не меньше пятнадцати метров, скала уже позади. Успел я дернуть разрывной строп?

А если успел, почему мы идем так быстро вверх? Даже если полотнище сорвано только наполовину, теперь, когда скала пройдена, до земли достаточно далеко, мы успеем, падая, развить хорошую скорость... Однако мы не падаем, напротив, продолжаем подниматься, я видел это даже без альтиметра.

— Кто-нибудь видел альтиметр?

— Господи, я-то думал, ты вывалился из корзины!

Оба, Дуглас и Ален, были убеждены, что удар о скалу вышиб меня из гондолы, хотя при такой тесноте они, казалось бы, должны были видеть меня. И оба промолчали, ни одним словом не выдали своих чувств.

Так или иначе, мы шли вверх, и положение было очень неприятным. Ален-таки побывал

за бортом, когда мы на секунду встретились с землей. Как иначе объяснить глубокую ссадину у него на ноге, ниже колена? В гондоле ничего такого нет, что могло бы причинить ему такую рану. Сам пострадавший смутно помнил, что ушибся о что-то твердое. И при этом он, естественно, выронил мешок с песком. Я еще раньше разделался с моим. Теперь понятно, почему мы так быстро пошли вверх! Весь балласт, все до последней песчинки сброшено. Не осталось ни грамма, чтобы притормозить, когда мы снова начнем падать. При чем падать нам — опять-таки из-за отсутствия балласта, — очевидно, придется с еще большей высоты, чем прежде.

Проверяя имущество и отыскивая, как обычно, пропавшие предметы, мы установили, что потерял не только мешок с песком. Пропала одна фляга и две бутылки пепси-колы, у Алена сорвало с пояса батарею. А значит, груз стал еще меньше, и мы заберемся намного выше, чем думали. И с большой высоты пойдем вниз, не располагая ни единой песчинкой балласта. Никто и ничто нас не выручит. Мы наедине с бедой, одни в огромном и грозном воздушном океане.

Как-то отрешенно мы посмотрели на альтиметр. Стрелка упорно наращивала цифру. Минут через десять после нашего (самого неприятного из всех) столкновения с землей она наконец остановилась. Мы парили в добрых полутора километрах над жаркой коричневой пылью, выстилающей Рифт-Валли. Прибор показывал почти три тысячи метров над уровнем моря.

Представьте себе чувства человека, принявшего безвкусный яд, действие которого скажется не раньше чем через час, а то и два. С одной стороны, он как будто совершенно здоров, с другой стороны, знает, что фатальный недуг неминуем. Если ничего не делать, только ждать, яд в конечном счете убьет его. Но это будет, а пока он чувствует себя нормально и гадает, что ему предстоит.

Мы ощущали что-то в этом роде. Лично мы ни на что не могли пожаловаться, если не считать, что находились в гондоле, которая повисла в воздухе в полутора километрах над землей. Все трое невредимы, только у Алена из ноги еще сочилась кровь, но сравнительная незначительность этой ссадины словно подчеркивала весь ужас того, что нам грозило. Кроме ноги у Алена была еще кровь на плече, хотя плечо он не оцарапал. Каким-то образом она попала туда с колена. Да что такое ссадины и царапины, когда альтиметр показывает три тысячи метров и нет ни грамма балласта?

У нас были две возможности. Первая — использовать парашютные свойства шара. Известны случаи, когда этот способ спасал аэронавтов. Надо обрезать веревку, которая оттягивает вниз аппендикс и не дает промяться нижней части оболочки. Затем дергают разрывной строп. Теоретически (если все пойдет благополучно) газ должен вытечь, а оболочка останется внутри сети. Эта пустая оболочка (опять-таки если все будет хорошо) примет вид зонта и сыграет роль тормоза. Если удачи не будет, газ выйдет, а оболочка не примет вид зонта. Она соберется в ком внутри сети и уже не сыграет роли тормоза. И шар со всеми придатками так ударится о землю, что команде ни за что не уцелеть.

Вторая возможность — сбросить все, что сбрасывается, и уповать на то, что этого будет довольно, чтобы удержать скорость снижения в разумных рамках. За неимением песка мы еще располагали кое-какими предметами, которые можно было выбросить без особого сожаления, тем более ради спасения жизни. Для наглядности мы отложили в сторону все эти предметы. Сюда входили пустые мешки, уцелевшие фляги, таинственный сверток с нетронутым провиантом, который Джоун сунула нам в последнюю минуту, киноплёнка, экспонированная и неэкспонированная, а также ящики из-под камер. По моим расчетам, вся эта куча весила около пятнадцати килограммов. Следующую партию, которую мы не стали оформлять в виде готовой кучи, составляли более ценные предметы, в том числе камеры, объективы к ним, приборы, обувь и бинокли. Если первой жертвы окажется недостаточно, придется немедленно приносить вторую. «Аррифлекс» с кассетой почти на полтора метра пленки и с приставкой в виде трех длиннофокусных объективов — очень тонкое и дорогое изделие. И тяжелое. Тем не менее я верил, что в крайнем случае, не колеблясь, вышвырну камеру за борт.

Поскольку набиралось изрядное число годных для сбрасывания предметов, как дорогих, так и не столь дорогих, я решил отказаться от парашютной идеи в пользу второго варианта. Да и не будь у нас всего этого барахла, все равно такое решение дается намного легче. На большой высоте дернуть разрывной клапан и выпустить весь газ — для этого требуется немалое мужество. Лично я сомневался, что у меня его наберется столько, сколько нужно, поэтому я облегченно вздохнул, увидев, что нам доступен способ номер два.

На высоте три тысячи метров над уровнем моря мы располагали временем, чтобы обсудить положение, провести инвентаризацию и распределить обязанности. На плечи Алена и Дугласа легла ответственность за предметы, подлежащие сбрасыванию в первую очередь, они же заранее приметили расположение более драгоценных вещей, которые составили

вторую партию. Мне надлежало следить за альтиметром, определять скорость снижения и подавать им команду, когда сбрасывать балласт. Я объяснил также, что делают в аварийных ситуациях: рубят гайдроп, после чего, держась за кольцо, обрезают стропы, крепящие гондолу. Обе эти меры вполне реальны, к ним не раз прибегали, однако мне не хотелось так поступать в Африке, да еще в такой дикой местности. Конечно, сорок шесть килограммов (вес корзины) — это три мешка песку, и все-таки мне казалось, что на острые камни и колючие кусты лучше падать в гондоле, пусть даже с ней мы будем снижаться гораздо быстрее. Так больше шансов сохранить жизнь. Ведь даже при минимальной скорости снижения остается еще горизонтальная скорость около пятидесяти километров в час. По тени от аэростата было видно, что ветер ничуть не унялся. Стоило представить себе, что ждет нашу тройку, если мы приземлимся на такой скорости, сидя на кольце, как отпадало всякое желание пожертвовать драгоценной корзиной. По той же причине я предпочитал не рубить гайдроп. Он незаменим, когда надо погасить ход перед самым приземлением. Известны случаи, когда аэронавт жертвовал гайдропом, но он это делал, если не было другого способа выиграть время и пройти еще немного, чтобы пересечь город или озеро. В нашем нынешнем перелете такая мера не имела смысла; ведь мы мечтали поскорее завершить полет с минимальным ущербом для себя.

Очутившись в такой ситуации на высоте три тысячи метров, борешься с искушением прыгнуть за борт и поставить точку. Все что угодно, только не висеть в поднебесье, ожидая, что решат стихии. Мы стояли и помалкивали, и в голове было как-то пусто, и нам было совсем не до простирающихся внизу ландшафтов. Внезапно в лицо дохнуло ветром. Ясно: пошли вниз. Жутковато, конечно, но зато недолго ждать развязки.

Я решил не тормозить, как обычно, сбрасывая горстями песок, а идти с ускорением и уже метрах в трехстах над землей сбрасывать вещи. Мне хотелось использовать неизбежный при стремительном падении нагрев оболочки: ведь чем сильнее нагреется газ, тем больше его подъемная сила. В быстром полете, естественно, возникает трение, и тепло от него передается газу. В аэронавтике у этого явления есть свое имя — эффект Монгольфье; я решил извлечь из него максимум пользы. И мы, покинув свой пост в небесах, наращивая скорость, устремились вниз. Шестьдесят метров в минуту... сто пятьдесят метров... триста... и наконец — четыреста пятьдесят метров в минуту. Видимо, эта скорость представляла собой некий предел, потому что ускорение прекратилось. Пора было сбрасывать балласт.

— Давайте сбрасывайте! — распорядился я, и мои друзья немедленно принялись за дело.

— Все сброшено, — доложил Ален.

Было слышно, как различные предметы ударялись о землю и камни. Но хотя падение замедлилось, земля продолжала приближаться достаточно быстро.

— Давайте еще что-нибудь, — сказал я и проводил взглядом большую кассету с пленкой. — Хватит. Теперь приготовились к посадке. Дуг, держи крепче камеры. Ален, как только я дерну веревку разрывного полотнища, открывай выпускной клапан. Вдруг у меня опять не получится. Так, понеслись.

Да, мы здорово неслись. Чем ближе земля, тем быстрее она уходила назад. Впереди показалось высохшее русло. До берега еще есть время... А теперь он совсем близко... Волочащийся по земле гайдроп заставлял гондолу болтаться во все стороны. Осталась секунда-другая... Ну!

Мы с Аденом дернули как раз перед тем, как корзина ударилась о землю. Я почувствовал, что моя веревка подалась. В следующее мгновение мы врезались в дерево. Послышался треск. Шар опять подскочил, но всего на каких-нибудь пять-шесть метров. Я опять дернул веревку и повис на ней. Шар вильнул и снова пошел вниз. Еще дерево. Опять треск. И толчок от удара.

Я упорно тянул веревку. Движение прекратилось. Гондола накренилась и упала набок. И мы вместе с ней. Полет окончен. Лежа, мы смотрели, как продолжает опадать оболочка. Но вот и она замерла. «Джамбо» уgomонился.

Не успели мы немного прийти в себя, как услышали мощный гул в воздухе над нами.
— Что такое?

Ален выбрался из гондолы (так, и вторую коленку тоже разбил!) и принялся кричать, размахивая руками. Над местом нашей посадки кружил небольшой самолет. Мы с Дугласом тоже выскочили из корзины, чтобы показать, что все в порядке. Я хлопал себя по бедрам и прыгал — мол, жив-здоров! Мои товарищи исполняли не менее потешные номера. Собственно, это делалось не столько для летчика, сколько для самих себя. Мы в самом деле живы! Все в порядке. Полет закончен. Нас не убило. Даже не ранило. Впрочем, сейчас это было не так уж важно. Мы продолжали прыгать, смеяться и размахивать руками, а самолет вскоре улетел. Что он тут делал?..

Не знаю почему, но меня сразу потянуло уйти с того места, где мы приземлились. Против ветра, который трепал мою одежду, я зашагал вдоль гайдропа. Он тянулся через кусты, возле деревца, которое приняло на себя первый удар, спускался на дно высохшего русла и уходил к противоположному берегу. Ален присоединился ко мне, и мы вместе начали искать сброшенные вещи. Кое-что сразу бросалось в глаза: вот мешок из-под песка висит на дереве, вот на скале лежит разбитая бутылка... Но пленку нам так и не удалось отыскать, не нашли мы и фляг с водой. Мы очень тщательно осмотрели весь участок, прежде чем я решил, что можно возвращаться туда, где кончились прыжки гондолы.

Облокотясь о корзину, мы обсудили, как поступить дальше. Летчик видел, как мы снижались. Сделав два-три круга над нами, он ушел в сторону Найроби. Уж он, наверно, сообщит, что мы целы, только забрались далековато. По мнению Алена, ближайшей дорогой — километров пятнадцать на восток — была дорога на Магади. У нас было три бутерброда и ни капли воды. Но ведь есть надежда, что кто-нибудь из участников гонок заметит нас и захочет проведать. Выбрав просторную площадку, мы разорвали экземпляр программы и развесили на кустах вокруг нее. Если это будет вертолет, ему вполне хватит места для посадки; если самолет, летчик во всяком случае обратит внимание на размеченный квадрат.

Пока мы соображали, как нам утолить жажду, показалось несколько масаев. Мы еще в воздухе заметили хижину, но не были уверены, что их обитатели заметили нас. Так или иначе, появление людей означало, что где-то неподалеку можно найти воду. Но сперва надо уложить оболочку, жажду можно утолить потом. Вытащить из кустов сеть оказалось не так-то просто, потому что на каждую ее клетку нашелся свой персональный сук. Сама оболочка была податливее, однако то и дело раздавался характерный звук: еще один прокол... Масаи не жалуют физический труд, но тут они воткнули в землю свои копья и принялись помогать нам. Они не могли знать, что мы прилетели по воздуху, и наше внезапное появление было для них загадкой. Но это было не так уж важно. Главное — с их помощью нам удалось все упаковать в корзину, после чего мы сели под деревом отдохнуть. Глядя на разбитый компас (во время посадки он лежал у меня в кармане), мы не столько огорчались, что сломан прибор, сколько дивились, как это нам опять так неслыханно повезло.

Белые листы программы продолжали колыхаться на ветру, но через полчаса нам стало очевидно, что надо обходиться собственными силами. Ничего особенного, мы к этому привыкли. Этот гудящий самолет внушил было нам некоторые иллюзии (мы даже всерьез обсудили, уцелеет ли бочонок пива, если его сбросят с небольшой высоты); теперь мы выкинули их из головы и обратились к масаям. Вел переговоры Ален.

— Далеко тут до дороги?

- Дотемна полпути пройдете.
- А где можно найти воду?
- Пойдемте с нами. Мы дадим вам молока.

Ковылять по камням в темноте нам не улыбалось. То ли дело попить молочка! И мы пошли за масаями. Они предложили нам переночевать у них, на что мы тоже с радостью согласились. Думали ли мы утром, что гонки примут для нас такой оборот и вечером мы будем шагать за масаями в их хижину, чтобы попить молока и устроиться на ночлег! Во всяком случае они нас здорово выручили.

...И вот уже закрыты калитки из колючих прутьев, мы укладываемся спать. Масаи устраивают свое жилище по старинке, очень просто. Круглую площадку огораживают высокой стеной из плотно уложенных веток с шипами. Правда, известны случаи, когда леопарды и даже львы перескакивали через эти барьеры, но вообще-то они представляют собой внушительное препятствие. В эти колючие коррали загоняют на ночь коров и коз, и они бродят до утра между хижинами. А хижины такие, что только ребенок встанет в рост — высота их меньше полутора метров. Этакие прямоугольные эскимосские иглу с узким ходом. Мы протиснулись внутрь и осмотрелись. Я согласен, что низкий шалаш из прутьев, обмазанных навозом, к тому же стоящий посреди скотного двора, не назовешь идеальным жилищем, но в нем было очень уютно. Перед маленьким очагом, держа на коленях пухлого малыша, сидела миловидная девочка. Несколько чурбаков заменяли табуретки, и мы сели на них, пока нам готовили ложе, иными словами, расчистили пространство длиной и шириной с обычную кровать и расстелили на земле скрипучую коровью шкуру. Хозяин жестом предложил нам лечь. Тесновато, конечно, для троих, но мы кое-как втиснулись — Дуглас посередине, Ален и я по бокам.

Мне не давала покоя дурацкая жажда. Когда мы пришли, нам предложили целый калebas^[12] парного молока. Кружка нашлась только одна, и, сидя рядом возле хижины, мы передавали ее по кругу — вроде старух из легенды о Персее, у которых был один зуб и один глаз на троих. Сначала молоко показалось нам амврозией, каждый глоток доставлял наслаждение. Когда мы дошли до третьей кружки, вкус заметно испортился. Ален объяснил нам, что масаи моют и иногда дезинфицируют посуду древесным углем. Может быть, молоко отдавало этим моющим средством? Так или иначе, мы успешно справились с калebasом. Масаи еще пьют кровь, однако нам больше ничего не предложили: ни крови, ни молока. Очевидно, хозяева решили, что мы выпили достаточно. Просить еще было бы неучтиво.

Но боязнь задеть ближнего покинула нас, едва мы улеглись на жесткой, как камень, коровьей шкуре. Теснота не позволяла лечь на спину, оставалось спать на боку, стараясь не думать о ноющих костях. Дуглас обладает прирожденной способностью засыпать сразу, стоит ему закрыть глаза; этот простейший способ он применил и теперь, мерно вдыхая дымный воздух. Не знаю, как себя чувствовал Ален, мне же, чем дальше, тем меньше хотелось спать. В конце концов я встал, отыскал свои ботинки, пробрался к двери, послушал, как снаружи дует ветер, и сказал:

— Пойду погуляю.

Никто не отозвался, мои товарищи спали мертвым сном.

Зато на дворе кипела жизнь. Довольные коровы жевали свою жвачку, в отдельном загоне топтались козы. Я выбрал место на земле подле хижины, с подветренной стороны, и попробовал применить чудесный способ Дугласа. Закрыл глаза. Улегся поудобнее. Изобразил улыбку и начал глубоко дышать. Подошла любопытная корова и дохнула мне в лицо чем-то отнюдь не похожим на чистый ночной воздух. Я замахал руками; корова мотнула рогами и

отступила. Потом у самой моей головы за колючей изгородью заметалась коза. Не знаю, что с ней стряслось, но, несомненно, что-то ужасное. Она бляла, бляла, как одержимая, — ужасный звук, вобравший в себя все страдания земного шара. Наверное, такой же звук, глухой и вместе с тем пронзительный, издавал бы мужчина, если бы ему довелось рожать. Нищий, который вместо обезьяны водил бы с собой эту козу и заставлял бы ее вот так блять, выжал бы сострадание из самого лютого и подлого ростовщика, какого когда-либо видел свет. Эта коза явно играла не ту роль, которую заслуживала. Ее талант пропадал зря, тратился лишь на то, чтобы не давать мне уснуть...

Утром все проснулись с первыми лучами солнца, хотя внутри навозных коконов по-прежнему было темно. Женщины согнали вместе коров и начали дойку, а я еще немного подремал, пока не проснулся от щекотки. Мои пятки соблазнили двух ребяташек, и они вооружились перьями. Я запустил в негодников увесистым комком навоза, они без труда увернулись и помогли мне разбудить моих товарищей. Дуглас и Ален признались, что ночью сквозь сон слышали бляние, решили, что кто-то душит козу, но ее судьба их ничуть не беспокоила. Теперь они, хотя и не сразу, оторвались от своего ложа и выбрались наружу, чтобы насладиться утренним воздухом. Хозяева давно встали, и мы воспользовались случаем выразить свою благодарность. Женщины держались в сторонке, занимаясь своим делом. Мужчины сказали, что один из них может проводить нас и показать, как лучше пройти к дороге. Это предложение было нами принято с величайшей радостью. Только мы собрались идти за нашим проводником, как здоровенная корова повернулась ко мне и громко замычала. В моем репертуаре тоже есть такой звук, и я ответил тем же. На корову это никак не подействовало, зато произвело неотразимое впечатление на молчаливых женщин. Держась за бока, они громко, от души хохотали.

— Лучшего заключительного номера ты все равно не придумаешь, — сказал Дуглас, и мы покинули маньятту.

Сперва мы заглянули туда, где оставили гондолу, и убедились, что все в порядке, после чего начался трехчасовой переход до шоссе. Мы трусили по каменным плитам, форсировали русла высохших рек, продирались сквозь колючий кустарник — словом, прогулка как прогулка. Вот только жажда нас донимала. Масаи подобно многим другим народам привыкли обходиться прожиточным минимумом, им невдомек, к каким излишествам мы приучены. Наш проводник, наверное, ничего не ел и не пил перед выходом. И будет терпеть почти до вечера, когда вернется в свою маньятту, пройдя в общей сложности около тридцати километров.

К тому времени, когда мы наконец добрались до дороги — пыльной каменной ленты, петлями уходящей вдаль, никто уже не говорил о напитках — тема была слишком острая. Проводник простился с нами, и мы сели под деревом ждать попутной машины. Не прошло и часа, как показался форд «консул», битком набитый пассажирами, среди которых был очень больной на вид ребенок. Мы втиснулись в кузов и через два часа выскочили из него в предместьях Найроби. Легко представить себе, как выглядела наша троица после такого перелета и ночевки в маньятте, но зато на душе было радостно. Думаю, не только я, но и оба моих товарища не переставали удивляться тому, что в нашем распоряжении шесть работоспособных ног и все повреждения ограничиваются разбитыми коленками Алена да загадочным пятном крови у него на плече. Правда, одежда превратилась в лохмотья, но ее вид толькошний раз напоминал, как нам упорно везет. Бодрыми шагами мы поднялись к дому Алена, вошли во двор и постучались.

Десять минут спустя, выслушав устный отчет обоих слуг, прочитав письменные сообщения и получив дополнительную информацию по телефону, мы ясно представили себе,

что происходило в наше отсутствие. В каком-то смысле повторилась история, происшедшая в Карату, с той разницей, что на этот раз очевидцы промолчали. Ни летчик, который видел, как мы сели, ни его пассажир, который сделал запоздалую попытку сфотографировать нас сверху, не уведомили власти, что мы благополучно приземлились. Они вернулись в аэропорт Вильсон — место нашего старта — и никому ничего не сказали про нас. И власти, располагая только слухами о наших акробатических упражнениях в воздухе по обе стороны гряды Нгонг, распорядились начать розыски аэростата. Вылетел полицейский самолет, второй стоял наготове с всевозможным снаряжением. Были разосланы автомашины в разные места, где мы могли приземлиться. Теперь надо было срочно отзывать обратно всех спасателей...

Только на третий день мы смогли выехать из Найроби в Серенгети. Сперва надо было уладить вопрос о непрошеном розыске, а на это потребовалось некоторое время и уйма извинений. Вместе с Аленом я отправился в авиаотряд полицейского управления. Пилот не был в обиде на нас, но как-никак мы ему причинили немало хлопот. Военные предоставили в распоряжение спасателей самолет с парашютистами; пришлось нам сходить и к ним. Команда начать поиски была отдана Управлением гражданской авиации, которое не располагало данными, говорящими о том, что в этом нет необходимости; мы подробно объяснили в управлении, как все было. Содовый завод в Магади, неподалеку от которого мы сели, держал наготове санитарную машину; мы извинились перед ними по радио. Одна найробская газета посчитала наш случай ярким примером разбазаривания государственных средств и заявила об этом во всеуслышание. Пришлось мне снова идти по кругу с повинной; к счастью, оказалось, что затронутые инстанции не согласны с газетой. Да, авионавтика — это не только умение вовремя сбросить горсть песка и потравить малость газа.

Я установил, что решению начать розыски способствовали три обстоятельства. Во-первых, многие на аэродроме знали, что мы потеряли деталь от распределительного вентиля. Знали также, что исправленный ventиль действовал отменно, тем не менее власти были встревожены. Во-вторых, — тут все были согласны — погода в тот день выдалась не идеальная. Получив сведения о наших промежуточных посадках, в Найроби справедливо заключили, что эти посадки не входили в наши планы. Однако решающую роль, думается мне, сыграло третье обстоятельство. В том самом районе, где сели мы, недавно погиб от жажды пилот самолета «Тайгер Мот», совершивший вынужденную посадку из-за нехватки горючего. Вместо того чтобы ждать около самолета, он пошел искать воду и помощь. И не нашел ни того ни другого. Спасатели довольно быстро обнаружили его машину, но самого летчика отыскивали, когда уже было поздно. Этот нелепый случай у всех еще был свеж в памяти, поэтому, когда мы пропали, немедленно развернули спасательные операции.

Кроме всех этих хлопот у нас была еще одна забота — шар. Втроем мы отправились на биржу труда, прошли сквозь толпу ожидающих африканцев к конторе и зарегистрировались в качестве временных работодателей. Нам нужно было шестнадцать человек, чтобы забрать гондолу, оболочку и различное снаряжение в точке, лежащей примерно в пятнадцати километрах к западу от магадийской дороги. Немного погодя нам вручили шестнадцать удостоверений личности, мы пригласили их владельцев и двинулись в путь со своим отрядом.

— Какая будет работа? — спросил чей-то голос.

— Вынести из зарослей шар, тот, который вылетел отсюда вчера.

— А! О! — вскричали они. — Мы сразу поняли, что работа будет тяжелая, по вашей одежде и обуви было видно, когда вы пришли на биржу.

От Найроби до Нгонга дорога шла через плодородный возделанный край. За грядой простирается жаркая, сухая местность и, кроме колючих кустарников, с которыми мы уже успели познакомиться, ничего не растет.

— Гляди, сколько земли, — сказал один из наших рабочих; они, должно быть, все были уроженцы Найроби. — Вот где можно разбогатеть! Выращивать кофе. Выращивать кукурузу.

— Слишком сухо, — заметил другой. — Тут орошение нужно.

— Взял да пробурил колодец, вот тебе и вода. Вот тебе и богатство. С этим районом надо что-то сделать. Были бы люди.

В эту минуту у лендровера Алена лопнула шина. Пока он менял колесо, африканцы вылезли поразмяться. Они пинали ногами колючие кусты. Они рылись в пыли на дне высохшего русла. Они прыгали с камня на камень. И обмахивались, изнывая от зноя в бесплодной, выжженной солнцем долине. Но вот колесо заменено, и все забрались обратно в кузов.

— Пожалуй, кофе тут не вырастет, — сказал кто-то.

— Пожалуй, тут ничего не будет расти. Придется искать другой участок.

Дорогу нам торопливо пересек неуклюжий жираф, и те, кто впервые видел жирафа, дали волю своему удивлению — до чего же странные животные существуют на свете! Кофе было забыто; теперь все обсуждали, не стоит ли заняться охотой на жирафов. Какое у них мясо? Или добыча вся будет кожа да кости?

И вот мы добрались туда, где вышли на дорогу несколько дней назад, изнывая от жажды. Свернув с дороги, мы проехали еще сколько было можно (тряска была такая, что все разговоры прекратились), затем вышли из машины и продолжили путь пешком. На сей раз отыскать аэростат и доставить его к машине было несложно, но поту мы пролили немало. Встретили трех масаек, явно пораженных зрелищем такой активности со стороны мужчин, а вообще кругом было безлюдно и пустынно. Всюду царил триумвират: колючки, лава и пыль. Эти самые колючки напомнили о себе двумя проколами, когда мы поехали обратно. Наконец на Деламер-авеню мы рассчитали нашу бригаду, уплатив по шиллингу на брата сверх обусловленного.

Так через пятьдесят четыре часа после старта завершилось для нас воздушное ралли. Приключений было много, даже чересчур много, но не спеша пройти над огромными стадами копытных нам опять не пришлось. Эта мечта превратилась уже в навязчивую идею, однако и на этот раз мы не смогли сделать то, что составляло смысл нашей затеи... Теперь вся надежда на Серенгети! Эта огромная область, эти ровные просторы, изобилующие животными, должны нас выручить. Мы не будем связаны никаким графиком, выберем подходящий день и час для взлета, место для старта годится любое, важно только, чтобы по ветру были большие стада. На этот раз мы непременно добьемся успеха. Сами решим, как, где и когда стартовать.

Обычно из Найроби в Серенгети можно попасть по сравнительно прямой дороге через Нарок. К сожалению, эта дорога уже несколько месяцев как вышла из строя, так что нам предстоял объезд по знакомым местам.

Сперва мы проехали от Найроби до Аруши. По пути мы врезались в огромное облако саранчи, после чего нам долго пришлось чистить ветровые стекла. Из Аруши мы двинулись на юг по Большой северной магистрали (по дороге чинили помпу), затем у Макаюни свернули вправо на Маньяру. В Мтувумбу, как уже повелось, выпили с обоими индийцами холодной кока-колы и обсудили проблемы авиации с теми из нашей старой наземной команды, кто пришел нас поприветствовать. На крутом подъеме за Мтувумбу лопнула рама прицепа; нам ее исправили в гостинице «Маньяра». Дальше направились к Нгоронгоро, где забрали оставленное лагерное снаряжение. И наконец, миновав Винди-Гап и первую площадку, с которой намечался старт нашего полета над кратером, принялись отсчитывать петли на долгом спуске к равнине Серенгети.

Бывают первые впечатления, навсегда врезающиеся в память. Я никогда не подозревал, что район Серенгети так прекрасен. Сперва шла пересеченная местность, но после Олдовайского ущелья, когда машины выбрались на великую равнину, у меня дух захватило. Наша колонна состояла из трех машин (Ален захватил еще одну из своих), так что я один сидел в кабине «джипси» и мог свободно выражать свое изумление и восхищение, каскады

бессмысленных слов извергались, никого не раздражая. Люблю, особенно под гул мотора, кричать, выражая свой восторг при виде волшебного ландшафта. Люблю в песне излить ликование, вызванное картинами, которые открываются моим глазам. И теперь, сидя в скрипучей машине, вместе с ней подскакивая на ухабах, я говорил, и пел, и кричал, и мне все не верилось, что такое место в самом деле есть на свете. Три машины катили вперед по равнине, и тысячи животных трусили рядом с нами.

Конечно, и в кратере Нгоронгоро была тьма животных, но там так не поездишь. Нельзя развить хорошую скорость, нет никакой уверенности, что доедешь до намеченного места — скалы, болота, сама почва связывают вас. А здесь, в Серенгети, где земля скатертью расстилалась перед нами и вдали манил горизонт, можно было ехать, ничего не опасаясь. Животные заразили нас беспечным отношением к земле, по которой они бежали, — чувством, которое гармонировало с их собственным упоением и восторгом. Они скакали рядом с нами, колотя землю копытами, и мы помогали им превращать почву в летучую пыль.

Мы шли с большим интервалом — что за радость дышать пылью из-под колес идущей впереди машины! — и каждый из нас был один в своем рокоющем мире. Можно подумать, что есть инстинкт, не позволяющий животным терпеть, чтобы их обгоняла машина^[13]. Они рвутся вперед. Когда машина их настигала, все эти гну, зебры и газели удваивали скорость. Во что бы то ни стало им надо было обойти нас, взять верх над нами. И они бежали все быстрее и быстрее. Как нацелятся куда, уже не свернут, хотя бы грозило столкновение; лучше все силы обратят на то, чтобы не уступить первенства. От этой страсти к соперничеству содрогалась земля кругом. И мчались наперегонки наши лошадиные силы и мелькающие конечности копытных. Звучало традиционное приветствие Серенгети.

Не только большие гну и зебры одержимы этой страстью, газели Гранта и Томсона также подвластны ей. Но если первые тяжело скакали рядом, то вторые прыгали и пританцовывали, и так это у них получалось очаровательно. Казалось, гонка их ничуть не утомляет. Сколько бы ни бежала газель, она все так же легка на ногу, не сопит и не фыркает. Только что лежала на земле, теперь встала, по щуплому телу словно пробегает дрожь — и вот уже мчится, прыгает, рывками летит по степи...

Много дней спустя в том самом месте, где я впервые увидел Серенгети, встретила меня группа немцев. Они о чем-то разговаривали, но один старик стоял особняком, глядя назад, на широкие просторы, через которые только что проехал. Казалось бы, много ли радости ему трястись на ухабах, однако он был счастлив. Он долго подбирал нужные слова, душа была в плену увиденного, наконец произнес скрипучим голосом:

— Я старый человек. Много повидал. Но такого дня, как сегодня, в моей жизни еще не было. Волшебный день.

Он сделал ударение на прилагательном и в изумлении покачал косматой головой.

— Ну, поехали, посмотрим еще одного льва, — позвали остальные, усадили его в машину и повезли к очередному льву.

Но голова старика все еще покачивалась, он никак не мог прийти в себя от изумления.

Я тоже, впервые увидев Серенгети, качал головой, не веря своим глазам. То одна, то другая машина отставала из-за прокола, и мы останавливались, чтобы подождать ее. Магадийские шипы продолжали нам докучать, но они же помогли продлить эту чудесную поездку. В одном месте Ален резко затормозил и, не дожидаясь полной остановки, выскочил из машины. На бегу он сорвал с себя рубашку, потом запрыгал, держа ее перед собой. Мы с Дугласом тоже нажали на тормоза, подбежали к нему и увидели кобру с раздувшейся шеей.

— Она не плюющаяся, — запыхавшись, произнес Ален и продолжал свой танец.

Змея не сводила с него глаз и время от времени делала выпад против рубашки. Дуглас

тоже забегал кругом, стараясь поймать обоих в видеоискатель. Полутораметровая кобра то подавалась вперед, занимая новый рубеж для атаки, то поднималась над землей, обороняя старую позицию, и я вспомнил рассказ Киплинга про кобру, которая, как стрела, бросалась на мангуста.

— А вдруг она надумает атаковать и ринется прямо на нас? — Я с детства нерушимо верил каждому слову Киплинга.

— Не ринется, — выдохнул Ален. — Разве ты не видишь — это и есть атака. Быстрее двигаться она не может.

И сразу старая история утратила всю свою прелесть, а сама кобра вдруг юркнула в нору. Дуглас возмущенно глядел на опустевшую сцену. Как это так змея ушла, не дожидаясь конца съемок.

На ночь мы остановились в Серонере, маленьком красивом поселке в центре национального парка, занимающего площадь около 12 800 квадратных километров. По соседству с поселком можно увидеть характерные для Африки огромные гранитные плиты, стоят акации, дающие желанную тень. Большинство приезжих размещаются в очень практичных круглых домиках с крутыми конусами крыш.

Утром мы раздобыли две стовосьмидесятилитровых бочки для воды, запасли также побольше бензина, сказали о наших планах дежурным инспекторам и отправились искать место для лагеря.

Около Нааби, километрах в сорока пяти от Серонеры в сторону Нгоронгоро, мы облюбовали себе площадку. Нааби — маленький холмик, вершина которого возвышается всего на каких-нибудь тридцать метров над равниной; тем не менее с него открывается великолепный вид. Ландшафт кругом настолько плоский, что видно вдаль на много километров. Мы поставили палатки под деревьями с восточной стороны холма, затем приступили к рекогносцировке. Водород ожидался только через пять дней, и у нас было вдоволь времени, чтобы подготовить полет. Надо было установить, куда и с какой силой дует ветер, а кроме того, выяснить, где искать стада и когда они перемещаются.

Впрочем, в первое утро некоторые животные сами решили познакомиться с нами. Я услышал сквозь сон какие-то звуки и окончательно проснулся, когда в палатку заглянул Ален.

— Не шумите, — сказал он. — Лев пришел, в пяти метрах от нас ходит.

Мы с Дугласом тихонько поднялись с кроватей и выглянули. В самом деле, молодая львица присвоила себе одно одеяло и играла с ним, почти как котенок с клубком шерсти. Затем из кустов беззвучно выскользнула вторая львица и ухватила за другой конец одеяла. Сразу в нем появились большие дыры, и оно впрямь стало похоже на клубок шерсти. Его не стащили ни с чьей кровати, оно лежало и сушилось около палатки Киари. Когда мы собирались накануне, я проявил небрежность, в итоге вечером одно одеяло оказалось пропитанным бензином, а одна канистра — пустой. Мы расстелили одеяло на земле, чтобы выветрился запах, а оно чем-то привлекло львиц, и теперь оставалось его только выбросить.

Пока львицы состязались, кто кого перетянет, с другой стороны появились два льва в лучшем возрасте, с великолепными гривами. Присмотревшись хорошенько, мы разглядели в кустарнике среди деревьев еще несколько львиных голов, а шуршание коры говорило, что один лев решил вскарабкаться на дерево. Лагерь оказался в центре львиной активности, но звери спокойно воспринимали наше присутствие. Все внимание львов было обращено на львиц, а львицы увлеклись расправой с одеялом. Любитель деревьев, очевидно, был вполне доволен своей позицией на суку, а те, которые затаились в траве, незримо наслаждались там утренним воздухом.

К сожалению, мы не могли вечно пребывать в неподвижности, любуясь львами из своих

палаток. Киари как ни в чем не бывало приступил к повседневным делам; мы начали одеваться. Львы наконец снизошли до того, чтобы заметить нас, и не спеша побрели прочь, захватив с собой остатки одеяла. Мы сели завтракать. Начался наш первый день в национальном парке Серенгети.

Ландшафт национального парка — все эти 12 800 квадратных километров почти совершенно плоский, так как в прошлом всю область занимало озеро Виктория. Разрушенные склоны Олдовайского ущелья помогли палеонтологам установить, как озеро наступало и отступало, как тысячелетиями откладывало осадки, как кормились жившие по его берегам люди. Животные в ту далекую пору отличались от нынешних. Одних истребили, другие видоизменились, но ландшафт в общем остался тем же. Возраст древнейших останков человека, найденных в ущелье, определяется в 1 миллион 750 тысяч лет. Тогда здесь обитали охотники; они питались мясом животных, которых ловили хитростью или убивали на равнине.

Теперь от ущелья до озера Виктория далеко. По берегу озера проходит западная граница Серенгети, оттуда заповедная территория простирается на восток почти до самого Олдова. Раньше ущелье тоже входило в национальный парк, но, когда выделили заповедник Нгоронгоро, ущелье отнесли к нему. Нынешняя граница между парком и заповедником не совпадает ни с какими естественными рубежами и вовсе не учитывает естественную миграцию животных. Стада свободно могут выходить из парка, что и происходит. В этом не было бы ничего плохого, но правила охраны, действующие в парке, соблюдаются далеко не так строго в заповеднике, не говоря уже про области, лежащие дальше на север или на юг, где животных никак не охраняют. Границу национального парка обозначают стоящие редкой цепочкой бочки с землей. В пределах этой границы инспектора ревностно применяют власть, которой они наделены. За ее пределами и там, где нет хотя бы заповедника, формально тоже действуют некоторые правила, охраняющие животных, но от них мало проку. Живущие вне границ парка африканцы справедливо видят в животных источник своего существования. Такая система, когда животные на свою погибель свободно уходят из-под опеки, приводит в отчаяние инспекторов. Впрочем, на огромной территории Серенгети им все равно хватает работы.

На первых порах главной задачей инспекторов было истреблять опасных зверей. Они убивали львов, ставших людоедами, стреляли взбесившихся слонов. Сопровождали также очередных «охотников», которые приезжали, чтобы обратить кучу денег в кучу окровавленных трофеев. Потом наступила пора, когда первой заботой инспекторов стало не дать животным полностью вымереть. Сотрудники национального парка, как могли, боролись с заболеваниями, преследовали браконьеров и хватали их тысячами. Собирали и уничтожали ловушки и самострелы. Сражались с засухой, с наводнениями, с добытчиками слоновой кости и рога носорогов. Словом, всячески старались наладить охрану животного мира.

Теперь все проблемы основательно изучены и никого уже не поражают. Старые трудности еще не изжиты, и ситуация остается угрожающей, но хоть планы позволяют на что-то надеяться. В конце концов всегда настает время, когда после многолетних лобовых атак начинают подумывать об обходных маневрах. Прежде инспектора боролись с браконьерами, не обладая надлежащими средствами для такой борьбы. Ныне предложены планы, как увеличить эти средства, как добиться того, чтобы национальный парк был, так сказать, источником не только красоты, но и белка, как превратить браконьеров в надсмотрщиков, с выгодой использовать избыточный прирост стад, принимать туристов и пускать в оборот их деньги, как сделать сокровищницей крупную дичь, кое-где ставшую

тяжелой обузой.

Все это будет нелегко осуществить. Попытки управлять природой наталкиваются на ожесточенное сопротивление самой природы. В Кении вымирающих от жажды слонов удалось обеспечить водой. Они быстро ожили и, освобожденные от необходимости постоянно искать источники, принялись опустошать возделанные районы. До сих пор какой-то непонятный импульс побуждает сотни слонов сдирать кору с баобабов, обрекая деревья на гибель. Они сами уничтожают среду, от которой зависит их жизнь.

Незнание — великая беда. Чтобы придумать обходный маневр, надо проникнуть в суть проблемы. Почему слоны воюют с баобабами? Как часто можно лишать животных водопоя, принуждая их переходить на новое место? Чем вызваны миграции гну? Нередко они оставляют хорошие пастбища с водопоем и переходят в худшие районы. Почему? Сколько съедает за день лев, часто ли он испытывает потребность в пище и почему численность стаи колеблется, хотя мяса вдоволь? Большинству заболеваний животных присвоены немудреные названия, какими люди обозначали свои собственные недуги в ту пору, когда еще не знали причин, а только пагубные следствия. Наука и медицина должны помочь решить проблему крупных животных. Только в 1961 году в Серенгети приступил к работе первый научный сотрудник на штатной должности. Только в начале 1962 года появилась маленькая лаборатория. Перед ней — непочатый край работы. Незнание так велико, что научным сотрудникам — их теперь четверо, наверно, труднее всего решить, не как работать, а с чего начать.

До сих пор не установлено даже, сколько именно крупных животных обитает в Серенгети. Ошибка в последних данных может достигать 100 тысяч и больше голов. Подсчеты проводились с маленьких самолетов, которые летали в намеченные районы и кружили над каждым стадом. Прибегали к аэрофотосъемке, забираясь повыше на более мощных машинах, а затем не спеша учитывали пятнышки и точки, зафиксированные камерой. Наконец учетчики просто объезжали всю область на автомашинах. Участники всех этих затей трудились очень прилежно, однако итог каждой очередной переписи заметно отличается от предыдущей.

Например, «по грубым подсчетам» Пирселла, в 1956 году в Серенгети обитала 101 тысяча гну. В 1957 году Свиннертон «весьма приблизительно» определил их численность в 180–200 тысяч. Отец и сын Гржимеки в 1958 году насчитали с воздуха 99 481 гну. Тремя годами позже Толбот и Стюарт, произведя аэрофотосъемку, сообщили цифру — 221 699 гну. Такой же разницей видим в подсчете с воздуха поголовья зебр. У Гржимеков итог — 57 199, у других — 151 006. Гржимеки видели 5172 антилопы топи^[14], Толбот и Стюарт — 15 766. Причин расхождения много, такие огромные стада трудно подсчитывать, тем не менее очень важно возможно точнее установить их истинную численность^[15].

Нас особенно интересовали наблюдения над популяциями, так как в этом деле аэростат, сдавалось нам, мог бы сыграть важную роль. Казалось бы, привязной аэростат, запускаемый в воздух в любой точке и позволяющий пассажирам спокойно обозревать ландшафт с высоты, скажем, трехсот метров, сулит большие преимущества перед самолетами и автомашинами. Мы должны были проверить свою догадку на практике. Однако не это больше всего занимало наши мысли, когда мы возвращались из очередной вылазки. Незабываемые картины вызывали у нас одно пламенное желание — сделать все, чтобы помочь сохранить Серенгети. То это были тридцать тысяч спугнутых кем-то гну, которые с грохотом промчались мимо нас, то стая бегущих по следу гепардов, или детеныш зебры на фоне бездонного неба, или топи — одинокий сторож на бугорке. Куда бы мы ни поехали в Серенгети и что бы ни происходило, всегда в памяти на всю жизнь оставалось чудесное зрелище. Мы приезжали

вечером в лагерь, опьяненные впечатлениями, а душа жаждала еще. Как и все, кто попадает в этот национальный парк, мы с первой минуты стали его поборниками. Серенгети наследство, которое нельзя расточать. Серенгети надо спасти, каких бы трудов это ни стоило; нельзя допустить мысли о его гибели. Если кто-нибудь думает иначе, пусть побывает там и приобщится к этой сокровищнице.

К тому времени, как мы добрались до Серенгети, я успел довольно хорошо узнать своих товарищей. Я не устал благодарить судьбу за таких спутников и с радостью отмечал, что нам удалось совсем обойтись без обычных для экспедиций споров и раздоров, настолько обычных, что я спрашивал сам себя, как это мы ухитрились их избежать. Очевидно, все дело в чередовании опасных переделок и напряженной работы. Мелочное раздражение, бич небольших замкнутых групп, копится постепенно. А что успело накопиться, сразу рассеивается после успешного поединка с грозной опасностью — такой, как восходящие воздушные течения над Рифт-Валли. Способность злиться по пустякам не выживает в такой обстановке, для нее просто нет места.

А впрочем, не возвожу ли я напраслину на моих товарищей? Что-то подсказывает мне, что Дуглас в любой обстановке нашел бы способ не тратить своей энергии на пустые препирательства, Ален же предпочел бы заняться чем-нибудь другим. Проверить эту догадку мне не пришлось — не было случая. Флегматичность Дугласа была просто непостижима. Как-никак, мои трюки с шаром сплошь и рядом подвергали его жизнь опасности, однако он ни разу не вмешался в вопросы пилотирования, считая, что авиация — мое дело, а его дело — съемки. Сверх того, он явно был не способен таить в душе обиду. Однажды я бросил его на дороге под палящим солнцем, чтобы съездить за каким-то болтом. Я обещал обернуться за пять минут, но в пути случился прокол, а запасная шина оказалась не накаченной. Как назло, и болт не сразу нашелся. В итоге прошло больше двух часов, прежде чем я вернулся к Дугласу, которому даже негде было укрыться от зноя. Насколько мне помнится, между нами развернулся такой диалог:

Дуглас. Привет.

Я. Надеюсь, тебя не очень мучила жажда. Вот, полей.

Дуглас. Спасибо.

Я. Извини, что я так долго.

Дуглас. Ничего. Представляешь себе, тут недавно прошел один человек с двумя большими английскими булавками в ушах.

Я. Что ж, можно их носить и в ушах.

Дуглас. Пожалуй.

Я. Слышишь, мне правда очень неловко, что я долго ездил.

Дуглас. Пустяки. Хотелось бы мне знать, с какой стати он воткнул себе булавки в уши?

Я. А тебе не хочется знать, почему меня так долго не было?

Дуглас. Наверное, тебя что-нибудь задержало.

Я. Вот именно.

Дуглас. Ну вот.

Ален совсем другой. Уж он-то не смог бы спокойно сидеть и размышлять, зачем человеку носить в ушах английские булавки. Он вообще не способен сидеть на одном месте. Рано расставшись со школой, которая рассчитана на долгое и упорное сидение, он сперва пошел работать на мясокомбинат, однако вскоре заключил, что ему больше по нраву зоология, и решил заняться ею. Неделями, месяцами Ален бродил в лесах Восточной Африки, исследуя и снимая на кино пленку животный мир. Все его лагерное снаряжение составлял спальный мешок — заслуженный и горячо любимый Аленом «ветеран», из которого без конца лезли перья и которому был запрещен доступ в Серенгети, ибо инспектора посчитали сей дряхлый предмет слишком антисанитарным для приличного национального парка. Ален

купил новый мешок только после того, как старый лишился своего последнего пера.

Мать Алена служит в банке, только бы не сидеть в зверинце, в который превращен ее дом. Антилопа бонго^[16], которая под конец достигла веса около ста семидесяти килограммов, была Алену настолько дорога, что он вместо загона одиннадцать месяцев держал ее в комнате, предназначенной для гостей. А бабуин, которого Ален привез совсем молодым, шесть лет жил в доме. На первых порах он ко всем относился почтительно. Потом, как это свойственно многим стайным животным, он захотел повелевать и живо подчинил себе мать и сестру Алена, однако сам Ален ему не покорился. Шесть лет Алену удавалось перекричать жильца, издавая характерный для бабуинов звук — низкое, гулкое «угу-гу», но затем бабуин окончательно вышел из повиновения и вообразил себя хозяином, причем в его понимании это — увы! — означало, что можно безобразничать, кусать кого попало и вторгаться во владения соседей. Зверь в нем взял верх, и это его погубило: с бабуином пришлось расстаться.

Если не считать мясокомбинат, первый заработок Алену принесли змеи. Он наловил кучу рептилий и выставил их на каком-то местном празднике. Повесил вывеску «Рептилии Рута», назначил входную плату и принялся пожирать плоды своих трудов. Теперь, когда ему исполнилось двадцать четыре года, его дела идут еще лучше. Ален отснял большую часть материала для фильма Гржимека «Серенгети не должен умереть»^[17], и съемки животных остаются его главным занятием. За год до нашей экспедиции он женился на Джоун, отличной, работающей девушке, которой на вид дашь не больше восемнадцати и которая чувствует себя в лесу так же уверенно, как сам Ален. Родители Джоун сопровождали туристов в путешествиях по Восточной Африке, и, как только она подросла настолько, что могла держать в руках кухонное полотенце, они стали брать ее с собой.

Следующий член экспедиции — кикуйю Киари, повар Алена. Крутые дуги бровей придавали ему вечно удивленный вид. Киари скверно чувствовал себя в родной среде львов и носорогов и явно предпочитал Найроби, но он был чрезвычайно старательным, приветливым и обязательным человеком. Один раз нам удалось заманить его в гондолу и на несколько минут поднять в воздух. Я уверен, что Киари чувствовал себя очень худо, однако он старался не показывать виду, потому что перед ним на шаре по очереди поднялись все члены наземной команды. Только брови его чуть не слились с курчавой шевелюрой.

На Киари мы и закончим знакомство с нашим отрядом. Каждый день мы покидали лагерь и отправлялись в экскурсию по Серенгети. В парке всегда было на что посмотреть. Вот гепард крадется сквозь траву, а в следующую минуту он помчится, словно борзая, огромными прыжками. Вот леопард, прильнув к земле, ползет так, будто ноги его атрофированы и для передвижения, как у змеи, служат ребра. Однажды мы в сильный ливень наблюдали, как три львицы поочередно атаковали больную зебру. Все три потерпели неудачу, потому что бросались на нее, не успев подобраться достаточно близко к испуганному животному. Обычно львы подкрадываются к добыче вплотную, они плохие преследователи, что и доказала зебра, спасаясь бегством.

Наши наблюдения Ален дополнял рассказами. Больше всего мне понравилась история про бабуинов и леопарда. (Напомню, что бабуины любимая пища леопардов, и ничто не действует так устрашающе на этих обезьян, как запах их врага.) Однажды Ален увидел леопарда, который быстро пересек полянку и взобрался на дерево. Сразу после этого на полянке появилось с полсотни бабуинов — идут, покачиваются, гордые, важные, надменные, чрезвычайно довольные собой. Впереди, раскачиваясь особенно сильно, выступал бабуин покрупнее — вожак, король. Каждое его движение, каждый мускул обличал предводителя. Вдруг он почуял запах леопарда и с громким воплем подскочил высоко в воздух. Ноги его,

совсем как у диснеевской собаки, побежали еще в воздухе, и, коснувшись земли, он ракетой пустился наутек. В одну секунду поляна опустела, виден был только свисающий с дерева длинный хвост леопарда.

Леопарды разными способами добывают свое любимое блюдо. Один из самых простых — доконать жертву страхом. Завидев приближающегося хищника, перепуганные насмерть бабуины с визгом мчатся к ближайшему дереву. Леопард усаживается внизу ждать, нервное напряжение на дереве растет. Вот пятнистый зашипел, и сразу визг звучит громче, с новой силой разгорается драка за лучшее место. Через пять минут опять шипение. Страх переходит в панику, бабуины лихорадочно ищут места побезопаснее. Опять шипит. Опять слышен визг, опять идет возня. И вот уже чьи-то нервы не выдержали. Отчаянным прыжком один из бабуинов пытается достичь соседнего дерева, но леопард прыгает еще стремительнее — обед обеспечен. И тотчас напряжение спадает. Жизнь возвращается в обычную колею — до следующего раза.

На огромных просторах Серенгети число особей тоже огромно. Не одна стрекоза порхает в вечернем воздухе, а сразу тысячи. Вокруг каждого дерева переливаются рои трепещущих крылышек, а со всех сторон летят еще и еще... Или взять турачей^[18]. Едем на машине, вдруг из-под самых колес взлетает пара турачей и тут же снова ныряет в траву. А за ними, будто по сигналу, и другие пары повторяют этот маневр. Подпустят машину вплотную, метнутся в сторону и снова садятся. Так продолжалось много километров. Можно было подумать, что перед нами одна и та же пара, пока спектакль неожиданно не прекратился. Сменилась трава, и фауна тоже изменилась.

Когда ведешь машину в Серенгети, это чем-то напоминает пилотирование самолета: чтобы в кратчайший срок кратчайшим путем достичь намеченной точки, надо ехать по компасу или держать курс на какой-нибудь приметный ориентир вдалеке. Летчик, который сбился с курса, произвольно отклоняется в сторону солнца. Я поймал себя на том же в Серенгети. Приходилось все время следить за собой, чтобы ехать по прямой, а не по дуге.

Удивительны вечера в Серенгети. Было грустно, когда угасал дневной свет, но обилие звуков возмещало утрату. Смотреть, как лев медленно шествует мимо вашего лагеря, — это здорово, однако нисколько не хуже внезапно услышать львиное рыканье в темноте, в полусотне метров от палатки. Сидя у костра и тихо переговариваясь, мы ловили каждый звук и пытались представить себе, что происходит в ночи. Иногда это было не трудно, как в тот раз, когда неподалеку от лагеря сначала долго ворчали львы, потом на смену их рыканью зазвучал истерический вой подходивших с разных концов гиен. Слышно было, как идет потасовка, время от времени кто-то взвизгивал от боли.

— Похоже, из-за добычи дерутся, — сказал Ален. Мы сели в машину и поехали на шум.

С помощью прожектора мы быстро установили, в чем дело. Наше появление заставило удалиться двух львов, но полтора десятка шакалов и десяток гиен не захотели расстаться с убитой гну. Подъехав поближе, мы выключили мотор и направили прожектор на наполовину съеденную антилопу. Безмолвная ночь придавала всей этой картине какую-то театральность. Мы чувствовали себя зрителями спектакля, разыгрываемого на подмостках. Вой прекратился, как только мы прибыли, и дальше все происходило без звука. Звери вбегали на сцену и убегали обратно, бесшумно ступая по земле. Мясо они рвали тоже почти беззвучно. В темноте все время загорались новые глаза одного цвета, когда они смотрели прямо на нас, другого, когда их что-то отвлекало. Мы сидели, будто замороженные, до тех пор пока кости гну не были обглоданы начисто. Спектакль кончился. Сцена — маленькая прогалина среди кустов — опустела, актеры разошлись и исчезли во мраке.

На пятый день, как было условлено, прибыл газ из Найроби. Мы слышали на

Серонерской дороге мощный гул двух тяжелых грузовиков и завернули их в наш лагерь. Пришел конец наземным съемкам и наземным наблюдениям. Предстоял новый перелет. Но теперь рисковать не будем, стартуем только в урочный час, когда мы сами, ветер, прогнозы, животные — все будет, как говорится, в ажуре. Эти шестьдесят баллонов водорода не будут потрачены на воздушную акробатику. На этот раз мы добьемся своего, пролетим как можно ниже над наиболее многочисленными табунами.

В день приезда грузовиков дул свежий северо-восточный ветер, и вообще все было слишком неопределенным, чтобы назначить старт на завтра. Поэтому мы предложили рабочим пока отдыхать, а сами приступили к последним приготовлениям. Я давно не занимался оболочкой; между тем беглый осмотр в Нааби показал, что она находится в скверном состоянии. Посадка около масайского стойбища обошлась нам дороже, чем я думал.

Обычно оболочку латают, когда шар наполняется газом. Секция за секцией поднимаются до уровня ваших глаз, вы отыскиваете проколы и заклеиваете их. Давление внутри частично наполненной оболочки так мало, что утечка в поврежденных местах совершенно незначительна и можно успеть все починить по сути дела без потерь. Однако на сей раз я убедился, что речь идет не столько о маленьких проколах, сколько об изрядных дырах. Требовался основательный ремонт еще до наполнения.

Дело это нехитрое, но утомительное. Я забрался внутрь оболочки и то на четвереньках, то стоя высматривал дырки, сквозь которые пробивался извне яркий свет. Джоун снаружи помечала их крестиком, за ней шел Дуглас с клеем и заплатами. Если вы хотите в несколько часов сбросить пять-десять килограммов, возьмитесь искать дыры в оболочке аэростата. Внутри шара поту некуда испариться. Он липнет к коже. Он течет по ней струйками. Он ест глаза. Тем временем несчастный, попавший в душную ловушку, силится припомнить, был ли он уже в этом уголке лабиринта, осматривал или нет эту скользкую складку. В конце концов мы решили, что работа завершена, и жадно принялись поглощать напитки, чтобы возместить утраченную влагу.

Пополудни, захватив мешки, мы отправились к барханам за песком. Удивительное явление эти серповидные холмы. Они образуются там, где на почве достаточно песка и ветер постоянно дует в одну сторону. Песок скапливается вокруг какого-нибудь камня, куча растет, превращается в изогнутый полумесяцем холм и наконец начинает перемещаться. Рога полумесяца вытянуты по ветру, и вся формация поразительно симметрична. Перемещаясь (на два-три сантиметра в день при сильном ветре), бархан стонет, так как сухие песчинки трутся друг о друга с жалобным звуком. Мы облюбовали себе один бархан и застряли на нем до вечера. Он был высокий и крутой, и мы скатывались с гребня вниз, как на санках. Покажите ребенку бархан, и он уже никогда не взглянет на обыкновенную песочницу. Их просто нельзя сравнивать. Во всяком случае такое ощущение было у нас, когда мы барахтались, кувыркались и прыгали по склонам певучего холма. Прошло часа два, прежде чем мы вспомнили про мешки.

На следующий день Дуглас и Ален поехали проверить, как перемещается табун, над которым мы хотели пролететь. Нам требовалось возможно точнее предугадать его движение, а это было нелегко, потому что последние дни табун оставался на месте, а раньше проходил в день до тридцати километров.

Ежегодная миграция здешних стад — капризный процесс. Никто не знает, чем она вызывается и почему идет так неровно. Вечером на горизонте сверкали молнии, днем в небе плыли свинцовые тучи, однако ни то ни другое не повлияло на животных. Наши наблюдения не подтверждали теории, будто стада трогаются с места перед дождем.

Интересующий нас табун представлял собой огромное скопление животных — около двадцати пяти километров в длину; тем не менее на свободно парящем шаре вполне можно было промахнуться. Малейшее изменение ветра, внезапный импульс в стаде — и стартовая площадка нас подведет. Оставалось ждать с выбором до последней минуты. Конечно, это не застрахует от промахов, но постараемся свести риск до минимума.

Наш план сводился к тому, что вечером все пять машин выедут за пределы Серенгети и сразу за границей парка, у дороги на Лолиондо, возле гряды, известной под названием Олдоньо-Гол, мы выберем для наполнения шара площадку километрах в пятнадцати от стада, с наветренной стороны. При этом надо учесть возможное передвижение животных за ночь. Рано утром мы стартуем с таким расчетом, чтобы пройти прямо над табуном. Для этого нужно наполнить оболочку в предрассветные часы. Делать это с вечера и на ночь поставить шар на якорь было бы безрассудством. Сколько раз мы просыпались в лагере от неожиданных шквалов, так что уж лучше сократить промежуток времени между заправкой и стартом. Буря в Маньяре проучила нас. Итак, в четыре утра мы пустим газ, на рассвете управимся с мудреной процедурой подвески гондолы и вылетим, едва подует первый утренний ветерок. А дальше... дальше перед нами будет вся обширная равнина Серенгети.

Под вечер Ален и Дуглас вернулись из разведки, сильно озадаченные поведением животных. Табун быстро перемещался по саванне около озера Лагая. При этом тридцать тысяч животных сбились так плотно, что длина табуна стала намного меньше двадцати пяти километров. Конечно, летя над Серенгети, мы в любом случае увидели бы множество животных, но для нас очень важно было пройти именно над таким скоплением. Мы поели и, захватив необходимые припасы, покинули лагерь. Следом катили оба грузовика.

Ален отделился от колонны, чтобы посмотреть, как двигается табун, и снова был немало озадачен. Животные совсем ушли от озера Лагая. Но они перемещались в прежнем направлении, и мы выбрали для старта площадку в пятнадцати километрах к югу от гряды Олдоньо-Гол. Четыре льва не спеша покинули поляну, не захотев смотреть, как мы будем готовиться к полету. Мы расстелили оболочку на брезенте, расправили все складки и укрепили стропы. Потом надели сеть, равномерно натянули ее и прицепили по мешку с песком к каждой четвертой клетке. Сняли с грузовиков баллоны, отвинтили колпаки, соединили десять баллонов коллектором и подключили его через шланг к патрубку. Укрепили клапан, подготовили гондолу. Оставалось лишь — в последний раз — пустить водород.

Все выглядело как нельзя лучше, но от этого мы только больше беспокоились. Малейшая перемена — и условия уже не будут идеальными, а тогда неизвестно, как обернется полет. Каждый порыв ветра пугал нас. Все заставляло настораживаться. Киари подал ужин. Мой строптивый желудок принял лишь малую часть. Потом он и ее исторг. Человеческий организм представляет собой комбинацию совершенно независимых частей, каждая из которых по-своему выражает недовольство или отвращение. Я решил, что сон во всяком случае необходим моим измученным нервам, и занял со своим спальным мешком место в ряду остальных коконов. Будильник, такой чужеродный в этом диком уголке, был заведен на четыре утра.

Последний перелет

Будильник зазвонил в точно назначенное время. Я посмотрел на небо. Легкая пелена слоистых облаков стала поплотнее — и только, никаких зловещих признаков. Можно вылетать. Натянув влажную от росы одежду, мы молча принялись за работу. Машины стояли капотом к шару, и мы включили фары перед тем, как Ален пустил водород из первой батареи. В ночи раздался резкий вой вырвавшегося газа, и «Джамбо» начал обретать положенную форму. Дуглас и я следили за мешками с балластом, цепляя их по мере наполнения оболочки за следующую клетку сети. Говорили мало, скорее бурчали, будто караульные на крепостных валах, встречающиеся в ночном мраке. Впрочем, шар растет так быстро, что два человека, разделившие его окружность пополам для работы, редко встречаются. Видишь только, что мешки переместились, да слышишь, как шуршит сеть, когда ее отпускают. Ален обеспечивал ровный приток газа; когда он подсоединял новые баллоны, звон стоял, точно в кузнице. Все выше поднимался могучий темный силуэт, заслоняя звезды.

В 6.15 рассвело; к этому времени мы почти закончили заправку. Кто-то выключил фары, и новый день начал проявлять краски. Естественно, прежде всего бросался в глаза застывший в недвижимом воздухе большой оранжевый шар. В условленное время прибыл на лендровере Мик Типпет, который работал на раскопках в Олдовайском ущелье и обещал нам выделить людей, чтобы помогли подвесить гондолу. Рабочие высыпали из машины и затеяли оживленный разговор с ребятами из Найробы.

Все в порядке. Пора выпить кофе и перекусить. Приятно было сидеть под благодатными лучами утреннего солнца и чувствовать, как горячий напиток проходит в желудок; радостно глядеть на покорно льющийся к земле шар. Тревога, как бы что ни случилось, давала себя знать, но пока все обстояло благополучно. Небо прояснилось. День выдался на редкость тихий, даже для Серенгети. Кофе даровал блаженство, какое только кофе может даровать.

В 7.30 подвесили гондолу. Никогда еще за всю экспедицию эта операция не проходила так гладко, и вот уже шар вознесся над нами. Я говорил, что высота «Джамбо» была около пятнадцати метров, и нарочно повторяю это, потому что его размеры всякий раз поражали меня. Между полетами, когда оболочка лежала, упакованная, в гондоле, мы успевали как-то забыть про величину аэростата. И очередная заправка всегда рождала ощущение чуда.

Наконец все готово для старта. По-прежнему царило безветрие, и я решил несколько раз поднять аэростат на привязи; прежде это редко удавалось, а в Найробы вообще ничего не вышло. Наземная команда зачала для надежности шар гайдропом за одну из автомашин, и мы отпустили его примерно на шестьдесят метров. Я пригласил несколько человек из числа наших помощников, и мы вместе высматривали из гондолы животных. Что говорить, отличный наблюдательный пункт. Спуск и подъем не составляли никакой трудности. Один человек вполне справился бы с аэростатом, но они все дружно тянули за гайдроп, словно хотели по сильнее стукнуть нас о землю. Я поднимал в воздух одну партию пассажиров за другой, и каждый раз мы с высоты обнаруживали новых животных. Наконец согретый солнцем воздух ожил, пришла пора отчаливать. Ветер, который должен был пронести нас над табуном, родился.

На Занзибаре, да и после, мы, приготовившись к старту, сразу пускались в путь. Позабыв в суматохе все правила приличия, срывались с места без единого рукопожатия. Особенно некрасиво получилось на Занзибаре, где нам помогали сотни людей и тысячи пришли нас проводить: мы небрежно помахали им с высоты тридцати — сорока метров и тем ограничились. Но в Серенгети, где была всего горстка провожающих, удалось наконец

провести сцену прощания так, как это подобает. Когда улетаешь на аэростате, особенно важно не обидеть остающихся на земле. Дуглас, Ален и я обменялись рукопожатиями с Джоун и Киари. Потом с ребятами, которые привезли газ, и с олдовайской бригадой. Таким образом, хотя, кроме нас, никто этого не знал, был заглажен проступок, совершенный на Занзибаре. Теперь «Джамбо» мог стартовать.

Как и следовало ожидать, старт получился из всех самым удачным. Это был не Эттен с его кирками, тополями и заводскими трубами. И не Маньяра с ее колючими акациями, и не Бирмингем, и не кручи Нгоронгоро, и не Найроби или какое-нибудь другое опасное место. На этот раз с подветренной стороны простиралась безбрежная гладь Серенгети. Не выбирая гайдропа, мы пошли вверх и остановились на высоте около ста метров новый рекорд. Скорость ветра здесь была примерно пять узлов, это нас вполне устраивало. Я решил провести этот перелет предельно собранно, уделяя стопроцентное внимание приборам. Я не видел никаких причин повторять, хотя бы в маленьком масштабе, наши прыжки через Нгонг и за Нгонгом. При малейшем указании на потерю высоты сброшу немного балласта, не допущу, чтобы мы опять падали с ускорением. Будем идти предельно ровно и спокойно. Конечно, к этому всегда надо стремиться, но в перелете из Найроби это было просто невозможно. Тогда обстановка сложилась так, что пришлось сбрасывать песок не горстями, а по полмешка сразу, и все равно мы стремглав летели к земле.

В это утро все было иначе. Мы сбрасывали не больше полгорсти за раз и летели как-то особенно элегантно. Первыми мы увидели внизу газелей Томсона. Они было оробели, но тут же успокоились и, прекратив бег, повернулись, чтобы проводить нас взглядом. Потом нас заметил носорог, который стоял метрах в пятидесяти от линии нашего курса; он даже хвостом не повел. Дальше мы разглядели сидевшую у своей норы гиену. Она затрусила по ходу нашего движения, двигаясь с той же скоростью, что и мы. Слышно было, как шуршит раздвигаемая косматым зверем трава. В это время шар начал терять высоту, и я сбросил немного песка прямо на спину гиене. У нас было задумано идти не ниже шестидесяти и не выше ста метров, лучше всего — посередине между этими отметками.

Постепенно у нас возрождалось доверие к аэростату. Тут нас не подстерегали никакие неприятности, не было ни моря, ни лесов, ни буйных воздушных течений, держалась поутреннему тихая погода. На востоке вдали кутался в облака Нгоронгоро; там нам явно пришлось бы несладко. Поближе, в нескольких километрах от нас, темнело, будто шрам, бесплодное, сухое Олдовайское ущелье. Прямо под нами были барханы, эти движущиеся песчаные холмы, которые заставили нас вспомнить детство. Рядом с барханами паслись зебры, чуть дальше пощипывало траву стадо канн. Эти крупные антилопы самые робкие; должно быть, догадываются, какой спрос на их мясо. Канн иногда держат как мясной скот, и даже нам сверху были видны большие мясистые складки^[19]. Дикие ли (каких видели мы) или домашние, откармливают их или нет, канны всегда выглядят тяжеловесами. Обращенные назад длинные, скрученные рога, наверное, выручают их в минуту опасности. Пока я разглядывал канн, мы потеряли высоту, и пришлось поспешно сбрасывать балласт.

Прошел час, мы уже начали волноваться, куда подевался табун, и тут он наконец показался. Это было поразительное зрелище. Я никогда не представлял себе, что на земле столько животных. Сначала мы увидели пятна, окруженные облаками пыли. Эти пятна распались на точки, и пыль поднялась выше к небу. Точки превратились в животных, из которых одни скакали, другие стояли на месте. Вот уже они заняли весь горизонт впереди. Прицел был взят точно. Если ветер вдруг не переменится, мы пролетим над центром огромного табуна...

Ален и Дуглас приготовились снимать. Я положил поудобнее оставшиеся мешки с

песком и обещал своим товарищам, что мы без скачков пройдем над табуном. Хотя все шло на диво хорошо, мы слишком волновались, чтобы радоваться, вернее, проявлять свою радость. Я дал аэростату спуститься ниже шестидесяти метров, так что конец гайдропа коснулся земли. Временами мы ощущали рывок, когда гайдроп проходил через дерево, но деревья тут стояли редко, и дальше их становилось все меньше. Табун пасся на открытом участке. Песок на пролысинах, тут и там пересыхающие водоемы, и тысячи, десятки тысяч животных... Солнце находилось на востоке, за нашей спиной, и тень от шара скользила по земле, словно указывая путь. Она ползла подобно гигантской амебе, изгибаясь по краям на неровностях почвы, даже вытягивая ложноножку, когда впереди вырастал бугор. Одновременно она играла роль чувствительного высотомера: ведь глаз тотчас подмечает, если очертания темной фигуры становятся больше или меньше. Внимательно следя за тенью, которая вела нас к стаду, я по мере надобности сбрасывал песок.

И вот табун под нами. Нас встретил могучий звук. На земле я уже слышал, какой шум производит это самое стадо, но в воздухе впечатление было куда сильнее. Хрюканье гну сливалось в сплошной гул; казалось, что гудит чудовищный пчелиный рой, только намного басистее. Хриплые, скрипучие созвучия непрерывно сотрясали воздух. Вот когда мы слышали подлинный шум мигрирующего табуна, а не жалкую имитацию. Монолитное стадо, которое трусило рысью, шло, щипало траву и мчалось галопом, воплощало огромную мощь. Удивительная, великолепная картина!

Наша тень буквально секла табун, но животные, будь то зебры, газели Томсона, газели Гранта или гну, не обращали на шар никакого внимания. Нас как будто вовсе не было. И только наша речь настораживала их. Сперва мы решили, что нелепо подкрадываться молчком: все равно мы на виду, тем более что земля дрожит от сплошного гула. И мы разговаривали — не столько из потребности что-то сообщить друг другу, сколько чтобы дать выход переполнявшему нас восторгу. Заслышав наши голоса, гну внизу срывались с места в присущей им манере — задрав кверху хвост и выбрыкивая задними ногами. Мы повторили опыт несколько раз. Пока молчим — все в порядке, но стоило нам заговорить, как животные нас тотчас слышали, несмотря на весь этот гул.

Мы извлекли урок из эксперимента и прекратили разговоры. Это было совсем нетрудно при таком количестве зрительных впечатлений, когда все равно не хватало слов выразить свои чувства. Волшебное зрелище! На пятнадцать километров в обе стороны тянулись шеренги копытных. Вперед ли, назад ли посмотришь — тысячи животных. И мы парили над этими полчищами с легкостью, которой обладает только аэростат, когда воздух спокоен и африканский день еще совсем юн. Разумеется, он с каждой минутой взрослел, и вскоре это должно было отразиться на нас. Становилось все сложнее управлять шаром, и удобная для нас высота шестьдесят метров из правила начала превращаться в исключение. Впрочем, на первых порах мне достаточно было усилить внимание, чтобы съемки и наблюдения продолжались без помех.

Когда был пройден весь табун, оба его фланга ушли назад и прямо по курсу остались только отдельные животные, мы с радостью обнаружили, что пролетим точно над водоемом. Источник почти высох, но возле него стояло несколько гну: одни — в грязи на краю лужи, другие — на утоптанной, твердой, сухой земле вокруг.

— Пройдем над источником на высоте шестьдесят метров. Будьте начеку.

— Отлично, — сказал Ален. — Это место мне нравится. Сейчас я досниму ленту.

Он в самом деле ее доснял, и мы в самом деле подошли к луже на высоте шестьдесят метров, но над нагретой солнцем площадкой шар попал в восходящую струю. Ален в это время присел, чтобы сменить кассету, зато мы с Дугласом увидели, как земля проваливается

куда-то вниз, и поняли, что блаженству пришел конец. Заранее предвидя результат, я поглядел на альтиметр и убедился, что стрелка подскочила от шестидесяти до пятисот метров. Восходящая струя хорошо поработала. Закончив перезарядку, Ален выпрямился... и увидел сильно изменившийся мир. От неожиданности (мы с Дугласом не комментировали наш прыжок) у него даже закружилась голова, и он поспешно ухватился за край корзины. Ален никак не ждал от земли такого коварства: минуту назад до нее было шестьдесят метров, и вдруг она отступила почти на полкилометра!

Безмятежный полет кончился. Одна за другой следовали промежуточные посадки, и мы сбрасывали песок уже не горстями, а килограммами. Но хотя табун кончился, до конца Серенгети было еще далеко, и мы, правда уже без определенной цели, продолжали полет. Помню, в одном месте мы увидели на земле мертвую зебру, на которую садились парящие наравне с нами грифы. В известном смысле сейчас мы видели все так, как это веками видели грифы. Извечно они наблюдают жизнь на равнине, всегда готовые выступить в роли мусорщиков, когда смерть пожинает свой урожай. Хищные птицы плавно спускались вниз, взмахивая крыльями только перед тем, как сесть на тушу. Мы смотрели на эту картину, а сами готовились к очередной промежуточной посадке.

Как ни хотелось нам продолжать полет, в конце концов пришлось закругляться. Все чаще на нашем пути появлялись ухабы, все более бесцеремонно обращались с нами воздушные течения. Я делал все, что мог, но этого явно было недостаточно, и после двадцатого ненамеренного столкновения с землей я решил, что лучше садиться. Мы не подвергались серьезной опасности, толчки не причиняли вреда ни нам, ни снаряжению, однако каждый последующий толчок был сильнее предыдущего, и можно было представить себе, к чему идет дело. Кроме того, табун давно исчез вдаль, и рассчитывать на встречу с чем-либо подобным не приходилось. Вот опять, хотя мы не скупилась на песок, пошли вниз с высоты сто метров и стукнулись о землю. На этот раз толчок был болезненным. Да, хватит с нас промежуточных посадок, следующая должна быть окончательной.

Пока Дуглас и Ален выясняли между собой, кому из них снимать приземление (у оператора обе руки должны оставаться свободными, для съемок, а его помощнику надлежит крепко держать оператора и самому держаться за гондолу, чтобы никто из них не покинул ее преждевременно), я приготовил веревки: синюю от выпускного клапана и красную от разрывного полотнища. Не дожидаясь, когда нас опять увлечет нисходящее течение, я открыл выпускной клапан, и мы сами, по собственной воле пошли вниз.

— Внимание! Всем держаться! Дергаю разрывное. Есть. И мы приземлились. Гондола скрипнула, но не подскочила, а медленно опрокинулась набок, увлекая нас с собой. Жесткая трава Серенгети погладила нас по лицу в знак завершения полета. «Джамбо» покорно расстался с водородом, и все кончилось. Был аэростат, осталась корзина с тремя пассажирами и куча оранжевой ткани с сетью. Достоинно и благородно воздушный шар прекратил свое существование, перестав быть частицей восхитительного небосвода. Кончились его воздушные странствия, кончились его африканские дни.

И мои африканские дни тоже кончились. Разумеется, еще предстояло немало дел. Надо было уложить снаряжение и отправить его домой, нанести визиты всем, кому следовало, и поблагодарить всех, кому мы были обязаны. И на этот раз я вылетел транспортным самолетом, но если в Африку меня сопровождали всякие аппараты, то теперь моими попутчиками были животные — бабуины, сотни зеленых мартышек. Я помогал стюарду кормить их в назначенное время и умирять тысячи вредных попугаев. В Хартуме и на Мальте мы выводили на прогулку собак, и я бегал, как заведенный, по трапу, увлекаемый истосковавшимися по травке псами. Словом, перелет был увлекательным, и он придал мне

сил для встречи с таможенной.

— Аэростат? Боюсь, сэр, это будет не так-то просто... Вы же знаете, у нас есть правила, постановления, которые мы обязаны выполнять. Сейчас я посмотрю. Так, вот здесь все написано. Аэростаты и воздушные корабли двадцать процентов. Да, придется вам уплатить пошлину в размере двадцати процентов от объявленной ценности. Ведь аэростат изготовлен в Бельгии, а вы его импортируете в нашу страну. Таковы правила, поскольку аэростат не изготовлен в Великобритании. Будь он британского производства, тогда другое дело.

— Но... — произнес я и смолк.

Собравшись с духом, я вооружился аргументами насчет допотопного законодательства, давно нуждающегося в пересмотре, и необходимости проявлять здравый смысл. Я спросил: можно получить данные, сколько дирижаблей прошло через таможеню за последний год? или за последние тридцать лет? или за столетие? И почему пошлина на аэростаты и дирижабли выше, чем на самолеты? Я призвал таможенников плюнуть на устаревшие, косные правила, мне вовсе не хотелось страдать из-за мелочных придирок. Я спросил, какая пошлина установлена на ввоз из Бельгии луков, кремневых ружей и долбленок и как определить ценность моего шара, если, кроме меня, все равно никто не может на нем летать, и сколько честных контрабандистов, провозящих в поясе часы и духи, они пропускают за спором со мной. Я твердил свое, они свое. — Но... — вымолвил я и опять смолк.

Впрочем, когда мы вылезали из гондолы в Серенгети, все это еще было далеко впереди. Свертывая оболочку, я не думал о таможене, в мыслях я еще парил над табуном. И уж конечно, я не думал о таможене вечером, когда пошел сильный дождь и по ровному серому цвету неба стало понятно, что это надолго. Полет над равниной состоялся вовремя.

Последние дни в Серенгети, пока шла подготовка к отъезду, мы стояли у озера Лагая. Изю всех наших лагерных площадок эта, пожалуй, была самая красивая, и мы особенно неохотно расставались с ней. Было условлено, что я выеду первым, а мои товарищи останутся, чтобы закончить наши дела в Серенгети. Вот почему я один покинул лагерь и отправился в обратный путь домой. Как обычно, рядом скакали зебры, танцевали газели и передние колеса моей машины безошибочно находили норы гиен. Одни животные сменяли других: вот группа антилоп конгони, вот стая сонных львов, опять антилопы — одиночками, большими стадами, гепард, канны — так много канн вместе я увидел впервые. Наконец я достиг дороги. Не спеша подчиниться ее прямолинейной целеустремленности, ее недвусмысленным указаниям, куда надлежит ехать, я свернул в сторону, чтобы еще раз взглянуть на мир, с которым мне предстояло расстаться. Выключив мотор, я на несколько шагов отошел от машины. Над землей, размазывая контуры животных, колыхалось марево.

А. Съёмка шара с земли

Воздушная съёмка, тем более в Африке, сопряжена с особыми трудностями. Когда оператор пытается с земли снять свободно парящий шар и особенно его приземление, главная проблема — оказаться достаточно близко к месту события. Насколько трудна эта задача, видно из того, что еще ни один оператор не сумел снять приземление шара, потому что нельзя предугадать, когда и где оно произойдет. Правда, в Голландии я однажды был в четырехстах метрах от приземляющегося шара, однако ничего не снял, ибо (а) я не ожидал, что он будет садиться, (б) у меня кончилась пленка. В итоге я упустил возможность снять неповторимые кадры, тем более уникальные, что при первом ударе о землю один пассажир вывалился из гондолы, а при втором ударе участвовавший в полете оператор разбил свой 35-миллиметровый «Аррифлекс».

Нам с Аленом Рутон приходилось сопровождать аэростат на автомашинах, моторных лодках и самолетах, но ни одно из этих средств сопровождения не оправдало себя.

В Африке мало автомобильных дорог, к тому же машина не могла следовать за «Джамбо», когда он летел через озеро Маньяра, или через крупнейший кратер мира, или через злокозненную гряду Нгонг. Даже сам «Джамбо» не очень-то охотно пересекал эти могучие природные препятствия, так можно ли тут говорить о грузовике? Ален сопровождал нас на моторной лодке после вылета с Занзибара, но мы шли вдвое быстрее и очень скоро превратились в крохотную точку, которую даже самый мощный объектив не мог достать. При съёмке шара с летательного аппарата тяжелее воздуха создается видимость, что аэростат летит со скоростью самолета. Для фотоснимка это не играет роли, но, когда на телевизионном экране шар мчится со скоростью 120–130 километров в час, это нелепо.

Только с вертолета можно удовлетворительно снять свободно парящий шар. Так был снят «Джамбо» в начале злополучного перелета из Найроби. Но с вертолетом надо быть осторожным. Мне рассказывали, как нисходящий поток воздуха, созданный вертолетом, вынудил одного отставного испанского адмирала сесть и от удара о землю шар лопнул.

Оператор должен стремиться к тому, чтобы снять аэростат, так сказать, в каком-нибудь контексте. Если показывать шар просто на фоне неба, это зрелище быстро наскучит. Лучше, когда в кадре — снят ли он с земли или с вертолета — есть ландшафт, над которым идет шар. Наш инструктор Ян Бусман требовал от каждого кадра романтичности. У него есть снимки шара, отражающегося в зеркальной глади итальянского озера или пролетающего над пирамидами и Нилом. Аэростат чрезвычайно романтический объект, его свободный полет — настоящее волшебство.

Чтобы передать эту романтику и волшебство, оператору нужны объективы, начиная от 24-миллиметрового широкоугольника для 35-миллиметровой камеры (даже больше — ведь шар достигает пятнадцати метров в высоту, и на стартовой площадке оператор рядом с ним выглядит совсем маленьким) или 12,5-миллиметрового (и больше) для 16-миллиметровой камеры до 400-миллиметрового телеобъектива для съёмок удаленного шара или крупного плана гондолы и ее пассажиров в полете. И конечно, нужна цветная пленка.

Б. Съёмка земли с шара

Эта задача куда сложнее. Во-первых, гондола «Джамбо» размером 90x120 сантиметров вмещала три человека команды, мешки с песком и прочий груз, как-то: телескопы, мегафоны, бананы в гроздьях и лемура. Таким образом, место не позволяло искать наилучшую точку для съёмки, некуда было положить камеру во время перезарядки, негде положить остальную аппаратуру (твёрдая коробка с острыми углами могла поранить людей при посадке), так что объективы мы засовывали в карманы брюк, а свободные камеры вешали на колышках. Наконец, при съёмках в гондоле трудно было удалиться от персонажа больше чем на полметра. В гондоле аэростата оператор чувствует себя словно в смиренной рубашке.

Вторая трудность (очевидно, связанная с особенностями полётов над Африкой) была вызвана тем, что высота полёта «Джамбо» колебалась от одного метра до двух километров. Чтобы справиться с таким диапазоном высот, оператору нужен богатый набор объективов. Мы ведь задумали использовать уникальную наблюдательную площадку, какой является аэростат, для съёмки животных. Оптимальной была бы высота 60–100 метров, но в Африке редко удавалось обеспечить оптимальную высоту, так что мы прибегали к разной оптике — от 12,5-миллиметрового широкоугольника на 16-миллиметровой кинокамере «Аррифлекс» до 400-миллиметрового длиннофокусного объектива на 35-миллиметровой фотокамере — и снимали с разных высот, начиная от минусовой на гряде Нгонг («уникальные кадры: козы — вид снизу», выражаясь словами Алена) и кончая 500-метровой при полёте над Серенгети («уникальные кадры: стервятники — вид сверху», выражаясь словами того же Алена). Установить в гондоле треногу мы не могли (слишком громоздко и обременительно, слишком опасно для команды при посадке), но в отличие от самолёта аэростат настолько стабилен и летит так медленно, что вполне можно снимать с рук (применяя пистолетную рукоятку или плечевой упор), ставя более длиннофокусные объективы. С высоты 300 метров я снял 150-миллиметровым объективом слона на берегу озера Маньяра. Снимал также 90-миллиметровым объективом стадо буйволов, которое ломилось через салехский лес в Нгоронгоро.

Третья проблема — она постепенно превратилась у нас в навязчивую идею, — как снять из гондолы шара кадры, которые вполне передавали бы, что такое полёт над Африкой, что значит парить над краем чудес и смотреть на озера, леса, на крупных животных, словно с волшебного ковра-самолёта. Нужны были такие кадры, каких не снимешь, скажем, с вертолёта. Разумеется, это прежде всего вопрос навыка и умения выбрать материал, однако технические трудности сделали задачу почти невыполнимой. Например, надо, чтобы вид земли с шара непременно включал какую-то часть самого шара на переднем плане. Так, при съёмке простёртых внизу коралловых рифов Занзибара «мы» составляли не менее важную часть кадра, чем рифы, иначе не передашь эффект парения. Мы мечтали о камере, управляемой на расстоянии, укрепленной где-то над строповым кольцом и направленной вниз, чтобы на переднем плане была отчетливо видна команда, а на заднем не менее отчетливо рифы. В самом деле, разве плохо было бы получить кадры, как мы пьем шампанское над Занзибарским проливом на фоне широкой панорамы синего моря, желтых рифов и зеленого берега Танганьики. Увы, примостить камеру надлежащим образом не удалось.

Чтобы управлять камерой на расстоянии, необходим электропривод, к тому же наш «Аррифлекс» был слишком тяжел и стоил слишком дорого, чтобы доверить его сомнительному сооружению из веревок и досок, плывущему высоко над Африкой вне

пределов нашей досягаемости. Как доставать оттуда камеру для перезарядки? Как проследить за композицией кадра в видеоискателе? Что делать при внезапной промежуточной посадке, когда камера сорвется к нам в гондолу? И как быть с непреложным техническим фактом, что искажение перспективы широкоугольником, который придется поставить, превратит слона на земле в тлю? Мы так и не применили дистанционного управления для киносъемки, но в последнем перелете успешно использовали этот способ для фотографирования: поднимали вверх на алюминиевом шесте 35-миллиметровую камеру (объектив 24-миллиметровый «Иско Вестрогон») и особым приспособлением спускали затвор. Но и этот шест был опасен для людей в полете. Видимо, единственный выход — снимать гондолу и землю телевиком с другого, сопровождающего шара. А это почти невозможно.

И четвертая проблема, присущая не только съемке с шара, но и всякой съемке, когда оператор не выступает в роли постороннего скрытого глаза, а является членом отряда. В этом случае, когда происходит что-нибудь драматическое или опасное, оператор обычно бросает камеру и помогает товарищам; в итоге самые волнующие эпизоды оказываются незаснятыми. Так было с нами. Когда лопнули стропы в Занзибаре, когда шар едва не разорвала в клочья внезапная буря в Маньяре, когда в полете над огромным стадом буйволов запутался гайдроп, когда мы раз за разом ударялись о землю на гряде Нгонг, нам было не до съемок, мы дружно тянули стропы или молились богу. Выход прост. Берите с собой такого оператора, который будет нажимать спуск, даже если кругом будут ломаться руки-ноги. Идеального, аморального, бесстрастного оператора с одной-единственной функцией. Но экспедиция с таким участником вряд ли доставит радость остальным ее членам. Такой человек готов ради хорошего кадра удушить собственную бабушку.

Головоломное предприятие, известное под названием посадки, этот неоспоримо драматический элемент всякого полета на воздушном шаре, нам удалось заснять несколько раз (в Маньяре полностью, в остальных случаях частично). Здесь все решают нервы и трезвый ум оператора. От него требуется, чтобы он был готов, стоя в этакой бельевой корзине и держась только за свою камеру, упасть на землю со скоростью около тридцати километров в час. Это испытание не для новичков. Когда мы потом просматривали отснятый материал, было очень увлекательно наблюдать, в какую секунду, к счастью для оператора, его нервы сдавали: вдруг в кадре появлялась часть стремительно надвигающегося сухого дерева или густые заросли, поглощающие гондолу, и все это сменяла пустота. В перелете из Найроби мы не снимали посадку, так как за неимением балласта сбросили пленку. Подводя итог, выражу свое мнение, что съемки из гондолы воздушного шара — дело нелегкое, зато очень интересное.

В. Съёмка животных

Мы очень много снимали животных на земле. Тут нужна особая техника, предполагающая знание повадок животных, быструю реакцию и толику удачи. Большинство зверей не боится человека, сидящего в автомашине (она перебивает его запах), поэтому можно очень близко подъехать к львам, носорогам и другим крупным животным. Мы установили «Аррифлекс» на головке «Миллер», которая почти постоянно была укреплена на дверце лендровера со снятым стеклом. Это обеспечивало высокую подвижность камеры, она всегда была наготове и находилась на наиболее выгодной для съёмки животных высоте. Не годится снимать с треноги, установленной в кузове лендровера или, что еще хуже, на его крыше.

Нам удалось получить немало интересных кадров крупных животных, но много возможностей мы упустили. В кратере Нгоронгоро Антони Смит озадачил льва, едва не наступив на него, но я ничего не успел снять, потому что находился за спиной Антони и никак не ожидал такой сцены. Не пришлось мне снять и львицу, которая шла следом за мной вокруг палатки в Серенгети, — в камере был не тот объектив! Где бы ни находился оператор в гондоле воздушного шара или в двух метрах от хищного зверя, нельзя, чтобы объект съёмки влиял на него.

Проверить оболочку иногда приходится и вот так

Подвеска гондолы перед первым полетом

Солдаты помогают экипажу занять свои места

Старт со спортивной площадки школы. Курс на Африку

С нами летел лемур

Чего больше — любопытства или страха? — в ее глазах

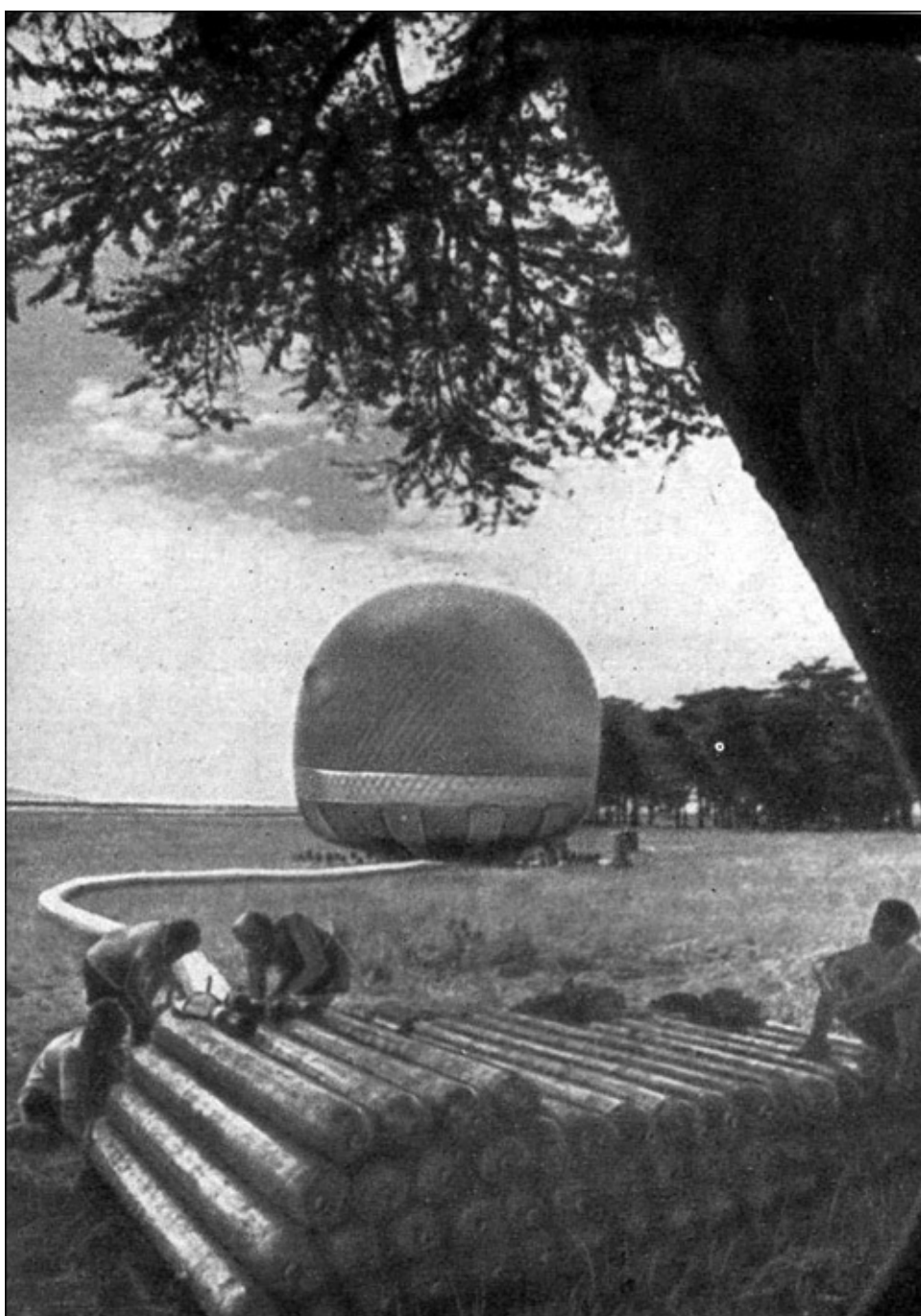
В полете нужно постоянно следить за альтиметром

Примерно через полчаса после старта мы прощались с рифами Занзибара

Приземление в районе Багамойо

Заправка шара. Вдали растет грозная туча

После посадки в Маньяре наземная команда нашла нас довольно легко

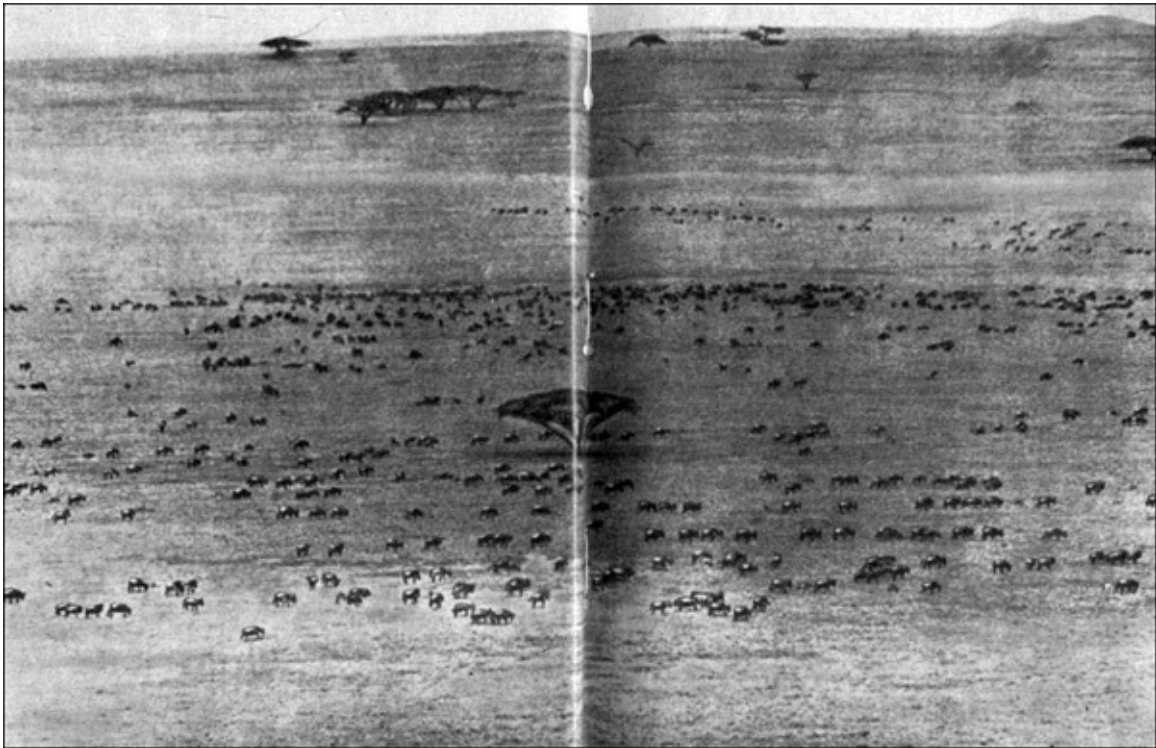

Блуждающие пески у самой границы Серенгети

Не все соглашались позировать, как эти двое

Серенгети. Зонтичные акации, безбрежные просторы, стада антилоп

Завтрак в Серенгети

У этих тоже

Каждый полет нам казался волшебством

Посадка в Нгоронгоро происходила не по учебнику

Надвигается буря

После приземления

В воздухе над Рифт-Вали

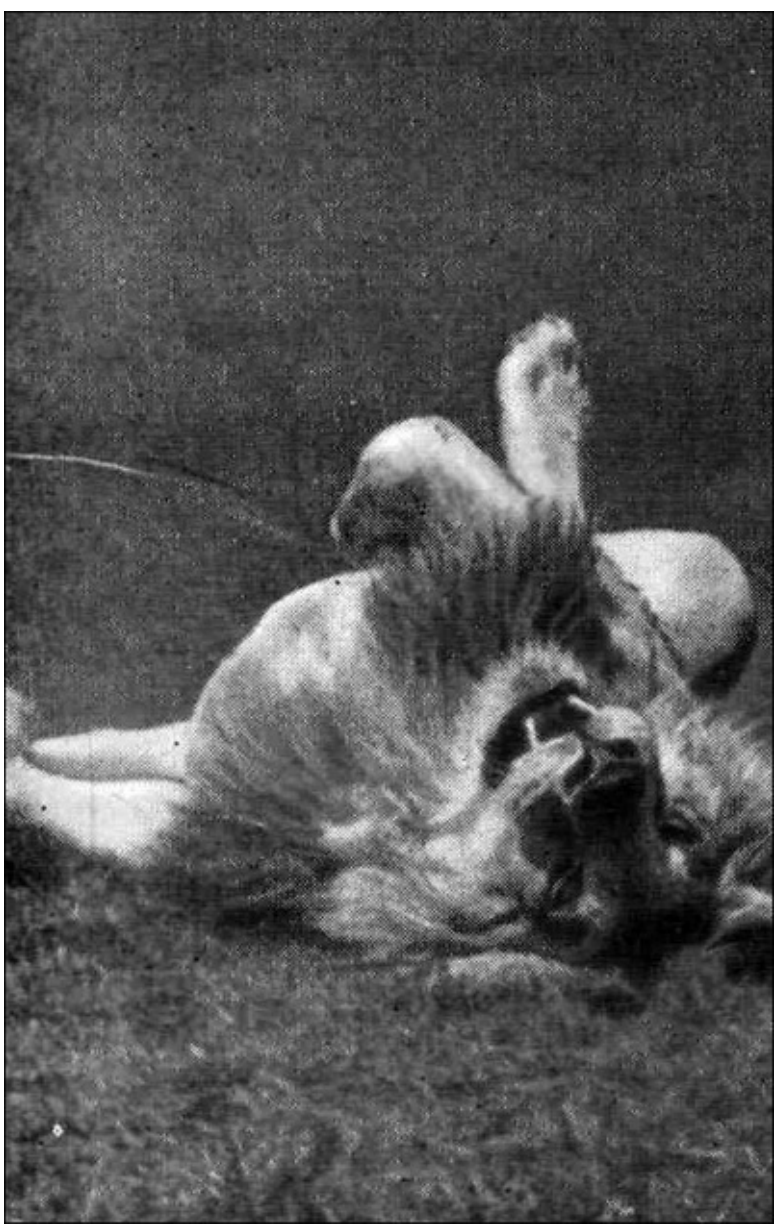

Старт. Ален спешит заснять торжественный момент

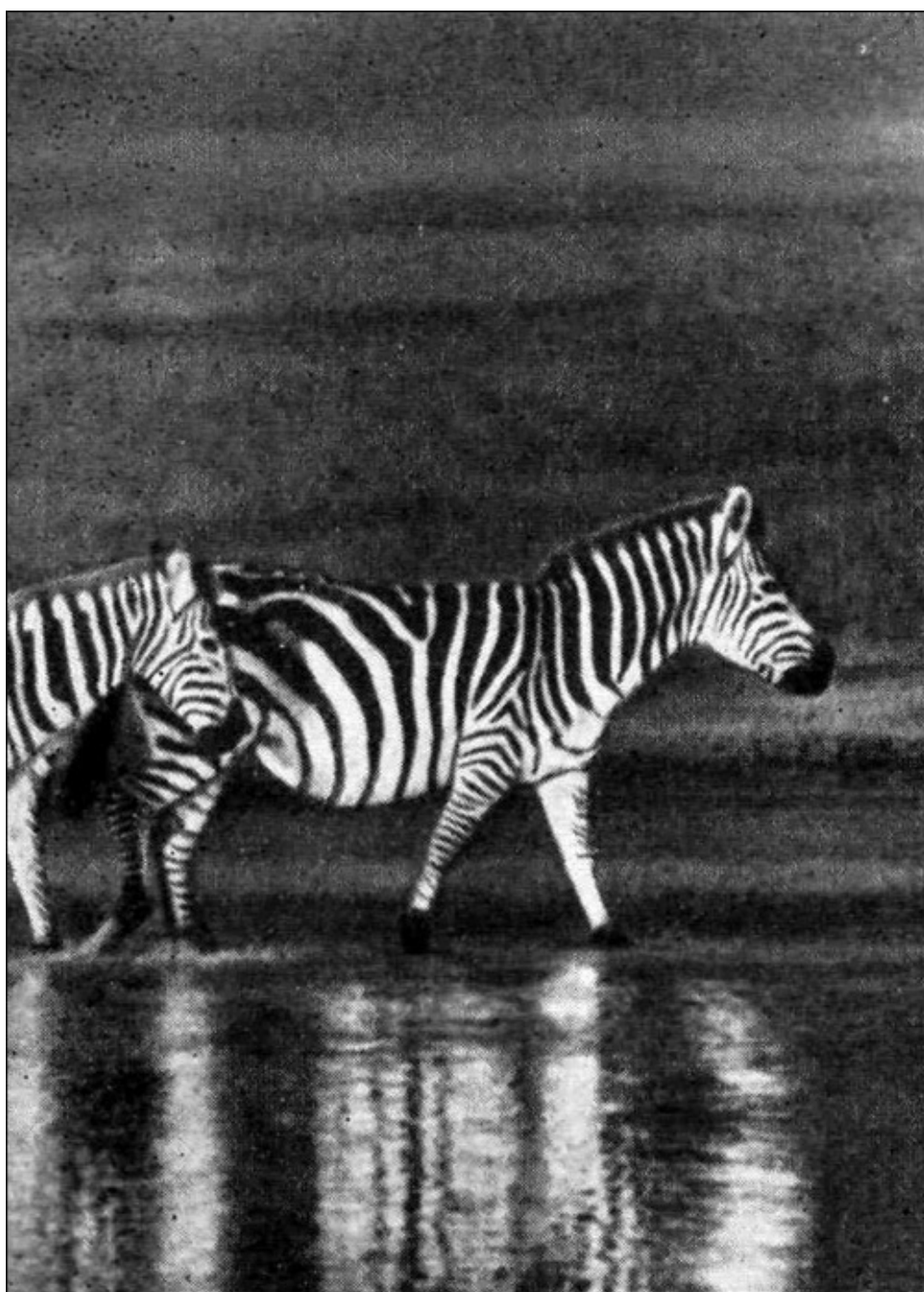
Идем над акациями

Поездки по дну кратера давали массу впечатлений

Эти зебры и газель против фотографирования не возражают

Послесловие

Андрей Григорьевич Банников

Антони Смит — журналист и зоолог, автор ряда увлекательных книг, относится к тем людям, которых тревожит будущее диких животных. Совершенно необычным путем — полетом на аэростате — он решил оказать помощь своим любимцам. Насколько ему удалось осуществить наблюдения за животными и их учет с воздушного шара, вы убедились, прочтя эту книгу. Во всяком случае несомненно, что эта талантливая и увлекательная книга привлекла внимание миллионов читателей к проблеме охраны африканских животных и судьбе национальных парков.

А национальные парки и резерваты Танзании, эти хранители удивительного животного мира Восточной Африки, действительно заслуживают всяческого внимания.

Уместно напомнить, что до прихода в Африку европейцев природа и человек находились в относительном равновесии. Колонизаторы в числе прочих атрибутов цивилизации принесли на континент огнестрельное оружие и, что еще важнее, огромный спрос на бивни слонов, шкуры диких зверей, их хвосты, гривы, ноги, т. е. на те предметы, которые ранее совсем не имели никакой потребительской ценности. Последнее настолько резко изменило положение, что уже к концу прошлого века дикие животные во многих районах оказались на грани полного истребления. Несмотря на это, белая администрация в Африке оставалась весьма далекой от идей охраны природы. Немногие национальные парки, созданные в конце прошлого и начале нашего столетия, ставили своей задачей лишь сохранить уголки экзотической природы для белого человека в развлекательных целях.

Только в 20-х годах под давлением научной общественности стали организовываться национальные парки и резерваты на всем континенте.

Именно в это время в тогдашней Танганьике, о которой идет речь в книге, в местах, где еще сохранились животные, возникли первые охотничьи заказники. Одним из первых таких заказников в 1929 году стала охраняемая территория между местечком Серонера и озером Виктория, в центральной части нынешнего национального парка Серенгети. В 1940 году она была значительно расширена и преобразована в фаунистический заказник, а через десять лет на ее основе создан большой национальный парк Серенгети, куда входил и кратер Нгоронгоро. Однако в 1959 году, несмотря на работы профессора Б. Гржимека и его сына Михаэля, обосновавших необходимость сохранения всей территории неприкосновенной, колониальные власти урезали территорию парка, а кратер Нгоронгоро объявили отдельным резерватом. Немедленно в коридор между Серенгети и Нгоронгоро хлынули браконьеры, а в районе Икомы возник даже целый поселок браконьеров, насчитывавший до двухсот домов. Браконьеры отлично знали, что в сухой сезон именно здесь проходят пути кочевков диких копытных из национального парка, и нещадно истребляли их тысячами. При этом мясо почти не использовалось, ибо его трудно было хранить, и животных убивали ради экзотической галантереи: мухобоек из хвостов зебр, корзин для бумаг из обрубков слоновьих ног, настенных украшений из рогов антилоп и т. д. Над животными вновь нависла угроза полного истребления.

Вот почему, пишет Антони Смит, «выбор воздушного шара для наблюдения за животными определялся тем, что применение столь эксцентричного средства транспорта из прошлого века помогло заинтересовать общественность этой проблемой». Действительно, полет А. Смита и его товарищей, неустанная пропаганда идей охраны природы профессором

Б. Гржимеком и другими учеными, а также обращение Международного союза охраны природы к колониальным властям несколько сдержали наступление на заповедники.

Существенно изменилось положение с заповедными территориями после образования независимого государства Танганьики в 1961 году и объединенной Республики Танзания в 1964 году. Освободившись от колониального гнета, народы Африки немедленно обратили внимание на огромную материальную и культурную ценность природных ресурсов своих стран. В 1961 и 1966 годах состоялись две специальные конференции по охране природы Африки. Президент Танзании Юлиус Ньерера лично посетил национальные парки и дал указания об упорядочении размещения населения в районе Серенгети и разработке проекта организации новых парков и резерватов.

В первый же год самостоятельности Танзании было создано два новых национальных парка, а в 1966–1967 годах еще два парка и ряд резерватов. Территория национального парка Серенгети вновь расширена, и в настоящее время в Танзании заповедано 9,9 % территории страны. Очень много сделано для пропаганды идей охраны природы.

Вместе с тем проблема национальных парков и резерватов Африки остается весьма сложной. С одной стороны, эти заповедные участки, как эталоны типичных природных ландшафтов, должны быть сохранены для грядущих поколений. С другой стороны, они представляют собой «живые музеи», где люди должны увидеть неповторимые богатства и красоту природы, что имеет исключительно большое воспитательное и эстетическое значение. Наконец, заповедники — это природные лаборатории, и только там могут быть разработаны научные основы рациональной эксплуатации и охраны природы.

Совершенно очевидна известная противоречивость этих задач. Так, перед национальным парком озера Маньяра и резерватом Нгоронгоро встал вопрос о «человеческой эрозии», поскольку поток туристов резко возрастает. Ограничить туризм трудно еще и потому, что прибыль от туризма составляет значительную долю общих доходов страны.

В Серенгети, где туристов еще мало, возникли другие проблемы, в числе которых очень актуальной оказалась «проблема слонов», пришедших сюда из Кении. За последние 10 лет число их возросло почти в 40 раз, достигнув почти 2,5 тысячи. При небольшом количестве древесной растительности в Серенгети слоны губят ее с угрожающей быстротой. Это положение усугубляется тем, что ежегодные пожары в саваннах уничтожают молодой подрост акаций. Ограничение численности слонов путем отстрела противоречит принципам заповедности. Поэтому проект открытия охоты на слонов в Серенгети и поставка их мяса на завод в Лолионда, где уже перерабатывается на консервы мясо гну, буйволов, зебр и других диких копытных, добываемых на незаповедных землях Танзании, вызывает резкое возражение Управления охраны природы и национальных парков.

В Серенгети сейчас работают два научных учреждения: мемориальная лаборатория Михаэля Гржимека в Банаги и институт в Серонере, созданные по инициативе профессора Б. Гржимека.

Лаборатория и институт заняты важнейшими вопросами изучения пастбищ, паразитарных заболеваний животных, взаимоотношений между хищниками и жертвой. В частности, большой интерес представляют работы по изучению хищников, для чего сотрудниками было помечено ушными метками более ста львов (!). Большие работы проводятся по изучению влияния пожаров на сообщества степей и саванн, изучается устойчивость сообществ, нарушенных деятельностью человека. В последний год институт приступил к изучению биологической продуктивности экосистем и скорости переноса энергий от одного трофического уровня к другому в плане Международной биологической программы. Продолжаются работы по изучению экологии и этологии основных видов

животных. В этих работах профессор Б. Гржимек применяет интересный метод надувных резиновых чучел зверей.

Национальные кадры ученых в молодых развивающихся странах только начали формироваться, и в Серенгети большую часть исследований проводят иностранцы, что также сопряжено с некоторыми трудностями.

Словом, сложных и пока не решенных проблем, стоящих перед заповедниками Танзании, еще очень много. Только о некоторых из них и не всегда в современном понимании проблемы говорит в своей книге Антони Смит. Вместе с тем проникнутая искренней любовью к природе и очень увлекательно написанная, эта книга завербовала уже многих людей во всем мире в растущую армию борцов за охрану диких животных, и в этом ее несомненная и очень большая заслуга.

notes

Примечания

Персонаж сказки Льюиса Кэрролла «Сквозь зеркало и что там увидела Алиса».

Сизаль — вид мексиканских агав — растение из сем. амариллисовых, которое в большом количестве культивируется в странах Восточной Африки для получения грубого текстильного волокна из листьев. Листья агавы очень твердые и колючие (*Здесь и далее комментарии профессора Андрея Григорьевича Банникова*).

Теперь из Дар-эс-Салама в Багамойо проложено хорошее шоссе.

Богомолы — особый отряд хищных насекомых. Свое название они получили за манеру держать приподнятыми, словно для молитвы, передние ноги, вооруженные крепкими шипами. Особенно разнообразные и крупные богомолы (до 6–8 см) обитают в тропиках.

Болотные козлы — один из видов антилоп, живущих в густых прибрежных зарослях африканских рек и озер.

Бородавочник — один из видов африканских диких свиней, получивших свое название из-за трех больших бородавчатых наростов с каждой стороны массивной, широкой морды, вооруженной огромными клыками. Роет большие, глубокие норы.

Древесные даманы — один из видов отряда даманов — зверей, близких к копытным, но размером с зайца. Даманы распространены в Африке и Аравии. Они растительноядны и ведут стадный образ жизни, обитая среди скал или на деревьях. Короткие, четырехпалые конечности даманов имеют на пальцах копытообразные когти; строение зубов сходно с таковым у копытных и слонов; желудок двухкамерный.

Адреналин — гормон мозгового вещества надпочечников. Выделение его в кровь резко возрастает при эмоциональных переживаниях и влечет за собой учащение и усиление сердцебиения, ритма дыхания, общего обмена и т. д.

Геренука, или жирафовая антилопа, — африканская антилопа с очень длинной шеей, что позволяет ей доставать листья с ветвей деревьев.

Дик-дик — антилопы рода Майодиа (семь видов), характеризующиеся небольшими размерами (40–60 см высотой), короткими, прямыми рожками у самцов, вытянутой в короткий хоботок мордой и большими ушами. Живут в кустарниковых зарослях Африки.

Долгоног — африканский грызун, относящийся к особому семейству. Внешне напоминает тушканчика, но размером с кролика, имеет равномерно пушистый хвост. Активен по ночам. Живет в пустынных степях и саваннах.

Калebas — сосуд для молока, воды и т. д., изготовленный из особых высушенных тыкв, имеющих форму высокого кувшина. Калebasы обычно разрисовывают, украшают бисером и т. п.

Все дикие копытные открытых пространств, как бы соревнуясь в беге с автомашиной, пытаются обогнать ее, чтобы пересечь ей дорогу и затем уйти в сторону. Этот инстинкт возник как приспособление выйти из окружения, когда их гонит хищник. Однако при многократном преследовании на машинах этот инстинкт угасает.

Топи — антилопа из группы коровьих антилоп, или бубалов. Крупные, высокие антилопы с короткими, мощными рогами у самцов и самок и большой кистью волос на конце хвоста.

Автор не совсем прав. Метод авиаучета диких копытных, разработанный в Серенгети профессором Б. Гржимеком и многократно проверенный в последующие годы, показал вполне достаточную точность. Изменение абсолютного количества диких копытных определяется закономерными сезонными и годичными изменениями условий.

Бонго — один из видов антилоп канн — самых крупных антилоп Африки, близких по организации к быкам.

Фильм «Серенгети не должен умереть» имел огромный успех и демонстрировался в 63 странах мира. Книга того же названия переведена на 26 языков. В 1968 году она вышла на русском языке в издательстве «Мысль».

Турачи, или франколины, — куриные птицы, широко распространенные в Африке и Передней Азии. Напоминают серую куропатку, но более ярко окрашены. Населяют степи, саванны и пустыни. Один вид турача обитает у нас в Восточном Закавказье и Юго-Западной Туркмении.

Опыты содержания антилопы канны как домашнего животного главным образом для получения лечебного молока впервые начали проводиться у нас, в Аскании-Нова, еще в 1896 году. Фермы, где содержат канн ради мяса, созданы в ряде стран Южной Африки.